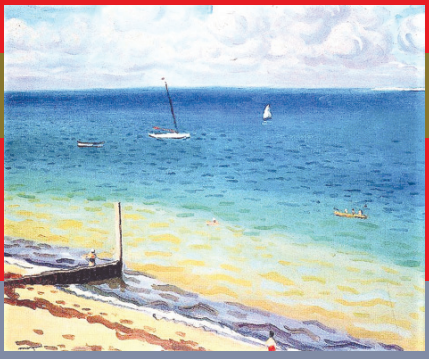
Одесский альманах

№87

IV / 2021

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ



PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (87), 2021
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга,
Михаил Пойзнер, Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Маразлиевская, 14а, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (87), 2021
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга,
Михайло Пойзнер, Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Маразлієвська, 14а, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2021
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2021

От редакции

Номер альманаха, который вы сейчас перелистываете, уже 87-й. Значит, выпускаем мы альманахи 21 год. Когда-то говорили: с точностью часов. Сейчас другие поговорки, но мы действительно ни разу не подвели читателя. Так что уверены, что до выхода на десятый десяток – три-четыре номера. Постараемся встретиться с вами, наши читатели и писатели, на том же месте в тот же час.

Мы завершаем год с большими потерями, с большими утратами. Нас, тех, кто выпускал первый номер, уже не трое, а двое. И многих любимых авторов унесла пандемия. В своем приветствии к одному из юбилеев альманаха (нам тогда исполнилось 15 лет) Михаил Жванецкий называет нас по именам, как и мы его… Последнюю строчку его письма в редакцию мы напомним в конце этого обращения к вам.

А теперь – еще о событии, с которым президент Всемирного клуба одесситов поздравлял в год, когда клубу исполнилось 25 лет. В нем есть и такой вывод: «Теперь Одесса движимая и недвижимая связаны навсегда». Строка опять же – последняя: М. М. знал толк в том, где нужно поставить точку…

Сегодня, когда его нет с нами, смысл этой констатации приобретает особое значение. Пример его прозорливости, свидетельство тому – этот номер альманаха, где материалы никак не зависящим от составителей образом связаны между собой. Как Жванецкий и предсказывал – недвижимо и движимо.

Начнем с того, что герой публикации о семье одесских архитекторов Михаил Федорович Безчастнов много лет назад обустраивал тот бульвар, который со временем получит имя Жванецкого…

И это еще не все. В статье «Смотрите, кто ушел» Белла Кердман вспоминает о нашем замечательном авторе, профессоре Александре Дорошенко. Белла Феликсовна в далекие 50-60-е годы была наставником будущих журналистов, поэтов, прозаиков. Тогда в молодежке «Комсомольское племя» (позднее – «Комсомольська іскра») работали Юрий Михайлик, Борис Деревянко, Борис Нечерда, Феликс Кохрихт, а позднее – Евгений Голубовский. В сегодняшнем номере – стихи Михайлика. И здесь же – воспоминания о нашем (всех перечисленных выше) первом редакторе «Комсомольского племени» Эрванде Григорянце, а в разделе «Публикации» – его афоризмы, присланные нам сыном Тимуром.

Еще одно печальное сочетание этого года – уход Олега Губаря, и радость – долгожданный выход в свет его грандиозного двухтомного труда «Топография Пушкинской Одессы»… Главы из главной книги Олега печатались в альманахе как «Путеводитель по пушкинской Одессе». Сегодня особый смысл для нас, знавших его, приобретает в заглавии термин «топография» – так принято называть книги о расположении объектов, что встретятся путнику. В нашем литературном путешествии исследуется вершина Одессы: это уже 200 лет – Пушкин. В этом еще одна составляющая личности и натуры Губаря – историка, писателя, гражданина, географа по университету.

Альманах считает своей честью поддерживать традиции наших товарищей, заботиться о сохранении их памяти. Мы будем помогать собирать материалы для музея-квартиры Жванецкого на Старопортофранковской, 133, мы надеемся, что будет объявлен городской краеведческий конкурс памяти Олега Губаря, и постараемся наиболее достойные исследования публиковать в нашем альманахе.

Сегодня Всемирному клубу одесситов уже 31 год. Среди событий, которые здесь происходят, особо выделим недавно закончившийся Литературный конкурс, в котором одесские школьники представляют работы по истории города. Конкурс уже шестой, он проводится в память о его инициаторе – учителе по профессии, заместителе директора Всемирного клуба одесситов Аркадии Креймере. В нашем традиционном разделе «Первые шаги» – экскурсии по Одессе, разработанные его участниками.

Как и обещали, в завершение этого обращения к читателям от редакции – та строка из давнишнего поздравления Михаила Жванецкого по случаю нашего юбилея.

После остроумных и теплых пассажей – обещание: «И остаюсь вашим автором».

И слово свое, как видите и по этому номеру, – сдержал.

Михаил Жванецкий

25 лет Клубу одесситов

Поздравляю всех нас и всю Одессу.
И весь мир с 25-летием Клуба одесситов!
Никакого преувеличения здесь нет.
Ибо Ванкувер,
Лос-Анджелес,
Берлин,
Нью-Йорк,
Мурманск,
Таллинн,
Израиль,
Санкт-Петербург,
Прага и
Кишинев наши!
Всюду клуб Одессы.
Сидней на подходе.
Там Гарик Волк. Он слов на ветер не бросает.

За создание Одессы и создание женщины Господь заслужил Нобелевскую премию.

В незабываемое милое советское время упоминание Одессы, национальностей, ее языков и песен раздражало верх неимоверно.

Первый куплет рождался в Одессе, последний – в Магадане.

Одесский жаргон, одесская скороговорочка и особенно неубиваемая внутренняя свобода – все раздражало.

И в результате породило Всемирный клуб одесситов.

Ибо вступили женщины – тот, кто первый потянул мужчин на выход, на воздух, на свободу.

Как, например, Раиса Максимовна Горбачева!

Кому он так благодарен до сих пор.

Одессит не бывает пустым внутри.

И во всех этих айфонах и интернетах, в этом стремлении к объединению человечества что-то мне чудится присутствие наших фамилий.

Всё!

А теперь спасибо!

Особое спасибо Валентину Константиновичу Симоненко за то, что он сделал для нас в 90-м году.

А что он сделал?

А то, что требовалось, – поддержал Клуб.

И все наши эмигранты перестали быть беспризорными. Самое главное – выбор решения.

Выбор решения возможен, когда есть принципы или когда ты описываешь свои сомнения на бумаге.

Ты либо находишь правильное решение, либо хорошо описываешь свои сомнения.

Спасибо вам всем за внимание к Всемирному клубу одесситов!

Теперь Одесса движимая и недвижимая связаны навсегда!

Альманаху, которому 15

Ребята, Феликс, Олег и Женя! (Кохрихт, Губарь и Голубовский с Валей.)

Все у вас хорошо. Я не про здоровье, не про жизнь.

Я про альманах с этим сложным труднопроизносимым названием «Дерибасовская – Ришельевская», видимо, по настоянию спонсора.

Так вот, он был прав.

Под этим названием все у вас хорошо.

Сам я, глубоко презирающий чужой успех, завидую авторам под этим непроизносимым названием.

Скажу еще хуже. Прошлым летом в Одессе засыпал меж двух книг.

Труднопроизносимый, но глубоко волнующий Фрэнсис Скотт Фицджеральд и наш с этой Ришельевской…

Как говорят у нас во дворе: «Здесь собраны люди с большим укусом!»…

С особым наслаждением читаю свои вещи.

На ум приходит: «Он побросал все вещи в альманах и съехал с квартиры».

Хочется сказать серьезно. Но без шуток о серьезном – провал, допустимый только на фоне общего успеха.

Итак, ради Бога, продолжайте!

Где-то в чем-то должна сгущаться атмосфера нашего города!

Итак, выпьем за своих!

За эту книгу, созданную своими для своих!

За этот город, созданный своими для своих!

За то, чтоб в этом городе не кончались прохожие, приезжие, отдыхающие, красивые, но умные женщины и умные, но порядочные мужчины!

И чтоб все эти две породы были с юмором.

Ибо, как сказала одна из моих дам: «Главное, что я ценю в мужчине – юмор и доброту».

То же самое я ценю в женщинах.

То же самое они ценят на ваших страницах.

Там такое количество краеведов…

Все мы в этом городе краеведы.

Но вы еще и профессионалы.

Нам – ваш праздник.

Вам – наши вещи!

Целую вас всех в эти трудные времена.

И остаюсь вашим автором!

Время от времени.

Юрий Михайлик

«Что поделаешь – время прощаться…»

* * *

Прибегала ночью босиком,
обжигала жарким шепотком
и в едва синеющий рассвет
исчезала. Не было и нет.
Наважденье. Морок. Эпизод.
Жизнь прошла. И этот сон пройдет,
в птичью ночь вплывая целиком –
шелестом, шуршаньем, сквозняком.

* * *

Что поделаешь – время прощаться,
ритуалы твои отменя.
Если волны в твой берег стучатся,
то одна – прямиком от меня.
Летним дождиком – легким и кратким –
пролечу над ночной тишиной,
чтоб разбиться на скользкой брусчатке,
на коричневой, на обливной.
И в туманную осень врезаясь,
оборвется тревожный сигнал,
чтоб тебе хоть на миг показалось,

будто ты этот голос узнал.
И в порту, у пустого причала,
вдруг приснятся железные сны,
где безумная чайка кричала
то, что было важней тишины.
Так что жизнь – не большая утрата,
потому что с тобой – на века –
и багряная строчка заката,
и волны голубая строка.

* * *

А что если Атлантида
всплыла, обросла льдом
и, вырядившись Антарктидой,
врывается в каждый дом?

Град, обезумевший ветер,
в небесах свинцовая тьма.
Где-то июль – лето.
Извините, у нас – зима.
Деревья, рухнув, повисли
на проводах тугих.
Конец света в буквальном смысле,
а также во всех других.
Континент как кораблик в буре,
ветер рвет остатки снастей,
сила ветра и температура –
никаких других новостей.
Мачты падают, рвутся ванты –
лед нарос на крыльях рулей…
Все наверх, господа атланты!
Надевайте что потеплей.

* * *

Итальянский лукавый ампир кое-где обретается здесь,
утверждая, что весь этот мир состоит из морей и небес.

Да, мой друг, из небес и морей, ибо море лежит у дверей,
небеса тишиной голубой берегут синеву под собой.

Из морей, из чужих якорей, из огней, уходящих ко дну,
если темный Борей январей до Босфора гоняет волну.

Отдохнув после шторма, волна – тише радости, жизни нежней,
наша память всегда солона, наше море еще солоней.

Мир опять состоит из небес, выбирающих нас наугад.
одаряющий светом чудес, белизною своих колоннад.

Двадцать дивных колонн на холме подпирают тугой небосвод,
там, за ними, взывая ко мне, море дышит и небо живет.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

14 **Валерий Романов**
По мосту Коцебу из Одессы в Таллинн

23 **Алла Решетникова**
Династия семьи Безчастновых – строителей, архитекторов Одессы

46 **Ванда Цуркан**
Борис Пивенштейн. Дважды казненный герой

69 **Белла Кердман**
Смотрите, кто ушел

77 **Леонид Лейдерман**
Армянин одесского разлива

83 **Алена Яворская**
В цветущих акациях город, или Акация пахнет, как скаженная

101 **Феликс Кохрихт**
Доктор моего детства

Валерий Романов

По мосту Коцебу из Одессы в Таллинн

Граф П.Е. Коцебу

Павел Евстафьевич (Августович) Коцебу – один из восемнадцати детей немецкого драматурга Августа Коцебу, представитель одной из самых ярких семей остзейских немцев XIX века. Брат знаменитого мореплавателя Отто Коцебу, героя экспедиций Ивана Крузенштерна, сам стал знаменитым военачальником. Родился 10 августа 1801 года в Берлине.

Начав службу в 18 лет, участвовал в кавказской, персидской, турецкой, польской кампаниях, за что был награжден четырьмя орденами, многочисленными другими наградами и дослужился до генерал-адъютанта. Затем особо отличился в Крымской войне и был произведен в генералы от инфантерии, награжден золотой шпагой с бриллиантами и орденом Св. Георгия III степени.

Павел Коцебу отличился не только как боевой офицер, но и как опытный организатор, и поэтому при проведении реформирования военного управления в Российской империи 12 декабря 1862 г., по образовании военных округов, указом императора ему вверен был пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и первого командующего войсками Одесского

военного округа. С этого времени, после почти сорокалетней сугубо боевой службы, он восемнадцать лет (до 1880 г.) трудился на военно-гражданском поприще.

Отметим, что до него Новороссийским и Бессарабским генерал-губернаторством среди прочих руководили граф де Ланжерон, генерал Иван Инзов, князь Михаил Воронцов. Территориально Одесский военный округ охватывал Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую губернии и Бессарабскую область. Перед Коцебу была поставлена сложная задача: сформировать целостную военно-административную единицу из отдельных автономных соединений полевой армии, резервных батальонов, крепостной артиллерии, местных инженерных частей.

Под его руководством впервые были созданы местные военные соединения, включающие в себя резервные и губернские батальоны, уездные команды, крепостные гарнизоны, этапные команды, госпитальные и военно-арестантские роты. Кроме этого, он непосредственно руководил расквартировкой, перемещением и снабжением войск, контролировал соблюдение дисциплины и поддержание здоровья военнослужащих, проведение учений; инспектировал военные части и организации, проводил аттестацию офицеров и их выдвижение на более высокие должности, рекрутские наборы, проверял решение судебных дел и т. д.

И со всем этим П.Е. Коцебу справлялся вполне успешно: были построены новые казармы, военный госпиталь, открыты два юнкерских училища – пехотное в Одессе и кавалерийское в Елисаветграде.

Помимо решения армейских задач Павел Евстафьевич много сделал для экономического развития Новороссийского края. При нем были построены или по крайней мере спроектированы все местные железные дороги. Иногда это давалось непросто, и ему неоднократно приходилось усиленно хлопотать, чтобы добиться разрешения на строительство той или другой дороги. Одесса, Николаев и Кишинев теперь напрямую были связаны с центральными губерниями империи. Не менее, чем о железнодорожных путях сообщения, заботился Коцебу о морских и речных – при нем были развернуты обширные работы по углублению фарватера в Керченском проливе и по очистке порогов и гирл Днепра. При

Карантинная гавань. 1863 г. Фотокопия А.Карелина-Романова. Из фондов ОИКМ

нем же произведены улучшения в одесском порту, реконструирована Карантинная гавань. Начал он изыскания для устройства порта близ Мариуполя.

Что же касается Одессы, то совместно с городским самоуправлением генерал-губернатор занимался социально-культурным развитием административного центра края. В 1866 году центральные улицы Одессы были замощены гранитной брусчаткой и освещены газовыми фонарями вместо масляных. В 1873 г. началось снабжение города водой из Днестра – заработал водопровод! Под особым контролем была финансовая система – наконец началось развитие городских банков в Новороссии, проведена реформа судебных органов. В 1865 году на базе Ришельевского лицея был открыт Новороссийский университет. 10 мая 1870 года в Новороссийском университете была учреждена стипендия имени П.Е. Коцебу. В 1865 году было создано Общество изящных искусств, а в 1868 году начали работу первая женская Мариинская гимназия и школа рисования.

25 октября 1863 г. П.Е. Коцебу был назначен членом Государственного совета с оставлением в занимаемых им должностях; 12 марта 1870 г., в день пятидесятилетия его служения в офицерских чинах, он получил алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного.

После того как должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора была упразднена, с января 1874 по май

Открытие железной дороги Одесса – Балта. 1865 г.
Фотокопия А. Карелина-Романова. Из фондов ОИКМ

1880 года П.Е. Коцебу занимал пост варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа. В эти годы он дважды удостоился знаков особого монаршего благоволения; в 1874 г. ему был пожалован графский титул, а в августе 1880 г. государь пожаловал ему свой портрет, осыпанный бриллиантами. В 1881 году как член Государственного совета Павел Евстафьевич по высочайшему повелению был назначен председателем особой высшей комиссии для пересмотра всей системы военного управления.

К сожалению, П.Е. Коцебу вскоре умер (19 апреля 1884 года) и был похоронен в Ревеле (Таллинн).

В Одессе Коцебу пользовался такой народной любовью и уважением, что увековечивание его имени началось еще при его жизни.

Кроме учреждения именной стипендии в университете одесситы вспомнили о том, что усилиями губернатора была организована специализированная глазная больница. Сначала на базе городской больницы, а затем в 1876 году переведена в отдельное, сооруженное на деньги города двухэтажное здание и в честь того,

Банкет горожан на площади по случаю открытия водопровода в Одессе 30 ноября 1873 года
Фотокопия А. Карелина-Романова. Из фондов ОИКМ

кто инициировал этот процесс, получила название Павловской. Сейчас это знаменитейший Институт глазных болезней и тканевой терапии им. В.П. Филатова.

Построенный в Одессе мост, соединивший две части разделенной Карантинной балкой Полицейской улицы (ныне Бунина) и открытый 22 августа 1892 года, задуманный еще П.Е. Коцебу, в знак уважения одесситов своего генерал-губернатора и в его память был назван его именем.

Сооружение этого моста вместо деревянного, пришедшего в негодность, было задумано еще при власти П.Е. Коцебу, но Павел Евстафьевич отложил это предложение, сославшись на то, что у города на тот момент были более насущные проблемы, а через Карантинную балку уже был один мост. В 1890 году ар-

Мост Коцебу, бывший Полицейский. Фотокопия А. Карелина-Романова. Из фондов ОИКМ

хитектор С.А. Ландесман подготовил проект. Получился железный арочный мост длиной в 30 метров с боковыми каменными опорами и четырьмя лестницами, ведущими на проложенную по Карантинной балке улицу. Железные части моста были изготовлены парижской фирмой «Société des ponts et travaux en fer» на заводе в Румынии. Эта же фирма участвовала в изготовлении конструкций Эйфелевой башни. При возведении объекта строительному отделению городской управы пришлось решать сложные задачи устройства устоев моста в связи с неустойчивостью грунтов. В целях экономии лестницы, балюстрады и парапеты на устоях сделали из бетона. Стоимость моста составила 70 тысяч рублей.

Мост был открыт 2 сентября 1892 года. На табличке на мосту указан 1891 год – но это дата создания металлических элементов моста. Много времени заняли подготовительные работы по укреплению склонов балки и сборка конструкции, в которой участвовал коллега Ландесмана Э.Г. Гаррис. Мост получился очень

красивый – легкий, ажурный, он выглядел гораздо изящнее, чем, например, каменные Сабанеев или Новиков мосты.

Интересной деталью моста, чудом сохранившейся до настоящего времени, является литой чугунный старый герб Одессы с мальтийским крестом императора Павла I. По словам историков, его не уничтожили при советской власти, так как он был расположен на оградительной решетке моста со стороны моря, и на него мало кто обращал внимание.

Впоследствии по мосту проложили линию конки. Затем конку сняли, поскольку по соседним улицам Жуковского и Греческой пустили трамвай.

Как и другие мосты Одессы, мост Коцебу снимался в кино. Например, в фильме 1979 года «Приключения Электроника» эпизод, в котором у Сергея Сыроежкина ломается мопед, снят именно на мосту Коцебу.

И еще один почетный знак при жизни: «Генерал Коцебу» – так в честь генерал-губернатора был назван российский двухпалубный товаро-пассажирский колесный пароход смешанного плавания. Был построен по заказу Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) на верфи «C. Mitchell & C°» в Ньюкасле-на-Тайне в 1866 году. Судно длиной 230 футов, шириной 28 футов имеет три класса кают для размещения пассажиров. Обеденный салон для пассажиров первого класса, элегантно оформленные апартаменты. Стены покрыты декоративными деревянными панелями, полы – мозаичной плиткой Минтона, которая дает приятный прохладный эффект в интерьере. Пароход успешно совершал рейсы по Черному и Средиземному морям. Самым знаменитым было его участие в торжествах по поводу открытия Суэцкого канала. «Генерал Коцебу» стал первым российским пароходом, вошедшим в канал 4 (17) ноября 1869 года. В составе делегации на борту парохода находились официальные лица, депутаты, журналисты. Среди них в качестве действительного члена Императорского Русского географического общества был и художник-маринист Иван Айвазовский с младшей дочерью Жанной. Под впечатлением этого события Айвазовский написал картину «Суэцкий канал» (1869) и ряд других пейзажей Египта.

Интересна история этого события, рассказанная его свидетелями. Утром 17 ноября 1869 года Суэцкий канал начал прием гостей. В Порт-Саид, город у северного окончания Суэцкого канала, прибыла эскадра из 48 украшенных флагами кораблей. Открытие канала проходило с большой помпой, а празднества по этому случаю длились семь суток. Никогда раньше Египет не знал таких торжеств и не принимал такого количества высоких европейских гостей. Всего в Порт-Саиде собралось шесть тысяч приглашенных на торжества. Вечером в городе был устроен большой праздничный бал и невиданный фейерверк, едва не закончившийся грандиозным пожаром. Великие пирамиды освещались магниевыми лампами.

Первым судном, которое прошло по Суэцкому каналу из Средиземного моря в Красное, стал корабль «Эгль» («Орел») под французским флагом с французской императрицей Евгенией на борту. А пятым судном, прошедшим по каналу, был русский парусный клипер «Яхонт». Он прошел мимо двух других русских пароходов – «Генерал Коцебу» и «Владимир», стоявших у входа в ожидании своей очереди. «Когда «Яхонт» с русским флагом поравнялся с ними, – сообщал находившийся на борту парохода «Генерал Коцебу» корреспондент журнала «Всемирная иллюстрация», – мы все высыпали на палубу и приветствовали его громким «Ура!». Минута эта показалась мне такой торжественною, что я упросил достойнейшего И.К. Айвазовского тотчас же набросать ее беглый очерк».

Вспоминая девять лет спустя свой жизненный путь, художник рассказал об этом путешествии: «Когда наш пароход входил в Суэцкий канал, шедший впереди его пароход французский сел на мель, и пловцы принуждены были переждать, покуда тот снимется. Эта остановка длилась часов пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустынным берегам древней страны фараонов, отторгнутой каналом от азиатского материка. Чтобы скоротать время, пассажиры русского парохода устроили импровизированный вольный концерт: г-жа Киреева, обладая прекрасным голосом, приняла на себя обязанность запевалы; стройный хор подхватывал. И вот на берегах Египта зазвучали песни о «матушке Волге», о «темном

лесе», о «чистом поле» и понеслись по волнам, осеребренным луною, ярко светившею на рубеже двух частей света». Великий живописец скромно умолчал лишь о том, что и сам принимал участие в импровизированном концерте. Айвазовский прекрасно играл на скрипке и всегда возил ее с собой. Взял он инструмент и в Египет – и тотчас принес его из своей каюты. А среди певцов хора была и младшая дочь Айвазовского, одиннадцатилетняя Жанна.

К сожалению, век парохода оказался недолог. Он затонул 16 апреля 1895 года в 12 милях от мыса Тарханкут после столкновения с транспортом Черноморского флота «Пендераклия».

В 2013 году пароход, лежащий на глубине 44 метров, был обнаружен и обследован сотрудниками Черноморского центра подводных исследований. В результате подводных работ со дна были подняты отдельные предметы: фрагмент палубной плитки Минтона, страховой сертификат Ллойда на якоря и цепи, датированный 1867 годом, столовые посеребренные приборы. Все предметы после реставрации включены в фондовое собрание ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований». В июне 2018 года команда подводно-исследовательской экспедиции «Нептун» под руководством Романа Дунаева обследовала пароход и обнаружила под слоем ила в большом зале на стене фрагменты 10 картин. Предположительно они могли быть написаны самим Иваном Айвазовским. Окончательно установить авторство живописных полотен в настоящее время невозможно – при подъеме их красочный слой может быть утрачен, а чтобы этого избежать, необходимо провести сложные подготовительные работы.

Вот такая интересная судьба, как говорил Владимир Маяковский, «парохода и человека»! А мост Коцебу стоит! Кстати, совсем недавно его ремонтировали.

Алла Решетникова

Династия семьи Безчастновых – строителей, архитекторов Одессы

Часть 1. Прадед Федор Осипович Гайдуков – строитель

На улице Софиевской, 15, в Одессе есть старый дом – памятник архитектуры (доходный дом В.П. и И.П. Скаржинских XIX века, арх. К.А. Скаржинский, до 1903 г. – ул. Софиевская, 11). В этом доме в квартире № 15 жило, с учетом молодого поколения, семь поколений семьи Безчастновых.

По решению исполнительного комитета Одесского городского совета от 13 декабря 2012 года № 497 согласно рекомендациям историко-топонимической комиссии при Исполнительном комитете Одесского горсовета, принимая во внимание ходатайство врио главного редактора газеты «Одесские известия» В.З. Саркисяна, с целью увековечения памяти одесских архитекторов-строителей

Ф.О. Гайдукова, М.Ф. Безчастнова и И.М. Безчастнова (при жизни) установлена мемориальная доска.

История семьи начинается с прадеда, Федора Осиповича Гайдукова. Лет 180 назад в Одессу перебралась семья Гайдуковых. Сперва они растили хлеб, потом приторговывали хлебом – из земледельцев стали купцами.

Сын Федор с ранней юности обучался строительному делу: начинал каменщиком, потом стал крупным подрядчиком, известным в Одессе строителем. Когда он строил гостиницу «Лондонская» на Приморском бульваре, едва не разорился, начав строительство без проекта. Ему пришлось заложить все свое имущество, но репутацией своей он не поступился, обрушил начатую постройку и начал новую. А теперь эта гостиница составляет часть истории нашего города и его гордость. Еще один известный дом – на ул. Пушкинской, 12, (бывший Учетный банк), напоминающий дворец. Сейчас там находится Союз архитекторов Украины. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, первая бомба в Одессе попала в здание Учетного банка, пробила перекрытия, рванула, но не разрушила кладку, не повредила стен.

Федор Осипович был крупен, синеглаз, хорош собой, на стройплощадке поднимал пригоршню песка, жевал его, потом сплевывал и звал десятника: «Сколько мыл?» – «Три, Федор Осипович». – «А сколь сказано было?» – «Ну пять». – «Пшел с глаз!» И того, кого выгонял Гайдуков, больше никто из строителей на работу не брал.

«Понимаете, – говорил правнук, архитектор Игорь Михайлович Безчастнов, – известняк-ракушечник – с особым характером. Он должен постоять, впитать в себя воздух, высосать из него углерод, тогда происходит повторная карбонизация, камень становится прочным. Десятикратно прочным. Гайдуков строил только из выстоявшегося камня».

С Федором Осиповичем Гайдуковым любили работать такие архитекторы как Ю.М. Дмитренко и Ф.В. Гонсиоровский, знаменитые архитекторы Одессы. Итак, Ф.О. Гайдуков строил город, в котором и поселился в середине прошлого века отставной майор Люблинского полка Михаил Безчастнов. Майор Безчаст-

нов воевал с турками, а прямому наследнику своему, взявшему в жены дочь Федора Осиповича Елену, завещал продолжать строить Одессу. Сын Ф.О. Гайдукова Александр тоже был строителем, возводил жилые дома. Гайдуковы и Безчастновы отстаивали свою землю и отстраивали ее.

Часть 2. Дед – архитектор Михаил Федорович Безчастнов

В 1881 году Михаил Безчастнов со своей семьей переехал из провинциального Тирасполя в шумную Одессу. Через три года он поступил в реальное училище и проявил незаурядные способности к живописи и графике. Все небольшие сбережения семьи ушли на учебу сына, поэтому Михаилу приходилось подрабатывать – давать уроки. В 1898 году он окончил Петербургский институт гражданских инженеров императора Николая I, получил самый высокий, первый разряд и начал самостоятельную деятельность в Одессе. Для него открылась дорога в мастерские ведущих одесских архитекторов.

Создавая первый генеральный план Одессы, Михаил Федорович проектировал дома. Например, дом № 7 по ул. Пушкинской рядом с Музеем западного и восточного искусства (в соавторстве с Ф. Кюнером), сочетающий в себе открытую кирпичную кладку и пластичные бетонные поверхности. Фасад здания органично вписался в застройку середины XIX века. Усадьба Маврокордато по Новоаркадийской дороге (ныне пр. Шевченко), 8, и др. Эти первые начинания сулили М.Ф. Безчастнову успех на ниве частных заказов. Однако его как человека с широким кругозором больше привлекали вопросы градостроительства и развития городского хозяйства – острые проблемы в дореволюционной Одессе.

Его полностью поглощала работа: мощение улиц, реконструкция полей орошения, организация Южнорусской художественной выставки, консультации по благоустройству больниц. Он боролся с оползнями, был крупным специалистом, практиком дендрологии, общественным деятелем. Ничто не оставалось

незамеченным и безответным у людей этой плеяды – Ландесман, Дмитренко, Филатов и др.

С 1903 года городской инженер Михаил Безчастнов исполнял обязанности секретаря отделения Русского технического общества, а в 1911 году он избирался председателем строительного отдела и членом бюро санитарного попечительства по борьбе с чумой.

Деятельность Михаила Федоровича как городского архитектора после 1917 года вплоть до Великой Отечественной войны была плодотворной для города, определяла его градостроительную и архитектурную политику. М. Безчастнов продолжал активно заниматься благоустройством и зеленым строительством. По его инициативе и при его участии был создан Дюковский сад, найдены там источники воды. Он обустроил пруды в этом парке. «Часто дедушка брал меня в парк, – вспоминал Игорь Михайлович Безчастнов. – На малом пруду плавали гуси и лебеди: лебедей мы с мальчишками знали по именам. На большом пруду была лодочная станция, прокат лодок, а зимой – каток. Вечерами под музыку катались на лодках вокруг острова, на котором возвышалась скульптура прекрасной девушки. Ее звали Ника – Победа. Она выстояла всю войну, была ранена и «излечена» молодыми одесскими скульптурами».

Много сил и энергии Михаил Безчастнов отдает озеленению. Он настоял, чтобы в Ботаническом саду акклиматизировали редкие сорта деревьев. Уже перед войной в городе были высажены кипарисы, в том числе и возле оперного театра. К сожалению, они погибли, не будучи защищены от холода в морозную зиму сорок первого года.

В 1920-е годы вместе с профессором М.В. Замечеком Михаил Безчастнов участвует в реконструкции городских скверов, вместе с М. Орликовым создает проект рекреационной зоны Ланжерона, размещает в парках скульптуры и малые архитектурные формы, ранее принадлежавшие одесской торгово-аристократической верхушке. И сегодня мы любуемся скульптурами «Лаокоон» перед Археологическим музеем (первоначально была установлена на площади Р. Люксембург), «Амур и Психея» в Пале-Рояле, «Лев» и «Львица» в Го-

родском саду. Еще под его руководством было произведено обустройство парка культуры и отдыха им. Т.Г. Шевченко (в работах принимали участие архитекторы Р. Владимирская, Э. Баумштейн, Т. Шарнопольский), парка им. Ленинского комсомола, планировка и благоустройство курорта «Аркадия» (совместно с архитектором Н. Каневским), Новоаркадиевской дороги, разбивка парка в Лузановке, разработка проекта Одесского зоопарка (в соавторстве с Я. Гольденберг) и др. Михаил Федорович уделял серьезное внимание улучшению санитарного состояния окраин Одессы. В связи с этим был разработан проект реконструкции канализации Пересыпи, устроена придуманная им же земляная дамба, защитившая этот промышленный район от затопления в период штормов.

Михаил Федорович впервые предложил прокладку линии метрополитена с использованием существующих подземных ходов – катакомб, разбивку Комсомольского бульвара (ныне бульвар М. Жванецкого), устройство пешеходного моста через спуск Ж. Лябурб, осуществленное в послевоенные годы, и создание вокруг города «зеленого пояса» с пресноводным каналом. Руководил работами по сооружению противооползневых построек. В 1925 году принимал участие в реставрации оперного театра после пожара, в 1930 провел реконструкцию Потемкинской лестницы, разработал первый генеральный план социалистической Одессы. Реализация основных пунктов плана завершилась в 1938 году.

Трудно представить себе область строительства, где бы не проявился талант инженера, расчетчика, архитектора Михаила Безчастнова. Он проектировал и строил мосты, разрабатывал системы коммуникаций, однако любимым его направлением стало «зеленое строительство».

В мае 1942 года, так и не оправившись после автокатастрофы, Михаил Федорович ушел из жизни. В последний путь его провожали многие одесситы – архитекторы, врачи, художники, все знавшие его одесситы.

Его сын Михаил Михайлович трудился на Одесской киностудии, был изобретателем, пионером пожарного дела.

Часть 3. Внук Игорь Михайлович Безчастнов, архитектор

Игорь Михайлович Безчастнов родился 13 октября 1924 года в Одессе в семье служащего. Тогда же был крещен. В советские годы это было опасно для семей руководящих работников. Его дед, Михаил Федорович, был главным архитектором города Одессы (возможно, этот факт объясняет любовь Игоря к старым храмам, разрушение которых происходило на его глазах). Сначала Михаил учился в средней школе № 37, затем в школе № 50 и окончил всего 8 классов. Окончание школы совпало с началом Великой Отечественной войны. В период оккупации Одессы немецко-румынскими войсками Игорю с семьей пришлось остаться в городе вместе с дедушкой Михаилом Федоровичем, потерявшим подвижность в результате автомобильной катастрофы накануне войны.

С первых дней войны юноша столкнулся с серьезными испытаниями, переживаниями и стрессами. Бомбежки, гибель одноклассников, самоубийство любимого педагога прямо в школе со словами: «Самое дорогое, Родина, потеряна, жить больше не для чего». Первые признаки голода и гнетущее чувство приближающейся беды.

Отец Игоря готовил в пиротехническом цехе на киностудии заряды для фугасов и мин для обороны Одессы. А шестнадцатилетний сын варил железобетонные надолбы, чтобы фашисты не смогли войти в родной город. Во время обороны Одессы укрывались от бомбежек за городом, а за два дня до сдачи города перебрались на городскую квартиру, по улице Софиевской, 15. Когда шли по улице Чижикова (ныне Пантелеймоновская), начался артобстрел. Один из снарядов попал в ехавшую впереди повозку: кровавое месиво юноша долго не мог забыть. Последний транспорт с советскими войсками ушел из Одессы 16 октября 1941 г., и в городе воцарилась непривычная мертвая тишина. Румынская пехота входила в город во второй половине дня. Затем вошли немецкие войска.

«На другой день оккупанты согнали мужчин из нашего и соседнего домов, приказали евреям выйти вперед и расстрелива-

ли их на месте. Некоторых мужчин погнали по предполагаемым минным полям. В их числе был мой отец. Отцу повезло, он один из немногих вернувшихся. Меня тоже хотели вытащить, но мама вцепилась в меня и не отдала румынам. Видно, худоба и страшноватый после болезни вид избавили меня от этого испытания. Утром в квартиру ввалились румынские солдаты и стали тащить все, что блестело: кухонную утварь, вазы, часы, зеркала. Грабеж повторялся не раз, без внимания оставались пока лишь картины, книги, художественные гипсы. Большое количество евреев было расстреляно на территории парка им. В.И. Ленина (ныне парк Победы).

Особенно запомнились тяжелые последние месяцы 1941 г. Домашние запасы провизии и воды подошли к концу, наступил тяжелый голод, усугублявшийся жестокими морозами, Услышав, что на Пересыпи между рельсами разлита патока, мы ходили туда с тарой и набирали застывшую массу. Там же валялись замерзшие куски прессованной макухи. Особенно тяжело переносил холод и голод мой дед Михаил Федорович. К сожалению, оправиться после автомобильной аварии, а также морально перенести несчастье Родины он не смог. Дед быстро угасал. В мае 1942 года он ушел из жизни» (из военных воспоминаний Игоря Михайловича Безчастнова).

Несмотря на очень тяжелое положение, в только что оккупированном городе начал функционировать целый ряд учебных заведений – университет, Академия изящных искусств (бывшее

Одесское художественное училище), подготовительные курсы для получения среднего образования, школы и гимназии. Восемь классов образования давали Игорю право поступать в Академию изящных искусств. Возглавлял ее тогда румынский художник Ионеску, впоследствии читавший Игорю Безчастнову анатомию. Всех студентов, поступивших в училище, он поздравил, однако свою речь начал со слов, которыми честно и реалистично нарисовал возможную картину будущего. Он сказал, что, вероятно, все учащиеся будут несчастными людьми, бедными из бедных, и большинство будет обречено на прозябание, лишь некоторые смогут достичь благополучия и, возможно, славы. Только упорный труд, говорил он, сможет поднять некоторых над уровнем серой массы, и просил всех еще раз подумать о своем решении стать художниками.

Игорь Михайлович поступил на ландшафтное отделение, где училось около десяти человек, но вскоре перешел в мастерскую, которую вели одесские художники Евгений Иосифович Буковецкий и Александр Николаевич Стилианди. Условия в училище не были идеальными. Холодной зимой натурщики не обнажались, приходилось рисовать в пальто, тем не менее обстановка была творческой и очень интересной. Преподаватели Е. Буковецкий и А. Стилинуди страдали пониженным слухом и могли вести разговор о ком-либо из учеников довольно громко. Если у студента поначалу были слабые успехи, то он узнавал об этом из беседы, понимая, что дела его плохи. А через некоторое время, когда ученик заметно продвигался в учении, преподаватели с удовольствием говорили, также вслух: «Подумайте, как пошел вперед! Молодец! Из него будет толк!». Большая заслуга преподавателей заключалась в том, что они с любовью относились к тому, что составляло суть заведения: хранилище гипсов и декоративный материал для натюрмортов, музей с ценными образцами работ, библиотека, оборудование – мольберты, подиумы, станки для занятий скульптурой, запас глин – все это обеспечивало нормальную работу училища. После освобождения города от оккупантов в училище была полная разруха, музей был полностью разграблен, исчезли работы замечательного рисовальщика Крайнего, Жука, художника Зайцева и многих других.

Потом Игорь Безчастнов занимался на подготовительных курсах университета, так как они давали возможность завершить среднее образование и, главное, в тот момент это была возможность уберечься от угона в Германию, такая угроза была вполне реальна. Многие его одноклассники также поступили на эти курсы, его будущая жена Евгения Шляхова поступила вольнослушательницей на медицинский факультет, однако ей нужно было досдать некоторые предметы. Она справилась с этим успешно, сдав экзамены экстерном.

Когда советские войска освободили город, всех молодых ребят призывного возраста вызвали в военкомат для отправки на фронт. В военкомат, к которому был приписан Игорь Безчастнов, пришел профессор Лепницкий со списком учащихся, на которых распространялась бронь. Игорь был в этом списке и смог дальше продолжать учиться. Он поступил в Институт инженеров морского флота (водный институт). Студентов водного института часто посылали расчищать развалины отдельных корпусов Инженерно-строительного института. В водном институте Игорь Безчастнов учился до открытия в 1945 году архитектурной специальности в уже восстановленном для занятий Инженерно-строительном институте и перевелся туда в том же году. Еще студенты строительного, водного институтов и курсанты мореходки много сил отдали, чтобы очистить пруды Дюковского парка от колючей проволоки, засыпать траншеи и окопы. Там проводились всесоюзные соревнования, а рядом был теплый летний душ за 15 копеек, туда после работы ходило пол-Молдаванки и студенты всех вузов.

На появление у Игоря Безчастнова детской мечты стать архитектором большое влияние оказал его дед Михаил Федорович – городской архитектор Одессы. В воспоминаниях Игоря Михайловича о детстве и дедушке читаем: «Мне нравилось бывать в кабинете деда, где находилась его великолепная библиотека с хорошо систематизированным размещением книг, которые он собирал со студенческих лет. Меня привлекали книги по искусству, а также прекрасно иллюстрированные издания Библии, Шиллера, Шекспира, Толстого, Мильтона и многих других. Стены кабинета были интересно оформлены и представляли собой

своеобразную выставку. На одной стене висели картины одесского художника Александра Гауша, утраченные в первые дни оккупации Одессы. Там же висели две выразительные и виртуозно исполненные гуаши с видами Рима и несколько небольших картин, которые Михаил Федорович привез из Флоренции. Это сады Боболи и вилла д'Эсте в Тиволи. На другой стене располагались гипсовые копии работы Микеланджело – тондо «Святое семейство» диаметром около метра. Такое же тондо было украшением интерьера Одесского художественного училища, получавшего в свое время много гипсов из Италии. В кабинете был

и другой гипс той же тематики и такого же размера. Авторство этой работы многие годы мне было неизвестно, и только в Нью-йоркской библиотеке Моргана я увидел ее мраморный оригинал, творение флорентийского скульптора Росселино 1420-х годов. В смежной комнате находилось еще два небольших горельефа одинакового размера, очень выразительные, составляющие парную экспозицию «Голгофа» и «Крещение». На одной из стен висели рисунки художника Ю. Клевера, а также копии И. Айвазовского на темы моря, выполненные с большим мастерством самим дедом. В окружении этих книг, картин и гипсов протекали мои детство и юность. Там же, в дедушкином кабинете, когда Михаил Федорович был нездоров, иногда проходили внеочередные заседания как бы малого градостроительного совета по обсуждению текущих вопросов, связанных с планировкой и застройкой Одессы. Иногда, сидя в углу кабинета, я с вниманием пытался вникнуть в суть дела. Не могу не отметить того огромного благотворного влияния, какое оказал мой дед на меня».

Итак, по семейной традиции Игорь Михайлович начал учиться на архитектурном факультете Одесского инженерно-строительного института. Ему повезло – архитектуру преподавали классики, чьи имена и сегодня на устах: архитектор Моисей Вигдорович Замечек (первый довоенный завкафедрой архитектуры), архитектор Федор Абрамович Троупянский (послевоенный завкафедрой архитектуры), рисунок вели замечательные мастера – художники Александр Борисович Постель, Теофил Борисович Фраерман и другие.

В 1949 году И.М. Безчастнов окончил ОИСИ, и ему была присвоена квалификация архитектора. По распределению он был направлен на работу в должности архитектора, затем руководителя группы Одесского облсельпроекта при Управлении по делам сельского и колхозного строительства при совете министров УССР, где работал до расформирования учреждения в 1951 году. В связи с расформированием он перешел на работу архитектором в «Черноморпроект» Министерства Морского Флота СССР и почти сразу был откомандирован в группу архитекторов, которыми руководил член Союза архитекторов

Генрих Владимирович Топуз, для осуществления реставрации и реконструкции старого железнодорожного вокзала Одессы. Во время Великой Отечественной войны здание вокзала был разрушено. Проект восстановления разрабатывался в институте «Киевгипротранс» архитектором Леонидом Максимовичем Чуприной, а специалисты Одесского инженерно-строительного института разработали методы скоростного строительства, благодаря которому работы были проведены в рекордные сроки. В строительстве вокзала принимали участие многие жители Одессы, и в этом была немалая заслуга молодого архитектора Игоря Безчастного. После завершения этих работ И.М. Безчастнов возвращается в «Черноморпроект», где работает до 1954 года. По его проектам и технико-экономическим обоснованиям были построены порты в Ейске, Жданове (ныне Мариуполь), Новороссийске. Уже с 1953 года Игорь Михайлович являлся членом Творческого союза архитекторов, членом градостроительного совета при Управлении городского архитектора, председателем секции ландшафтной архитектуры ССА Центрального района г. Одессы.

В 1954 г. И.М. Безчастнов поступает в очную аспирантуру Академии архитектуры и строительства при совете министров УССР в Киеве, а оканчивает ее в 1957 г. Тема его кандидатской диссертации – «Исследование функций камня-ракушечника в архитектуре г. Одессы». Защитить эту диссертацию он не смог: настало время крупнопанельного строительства, и ее сочли несвоевременной. В процессе выполнения работы аспирант Игорь Михайлович Безчастнов сделал интересные наблюдения по конструктивным, декоративным и эксплуатационным особенностям пильных известняков, сделал выводы и обобщения, дал конкретные полезные рекомендации по архитектурному решению зданий из пильных известняков и дальнейшему применению этого материала в строительстве жилых и общественных зданий в Украине.

«Я подхожу к зданию, прикасаюсь к камню – я все знаю про этот камень, про его архитектурно-строительные свойства, но еще я знаю, что этот камень сюда положил мой прадед. Сам, своими руками. Понимаете, – говорил Игорь Михайлович Без-

частнов, – известняк-ракушечник – с особым характером. Он должен постоять, впитать в себя воздух, высосать из него углерод, тогда происходит повторная карбонизация, камень становится прочным. Десятикратно прочным. Мой прадед Гайдуков строил только из выстоявшегося камня».

Когда И.М. Безчастнов занимался в аспирантуре в Киеве, судьба свела его с выдающимся художником Алексеем Алексеевичем Шовкуненко. Их дружба продолжалась всю их жизнь. В свои приезды в Одессу из Нью-Йорка И.М. Безчастнов вместе с А.А. Шовкуненко отправлялся на этюды, особенно они любили писать, рисовать акварели в санатории им. В.П. Чкалова.

Трудовая деятельность Игоря Михайловича Безчастного в Одесском инженерно-строительном институте началась 1 октября 1957 года в должности ассистента кафедры архитектуры, а с 1967 года – старшего преподавателя этой кафедры.

В 1972 г. И.М. Безчастнову предоставляется творческий отпуск сроком на три месяца для завершения новой кандидатской диссертации по теме «Архитектура планетариев и народных обсерваторий». Работать над этой темой ему посоветовал Владимир Платонович Цесевич, астроном, в 1944 г. – завкафедрой астрономии ОГУ; он был директором Астрономической обсерватории университета, а в 1948-1950 гг. – директором Главной астрономической обсерватории АН УССР в Киеве, в его честь назван астероид № 2498. В.П. Цесевич предложил Игорю Михайловичу заняться вопросами проектирования малых обсерваторий и планетариев, учитывая, что все планетарии и обсерватории организовывались в бывших храмовых зданиях – церквах, кирхах и синагогах. И.М. Безчастнов с увлечением взялся за эту работу, которую успешно защитил, и 17 октября 1974 года по решению Высшей аттестационной комиссии Минвуза СССР ему вручили диплом кандидата наук. С 1975-го И.М. Безчастнов работает на кафедре архитектуры и градостроительства, в 1978 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

Все это время Игорь Михайлович Безчастнов вел большую учебно-методическую работу, показал себя творческим эрудированным педагогом, на высоком уровне читал такие лекционные курсы: «Архитектура жилых и гражданских зданий»,

«Архитектура промышленных зданий и сооружений», «История градостроительства», «История градостроительного искусства»; проводил консультации по графической работе «Архитектурная композиция» для студентов специальности «ПГС». Он вел курсовое и дипломное проектирование у студентов-архитекторов. Большую работу провел по курсу «История градостроительства», очень много времени и внимания уделял руководству научно-исследовательской работой студентов. Эта работа была отмечена грамотой Минвуза УССР. Дипломные работы, выполненные студентами под его руководством, неоднократно отмечались дипломами на всесоюзных смотрах дипломных работ. Например, проект народной обсерватории и планетария для села Сахновка Корсунь-Шевченского района Черкасской области – проект осуществлен в натуре. Был реализован проект плавательного бассейна там же и др. Еще была написана монография «Архитектура планетариев и народных обсерваторий» и «Руководство по проектированию планетариев и народно-массовых обсерваторий» (совместно с проф. М.К. Гараканидзе и др.), И.М. Безчастнов принимал активное участие в открытых и закрытых конкурсах проектов архитектурных сооружений в городе и за рубежом. Игорь Михайлович читал лекцию в Доме науки и культуры СССР в Софии (НРБ) по теме «Архитектура зданий и сооружений, предназначенных для изучения космоса». В СВИА Софии прочитал курс лекций перед профессорско-преподавательским составом и студентами на темы советской и древней архитектуры, поддерживал творческое содружество с учеными Народной Республики Болгария в области проектирования и строительства зданий астрономических обсерваторий.

Много времени уделял Игорь Михайлович научно-исследовательской работе. Завершены труды: «Научно-исследовательская разработка строительной части телескопа катодиоптрической системы профессора Аргунова П.П.», «Научно-исследовательская работа разработки серии зданий народных обсерваторий». При всей занятности он совмещал основную работу с научно-проектной, трудился научным руководителем в Научно-исследовательской лаборатории экс-

периментального проектирования жилых и общественных зданий при ОИСИ (НИЛЭП), которая подчинялась Госгражданстрою СССР. Там он работал до 1986 года, занимался планетариями и народными обсерваториями. Так, например, был разработан проект реконструкции культового здания в Бельцах (совместно с В.А. Пылевой) под планетарий. Проект осуществлен в натуре и функционирует. Была сделана серия проектов астрономических народных обсерваторий (шесть типов), 80 разосланы заказчикам; экспериментальный проект «Средний планетарий» по заказу Госгражданстроя СССР (в соавторстве с проф. К.М. Гараканидзе), проект летнего театра в Одессе, обсерватории в Смоленске, разработка интерьера театра в Белгороде-Днестровском Одесской области, интерьер кинотеатра «Одесса» в Одессе, проект народной обсерватории для Одессы, научная астрономическая обсерватория в с. Маяки под Одессой, Дворец моряков в Одессе (интерьеры осуществлены в натуре в соавторстве с архитектором В. Головиным), пожарное депо в Херсоне (осуществлено в натуре), травмпункт в Жданове, дом культуры в Ананьеве (восстановление и реконструкция, в соавторстве с архитектором В. Фоминым), генеральная перепланировка села Дмитриевка Коминтерновского района Одесской области, то же в селе Станиславка Котовского района Одесской области и многие другие. Ряд проектов и инструктивно-нормативных материалов по планетариям и обсерваториям были завершены при работе в НИЛЭП. Среди них – обсерватории в Смоленске, Шольне, Сахновке на Черкасчине и др.

А сколько консультаций постоянно давал Игорь Михайлович-по поводу того, где и как можно строить планетарии и обсерватории! Ибо храмы нужно было освобождать, возвращая их подлинную принадлежность, не менее чем в пятнадцати городах и селах страны, а также за рубежом.

Приведем некоторые научные работы И.М. Безчастного:

– «Дома из местных материалов на юге Украины»;

– «Пильные известняки в массовом строительстве юга СССР и МССР»;

– «О полноценном использовании природного камня в строительстве»;

– «Цвет камня-известняка и его определение»;

– «Пластмассы и архитектура будущего»;

– «Новые проекты народных обсерваторий»;

– «Сельская народная обсерватория»;

– «Рекомендации по проектированию планетариев и массовых обсерваторий»;

– «К истории территориального и планировочного развития г. Одессы»;

– «Наш город – беречь и преумножать»;

– МУ по изучению курса лекций «История градостроительства» (в соавторстве с С.Е. Протопоповым);

– МУ и программа задания на выполнение КП «Средняя школа на 600 учащихся в поселке»;

– МУ по выполнению КП «Планировка и застройка центрального поселка на 2500-3000 жителей с разработкой жилого дома» (в соавторстве с Н.А. Корытиной) и др.

Игорь Михайлович участвовал во многих конкурсных проектах:

а) памятник воинам – работникам одесских электростанций, погибших в Великой Отечественной войне (1-я премия, осуществлен в натуре в соавторстве с архитектором К. Рашковским, скульптор М. Нарузецкий);

б) памятник летчикам 64-го авиаполка в Одессе (в соавторстве со скульптором М. Нарузецким);

в) памятник А.М. Горькому в Одессе (2-я премия, в соавторстве со скульптором М. Нарузецким);

г) памятник жертвам сталинских репрессий в Одессе (2-я премия, в соавторстве со скульптором М. Нарузецким);

д) памятник жертвам еврейского геноцида на юге Украины (2-я премия, в соавторстве со скульптором М. Нарузецким);

е) проект восстановления и реконструкции памятника архитектуры по ул. Пионерской, 28, (в соавторстве с архитектором И. Коноваловым);

ж) памятник М. Томасу на Итальянском бульваре;

з) памятник Л.Н. Толстому на площади им. Л.Н. Толстого;

и) памятник С. Орджоникидзе для райцентра в Одесской области (в соавторстве со скульптором З. Ломыкиной);

к) надгробие М. Томасу в Одессе (осуществлено в натуре);

л) надгробие академику А. Богатскому (осуществлено в натуре);

м) Мемориал памяти жертв Холокоста и сталинских репрессий (стал лауреатом).

Многие города Украины и России украшены монументами, зданиями и сооружениями по проектам, созданным в соавторстве с И.М. Безчастновым.

Игорь Михайлович любил все, что было связано с его родным городом Одессой. Так, в начале 90-х годов они вместе с инженером Борисом Израилевичем Кадишевым и краеведом Александром Юльевичем Розенбоймом нашли в архивах документы, подтверждавшие расположение домика-дворницкой во дворе № 8 по ул. Черноморской в Одессе, на котором сейчас висит мемориальная доска памяти писателя Константина Георгиевича Паустовского: «Мы… сняли по соседству с санаторием дворницкую у… священника-расстриги Просвирняка. Дворницкая стояла в заглохшем саду, окруженном высокой оградой из камня «дикаря». Со стороны улицы ее защищал двухэтажный дом» (К.Г. Паустовский. «Время больших ожиданий»). В 1998 г. под музей были выделены несколько комнат в помещении детского сада, расположенного в соседнем доме. По эскизному проекту архитектора И.М. Безчастного студенты-архитекторы В. Олесская и другие сделали макет домика «дворницкой».

Еще один интересный проект, который был воплощен Игорем Михайловичем вместе с молодыми архитекторами, выпускниками ОИСИ Н. Галкиной и В. Очаковским, – участие в строительстве памятника лейтенанту П.П. Шмидту на острове Березань вместе со студентами стройотряда «Березань» ОИСИ. Деньги на него собирали все сотрудники и студенты вуза.

Вместе с тем И.М. Безчастный принимал активное участие в общественной жизни вуза, города, страны: был членом градостроительного совета при Управлении городской архитектуры Одессы, членом художественного совета при райисполкоме Центрального района Одессы, членом методического совета архитектурного факультета ОИСИ, членом совета

архитектурного факультета, членом научно-технического совета НИЛЭП при институте, членом Областного технического совета Одесского облисполкома, руководителем секции науки и образования и др.

За свой добросовестный многолетний труд в подготовке высококвалифицированных специалистов его награждали почетными грамотами, благодарностями:

– за хорошую организацию производства, четкую координацию работы НИЛЭП и кафедр награжден почетной грамотой;

– за большую творческую и экономическую помощь, оказанную при проектировании и строительстве монумента в честь 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне;

– за деятельное авторское участие сотрудников ОИСИ И.М. Безчастного и К.У. Рашковского – благодарность от коллектива «Электросетей»;

– за проведение для членов Союза художников и членов Творческого молодежного объединения лекций по древнеегипетской архитектуре и искусству объявило благодарность правление Одесской организации Союза художников УССР;

– за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность в подготовке высококвалифицированных специалистов и в связи с 60-летием со дня рождения объявлена благодарность и награжден почетной грамотой;

– за многолетнюю добросовестную работу в НИЛЭП, за выполнение производственных заданий и в связи с 15-летием образования НИЛЭП объявлена благодарность и награжден почетной грамотой;

– за активное участие в публикациях в газете «Кадри – будовам» объявлена благодарность по случаю Дня журналистики;

– за высокие показатели в работе, многолетний труд по подготовке специалистов-архитекторов и в связи с 70-летием со дня рождения объявлена благодарность и награжден почетной грамотой;

и др.

С сентября 1981 года И.М. Безчастнов временно исполнял обязанности заведующего кафедрой архитектуры и градострои-

тельства, а в декабре Игорь Михайлович прошел по конкурсу на замещение должности заведующего кафедрой архитектуры и градостроительства и исполнял эти обязанности до 1986 года, но потом по состоянию здоровья перевелся на должность доцента. В 1982 году его утвердили научным руководителем аспирантов для незамедлительного подбора и подготовки кандидатов в аспирантуру, а в 1983 году он был избран членом-корреспондентом Украинской академии архитектуры, получив диплом под № 10, и был переизбран на должность профессора кафедры архитектуры и градостроительства.

Самое главное, считал Игорь Михайлович Безчастнов, – ценить и любить своих учеников. Сотни архитекторов продолжили школу своего учителя.

Приведем несколько высказываний его сотрудников. Декан архитектурного факультета доцент Н.В. Орлов характеризовал И.М. Безчастного как специалиста высокой квалификации, проявившего себя с лучшей стороны как проектировщик-архитектор, опытный педагог. Доцент С.М. Курбатов отметил, что знает доцента И.М. Безчастного более двадцати лет не только как хорошего специалиста, архитектора-проектировщика, опытного педагога и хорошего лектора, но и как человека, с которым легко и приятно работать. Доцент К.У. Рашковский отметил, что Игорь Михайлович ведет активную работу – и проектную, и научную, и в деле охраны памятников. Его неоднократно приглашали в качестве рецензента и эксперта по архитектурным вопросам, решаемых в масштабах города, страны. Он сотрудничал с немецкой фирмой «Карл Цейс» в Йене в области проектирования планетариев.

А вот как о нем отзывался главный архитектор Киева В.И. Ежов (1981-1987): «Особое чувство дружбы я питал к Игорю Безчастному – потомственному одесситу, эрудированному человеку и профессионалу, глубоко знающему историю города, его застройку и памятники архитектуры, ну и, конечно, тонкий колорит. Игорь Михайлович умел дружить, всегда протягивал руку помощи другу, когда тому было тяжело. Когда большинство людей отвернулись от бывшего ректора Одесского инженерно-строительного института профессора Георгия

Павловича Владыченко – созидателя, строителя (до сих пор его так называют в вузе), он всегда был рядом. Всегда с любовью вспоминал, сколько хороших дел было сделано вместе: построен санаторий-профилакторий на Даче Ковалевского, заключены договоры с известной немецкой фирмой «Карл Цейс» для сооружения любительских обсерваторий; они вместе занимались увековечением памяти легендарного лейтенанта П.П. Шмидта на острове Березань, совместной работой при строительстве институтской столовой «Березань», при строительстве новых корпусов – архитектурного, гидротехнического, санитарно-технического. А сколько новых общежитий было построено! Шесть! Интерьер главного корпуса ОИСИ – заслуга его и его выпускников. После смерти Георгия Павловича И.М. Безчастнов звонил, беспокоился и проведывал его маму Екатерину Карловну на протяжении десяти лет (столько она прожила после смерти второго сына). Мы с Галиной Марковной Ларкиной все эти десять лет опекали ее и имели счастье поближе узнать Игоря Михайловича, этого прекрасного человека, и его жену Евгению Ивановну – тогда она работала заведующей неврологическим отделением в Лермонтовском санатории. Мы с этой семьей виделись очень часто: на все праздники и на поминальные дни мужа и сыновей Екатерины Карловны Мазур. Игорь Михайлович относился к нам с большим уважением, вниманием и любовью. А мы были очень счастливы такому близкому знакомству с этой замечательной семьей – настоящими одесситами, необыкновенного обаяния интеллигентами. Он до конца оставался одним преданным другом!»

А какая гражданская позиция была у Игоря Михайловича! Он гневно и остро выступал с архитекторами Г. Топузом, В. Фильдштейном, К. Корченовым, когда у городских властей возникла совсем безумная сегодня, а тогда идеологически «обоснованная» идея переноса памятника герцогу де Ришелье с Приморского бульвара: предполагалось на его месте поставить памятник В.И. Ленину. Какое счастье, что это не сбылось благодаря таким людям!

Еще один пример: не только Государственная служба охраны культурного наследия Украины, но и ведущие представите-

ли интеллигенции Одессы в лице архитектора Игоря Безчастнова, вице-президента Всемирного клуба одесситов Евгения Голубовского, художника Олега Соколова, пианиста Юрия Дикого и студентов различных вузов выразили протест против сноса Кирхи. Благодаря позиции и энергичному противодействию всех людей удалось отменить уже намеченный взрыв многострадального здания. Игорь Михайлович приводил студентов-архитекторов делать зарисовки Кирхи, все работы этих студентов были оставлены в ОИСИ перед его отъездом в США, а свои акварели разрушенных в советское время храмов он передал епархии.

Однако в августе 1996 года ему пришлось уволиться по собственному желанию в связи с выездом в США на постоянное место жительства.

После переезда с семьей в Нью-Йорк Игорь Михайлович до последнего дня вел активный образ жизни, продолжал работать по специальности архитектора. Он участвовал в проектировании обсерватории в Бостоне, монумента Гудзону и др. Его избрали членом совета директоров Одесского землячества Нью-Йорка. И, конечно, он всегда оставался преданным искусству, часто участвовал в выставках: его живопись, акварели, гуаши, пастель были всегда в центре внимания на всех выставках и в Европе, и в Америке. Многие работы находятся в музеях и частных коллекциях по всему миру.

Его талант, помноженный на многолетний опыт, помогал создавать очень легкие воздушные акварели, наполненные любовью и жизненным светом.

В 1997 году Игорь Михайлович Безчастнов основал в Нью-Йорке рисовальный кружок для детей и друзей. Почти полтора десятка лет на выходные они собирались у него дома, всегда открытом для друзей: И. Готлиб, А. Дубинский, И. Каракис, Д. Очаковская, А. Поварчук, И. Шенкер и др. рисовали портреты. Игорь Михайлович – единственный не еврей, который был активным членом Гильдии еврейских художников Нью-Йорка.

Судьбы отца, деда, прадеда, прапрадеда соединили сын и внук Игоря Михайловича Безчастнова – Михаил Игоревич и Андрей Михайлович.

Сын Михаил в 1973 году окончил Одесский инженерно-строительный институт, получив квалификацию архитектора. С 1977 года работал на Одесской киностудии. Начинал работать архитектором, ассистентом художника, затем художником-декоратором, художником-режиссером, режиссером, сценаристом, актером, поэтом. Он был художником-постановщиком многих фильмов, самый знаменитый из них – «Место встречи изменить нельзя», лента известного Сергея Говорухина с незабываемым Владимиром Высоцким. В квартире Безчастновых по ул. Софиевской, 15, снимались сцены этого фильма. Назовем еще некоторые его фильмы: «Бред вдвоем» (художник, автор сценария), «Ипподром» (художник), «И повторится все» (художник), «Вторжение» (актер), «Фанат» (художник), «Увертюра» (режиссер, автор сценария) и многие другие. Михаил был удостоен высшей награды за короткометражные фильмы. Сейчас он живет в Америке, вернулся к дизайну.

Внук Игоря Михайловича Андрей тоже окончил Одесскую государственную академию строительства и архитектуры (бывший ОИСИ) – в 1995 году по специальности «архитектор». С 1993 по 2009 год Андрей работал в архитектурной студии «Beletage Design Group» в Одессе. В 2009 году он организовал свою студию по названием «Urban Group», занимается проектированием домов и разработкой дизайна интерьеров. За архитектурное проектирование жилья Андрей стал лауреатом нескольких премий. Сотрудники студии, возглавляемой А. Безчастновым, выполнили дизайн многочисленных интерьеров: ресторана «Дон Кихот»

(Одесса, 2004), ресторана «Метрополис» (Ильичевск, 2005), ресторана «Эдельвейс» (Одесса, 2006) и др. В 2003 году за разработку дизайна интерьера ресторана «Йокогама» (Одесса) Андрей стал лауреатом премии «INTER'YEAR 2003». Спроектированы и реализованы многочисленные объекты архитектуры, проекты строительства жилья и дизайна интерьеров.

26 ноября 2018 года на 95-м году жизни Игоря Михайловича Безчастнова не стало. Этот интеллигентнейший потомственный одессит, полный сил и творческих планов, попавший незадолго до кончины в больницу, до последнего дня оставался в светлом уме и с уникальным тактом благодарил помогавший ему медицинский персонал.

«В поведении Игоря Михайловича постоянно чувствовалась тактичная дворянская утонченность, интеллигентность, без капли надменности, разбавленная одесским юмором», – сказал О. Юнаков

Таким и останется в нашей памяти Игорь Михайлович Безчастнов.

Ванда Цуркан

Борис Пивенштейн. Дважды казненный герой

16 мая 1944 г. в концлагере Штуттгоф (Польша) был повешен легендарный советский летчик, участник спасения экспедиции с парохода «Челюскин» в 1934 г., гвардии подполковник, командир 503-го штурмового ордена Кутузова авиаполка Борис Абрамович Пивенштейн.

Борис Пивенштейн появился на свет в Одессе 6 февраля (по старому стилю) 1909 г. в еврейской семье барского мещанина Аврума-Дувида Алтеровича Пивенштейна и его супруги Сарры. Отец мамы Бориса Сруль Герман был гайсинским мещанином.

Известно, что еврейская община города Бара была одной из старейших и наиболее состоятельных. Первое упоминание о евреях в Баре относится к 1542 г. В XVI веке в Баре была Еврейская улица. По договору, заключенному в 1556 г. с горожанами Бара, евреям разрешалось владеть зданиями и иметь те же права и обязанности, что и другие жители. Официальный договор был ратифицирован в том же году польским королем Сигизмундом II. К первой половине XVII века еврейская община разрослась и, по свидетельству современника, в 1648 г. насчитывала 600 семейств, «людей состоятельных и видных». В 1648 г. в ходе восстания Хмельницкого атаман Кривонос, захватив Бар, вырезал свыше двух тысяч местных евреев. Три года спустя, в 1651 г., уцелевшие евреи подверглись еще одному набегу казаков и татар. Город пришел в упадок. Община восстановилась не сразу: в 1897 г. около 6000 евреев составляли 58 процентов населения городка.

Еврейская община Гайсина, где проживали родные мамы Бориса, также была известна, но и ее настигли погромы. Силь-

но пострадал Гайсин в ходе антипольских войн Богдана Хмельницкого (1648-1654), которые сопровождались грабежами и массовыми убийствами евреев. В ходе гайдамацких восстаний 1734 и 1750 годов традиционно в первую очередь массовому избиению подвергалось еврейское население. На охваченной восстанием территории практически исчезли почти все еврейские общины.

Семья Пивенштейнов переехала из Бара в Одессу. Из архивов мы узнали, что родной дядя Пивенштейна имел четверых детей и проживал в Одессе.

Родители Бориса сочетались браком в 1902 г. в Одессе. Из архивной записи следует, что его отец служил рядовым в царской армии.

Борис, его брат и сестра росли в бедности. Из регистрационного бланка члена ВКП(б) известно, что в 1923-1924 гг. Борис Пивенштейн, окончив Трудовую школу в Одессе, работал на гире-весовой фабрике подручным слесаря. В 1924 г. поступил в Дом еврейской рабочей молодежи «Еврабмол», где учился на токаря по металлу.

Лучше всего написал о себе сам Пивенштейн в книге о спасении челюскинцев «Путь в Уэллен»:

«В годы далекого детства «героем» для меня был рыжий одесский беспризорник, который лучше всех дрался и пил ханжу. Ведь и мне нелегко было проводить свое детство в семье рано умершего еврея-грузчика. Детство. Одесса. Еврейская беднота. Беспризорность. Папиросы, ириски, сахарин. Привокзальные товарищи, рано приучившие к картам.

И я вспомнил себя, неуклюжего подростка, над которым смеялись беспризорники, который не умел ни пить, ни играть в карты. Подросток продавал ириски на вокзале и писал стихи.

Что у тебя было в прошлом? Голодная семья, вечно больная мать… И тогда я всеми силами, пока не поздно, рванулся к другой жизни. Я поступил в школу еврейской молодежи.

Помню, как мама черным вороном стала в дверях и загородила дорогу, когда я уходил в летную школу. Она боялась всего нового, напуганная, исстрадавшаяся мать, она не могла понять, что это новое даст всю полноту и все богатство жизни».

Курсанты Ленинградской Военно-теоретической школы («Тёрки»), 1927 г.
Борис Пивенштейн 8-й слева в первом ряду

Борис был талантливым и неординарным: сочинял стихи, играл на гитаре и пел. Об этом известно из его книг и воспоминаний товарищей.

В 1927 г. Пивенштейн становится курсантом Ленинградской военно-теоретической школы летчиков. Когда он учился в «Еврабмоле», школа получила разверстку в военную школу летчиков. Борис прошел все медицинские комиссии и был признан годным для поступления. Для семьи это было настоящей трагедией. Его не хотели отпускать, заявляя, что еврею такая страшная профессия не по силам. Он уехал из родного дома, ни с кем не простившись…

По окончании теоретической части обучения в 1928 г. он был направлен в престижную Военную школу летчиков им. Мясникова в Качу неподалеку от Севастополя.

К моменту окончания летной школы происходил конфликт на КВЖД. Все выпускники хотели принять участие в конфликте и подали коллективный рапорт на имя комиссара школы, чтобы их отправили на Дальний Восток. Из всех выпускников послали только 8 человек, и среди них был Борис Пивенштейн. Но когда

Полярные летчики. Сидят (слева направо): Михаил Михайлов, Борис Пивенштейн, Моуно Линдель, Михаил Водопьянов, Федор Куканов. Стоят: Михаил Бабушкин, Алексей Иванов, Михаил Сахаров. Георгий Страубе, Валентин Аккуратов, Борис Чухновский и Флегонт Боссейн

они подъехали к Чите, уже был подписан мирный договор. Так Борис Пивенштейн остался служить на Дальнем Востоке – с ноября 1929 г. по октябрь 1934 г.

Пивенштейн имел непосредственное отношение к становлению и развитию военной авиации на Дальнем Востоке. В 25 лет у него был огромный опыт полетов в Заполярье. На сохранившейся фотографии тех лет Борис в окружении летчиков – легенд авиации: Михаила Водопьянова, Моуно Линделя, Федора Куканова и других.

Центральным событием этого периода его жизни было участие в операции по спасению экипажа теплохода «Челюскин». Во главе сводного звена из трех самолетов Борис Пивенштейн был направлен на спасение экспедиции. Группа из пяти самолетов Р-5 и летчиков была в подчинении Николая Каманина. Это были военные летчики полка разведчиков. Группа с самолетами погрузилась во Владивостоке на пароход «Смоленск» и добралась до северной части Камчатки. Далее путь был продолжен на деревянных, обтянутых тканью негерметичных самолетах – в условиях

арктической зимы с сорокаградусными морозами, практически без информации о метеоусловиях и без радиосвязи. На маршруте приходилось преодолевать горные хребты, высота которых не многим уступала потолку полета самолета.

Вот как описывал Пивенштейн один из участков перелета: «Труднее было на втором перелете – от Майна-Пыльгина до Анадыря. Над Паль-Пальским хребтом мы попали в сильные нисходящие токи. В долинах крутилась снежная метель. Перегруженные самолеты не могли взять выше хребта. Попадая в нисходящие токи, самолеты проваливались камнем. Казалось, горы кругом, горы внизу и вверху, и прямо перед самолетом гора, в которую я сейчас врежусь. Я подумал: «Что же такое? Неужели здесь и конец?». В середине хребта мы попали в густую облачность. Мы шли, не видя друг друга, и не знали, что будет с нами через секунду».

При посадке в Анадыре командир отряда Каманин подломал свой самолет. Не оказалось в Анадыре и бензина. Каманин приказал слить бензин из своего поврежденного самолета, оставил Пивенштейна для его ремонта, а сам продолжил перелет на самолете Пивенштейна. Высказывалось мнение, что Каманин отнял у Пивенштейна не только самолет, но и лавры героя-спасителя. Борис Пивенштейн тяжело переживал эту ситуацию и нашел выход, как продолжить полет. Узнал из разговора с чукчами, что за 140 км на зимовке есть бензин. Пивенштейну удалось добыть и привезти на собачьих упряжках через сотню километров 170 килограммов бензина, залитого в четыре моржовых пузыря и две жестяные банки. В его отсутствие механик самолета изготовил и заменил на деревянный костыль вместо поломанного. Бензин был второго сорта, для хозяйственных нужд. Но Пивенштейн с риском для жизни с некачественным топливом взлетел и прилетел в бухту Провидения. Пурга не позволяла лететь дальше. Когда вьюга стихла, по радио сообщили, что все челюскинцы спасены. Однако Пивенштейн не пал духом, долетел к месту назначения и совершал непростые перелеты, перевозя спасенных челюскинцев к пароходу. Он переправил на своем самолете 22 человека.

В предвоенные годы рассказы об этом подвиге за его авторством публиковались в многочисленных сборниках и отдельными изданиями, а сам он был награжден орденом Красной Звезды.

В октябре 1934 г. Пивенштейн переводится на службу в Московский военный округ и становится слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского. Первый и второй курсы Пивенштейн окончил с приказом по академии как ударник и с благодарностями. Окончил академию с дипломом первой степени.

Б.А. Пивенштейн, 1934 г.

В 1939-1941 гг. с супругой Екатериной и сыном Борисом он проживал в знаменитом правительственном Доме на набережной.

До войны Борис Пивенштейн успел снискать популярность еще и как летчик, интересно рассказывающий о пережитых событиях в книгах «Гора Дионисия закрыта» (1935) и «Путь в Уэллен» (1936). В книге «Как мы спасали челюскинцев» Борис Пивенштейн был автором главы под названием «В пургу».

Его воспоминания в книге «Путь в Уэллен» в 1935 г. были изданы на иврите. И неудивительно. Он часто ездил в Еврейскую автономную область. Обращался к молодежи, призывал включиться в движение «Дать Родине 150 тысяч летчиков». Авиационный отдел Московского горсовета Осоавиахима обещал содействовать организации аэроклубов в Биробиджане, командировать своих инструкторов, обеспечить новые аэроклубы учебными самолетами и т. д.

Из публикаций в газете «Дер Эмес» (еврейская газета на идиш, выходила с 1918 по 1939 год) известно, что Пивенштейн в 1937 г. участвовал в организованной газетой встрече с известным немецким писателем Лионом Фейхтвангером. На встрече присутствовал руководитель Центрального совета ОЗЕТа С.М. Диманштейн (казнен по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции

Николай Каманин и Борис Пивенштейн по окончании операции по спасению челюскинцев, 1934 г.

в СССР, реабилитирован посмертно), народный артист С.М. Михоэлс (умышленно убит в январе 1948 г.), поэт П.Д. Маркиш (арестован в 1949 г. как член Президиума Еврейского антифашистского комитета, расстрелян в 1952 г., посмертно реабилитирован), профессор И.М. Нусинов (в 1949 г. арестован, умер в тюрьме во время следствия, посмертно реабилитирован), замредактора Емес Рабинович, рекордсменка-парашютистка Гураль и другие.

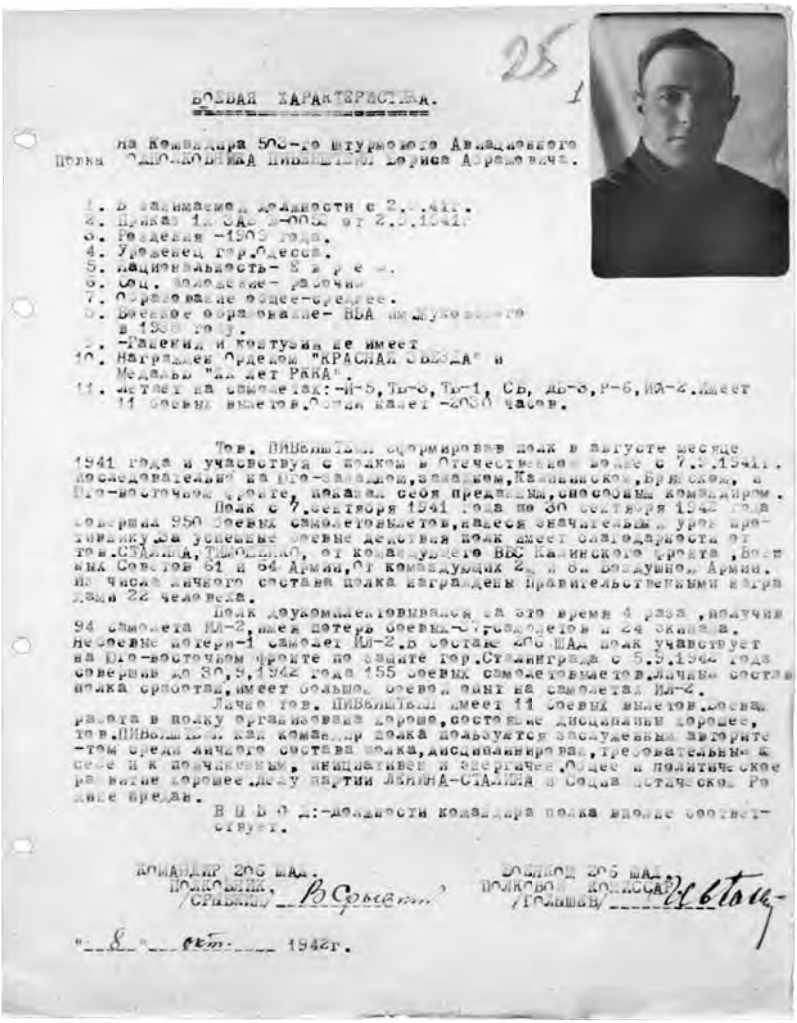
С началом войны Пивенштейн в звании гвардии подполковника командовал 503-м штурмовым ордена Кутузова авиаполком. Документы, размещенные на сайте Мемориала МО РФ, говорят о том, что Пивенштейн участвовал в боевых вылетах, а возглавлявшийся им полк успешно выполнял поставленные задачи, что подтверждается архивными документами полка в ЦАМО РФ.

Согласно хранящейся в ЦАМО РФ учетно-послужной карточке (УПК), гвардии подполковник Борис Пивенштейн пропал без вести 27 апреля 1943 г.

Книга Бориса Пивенштейна, изданная на иврите

Через девять лет после того, как Пивенштейн пропал без вести, 4 апреля 1952 г., он был заочно приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу с лишением наград, звания и конфискацией имущества за измену, шпионаж, сотрудничество с немцами по ст. 58-1 п. «б» и 58-6 ч. 1 УК РСФСР. Жену Пивенштейна Екатерину репрессировали и выслали вместе с сыном из Москвы. Квартиру в Доме на набережной забрали.

На момент вынесения приговора Военной коллегией Б.А. Пивенштейн, узник (с номером 34754) концлагеря Штуттгоф, куда



25

1

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

на командира 505-го штурмового Авиационного Полка ОДВО-КОВЕЖА Пивенштейн Борис Абрамович.

1. В занимаемой должности с 2.[illegible].41г.
2. Приказ 1.[illegible] ОДВО 2-0052 от 2.[illegible].1941г
3. Рождения -1909 года.
4. Уроженец гор.Одесса.
5. Национальность- Е в р е й.
6. Сод. положение- рабочий
7. Образование общее-среднее.
8. Военное образование- ВВА им.Жуковского в 1938 году.
9. -Ранений и контузий не имеет
10. Награжден Орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" и Медалью "ХХ лет РККА".
11. Летает на самолетах:-И-5,ТБ-3,ТБ-1, СБ, ДБ-3,Р-6,ИЛ-2.Имеет 11 боевых вылетов.Общий налет -2000 часов.

Тов. ПИВЕНШТЕЙН сформировав полк в августе месяце 1941 года и участвуя с полком в Отечественной войне с 7.[illegible].1941г. последовательно на Юго-западном,западном,Калининском,Брянском, и Юго-восточном фронте, показал себя предельным,способным командиром.

Полк с 7.сентября 1941 года по 30 сентября 1942 года совершил 950 боевых самолетовылетов,нанеся значительный урон противнику,за успешные боевые действия полк имеет благодарности от тов.СТАЛИНА,Тимошенко, от командующего ВВС Калинского фронта ,Военкома Советов 61 и 64 Армии,от командующих 2х и 8м Воздушн. Армии. Из числа личного состава полка награждены правительственными наградами 22 человека.

Полк дооукомплектовывался за это время 4 раза ,получив 94 самолета ИЛ-2,имея потерь боевых-[illegible]самолетов и 24 экипажа. Небоевые потери-1 самолет ИЛ-2.В составе 205 ШАД полк участвует на Юго-восточном фронте по защите гор.Сталинграда с 5.9.1942 года совершив до 30.9.1942 года 155 боевых самолетовылетов.Личный состав полка крепкий,имеет большой боевой опыт на самолетах ИЛ-2.

Лично тов. ПИВЕНШТЕЙН имеет 11 боевых вылетов.Боевая работа в полку организована хорошо,состояние дисциплины хорошее, тов.ПИВЕНШТЕЙН как командир полка пользуется заслуженным авторитетом среди личного состава полка,дисциплинирован,требовательный к себе и к подчиненным, инициативен и энергичен.Общее и политическое развитие хорошее.Member партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистическо. Родине предан.

В Н И М А Н И Е:-должности командира полка вполне соответствует.

КОМАНДИР 205 ШАД.
ПОДПОЛКОВНИК.
/СТАЛИН/ _____

КОМИССАР 205 ШАД.
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР
/ГОЛИШЕВ/ _____

"8" окт. 1942г.

Копия характеристики Б.А. Пивенштейна в период Великой Отечественной войны

он был доставлен под охраной из гестапо Кенигсберга 15 мая 1944 г. на казнь, уже девять лет как был повешен гитлеровцами (16 мая 1944 г.).

КОПИЯ

ТЕЛЕГРАММА

Штурмовыми действиями и бомбардировкой работниками ЦИВЕНШТЕЙНА уничтожен штаб крупного соединения противника в деревне КУДИНОВО тчк ВОЕННЫЙ СОВЕТ 61 НАЗЕМНОЙ АРМИИ участникам в разгроме немецкого штаба об"являет БЛАГОДАРНОСТЬ.

Проработать с личным составом.

Передал лично Командующий МАЧИН.

МАРТЬЯНОВ

ВЕРНО: НАЧАЛЬНИК ОТД СТР И КАДРОВ
ТЕХНИК ИНТ 2-го р-га Казаков /КАЗАКОВ/

ТЕЛЕГРММА

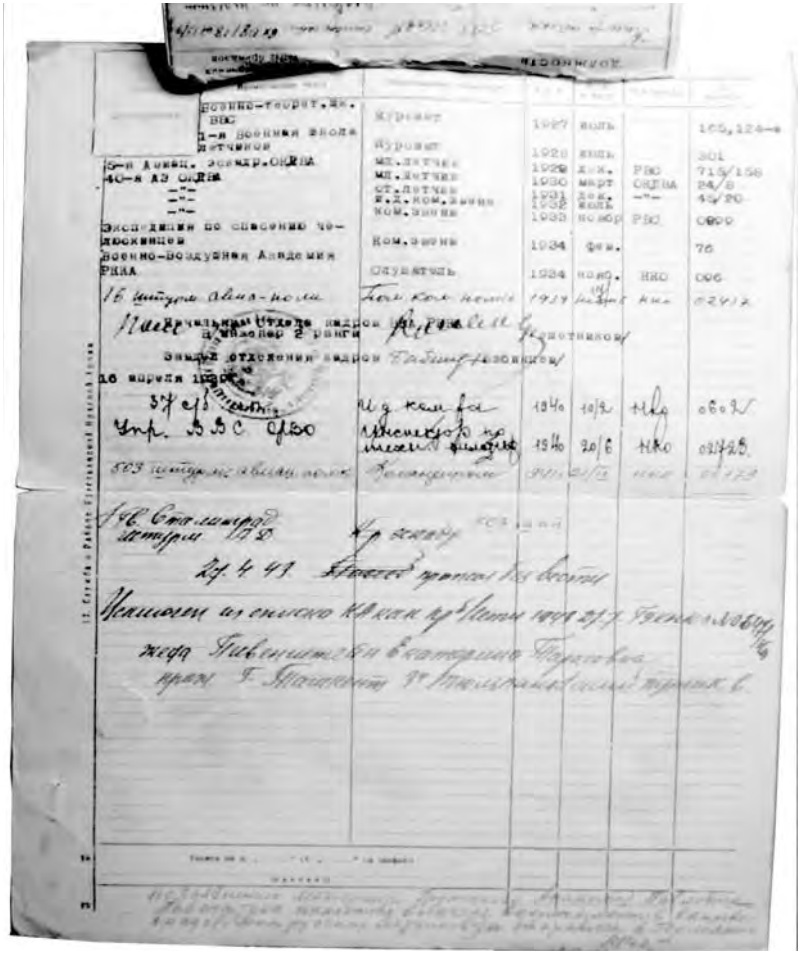
Военного Совета Брянского фронта

ВОЕННЫЙ СОВЕТ БРЯНСКОГО ФРОНТА ОБ"ЯВЛЯЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ 503 ШАП ЗА УСПЕШНЫЙ НАЛЕТ НА ВРАЖЕСКИЙ АЭРОДРОМ

П/П КОМАНДУЮЩИЙ 2-ой ВА
КРАСОВСКИЙ

ВЕРНО: НАЧАЛЬНИК ОТД СТР И КАДРОВ
ТЕХНИК ИНТ 2-го р-га Казаков /КАЗАКОВ/

Копии телеграмм Военного совета Брянского фронта



Копия учетно-послужной карточки (УПК) гвардии подполковника Б.А. Пивенштейна

Информация о казни Б.А. Пивенштейна в концлагере Штутт-гоф стала известна в 1967 г. из воспоминаний летчика Юрия Павловича Цуркана, моего отца, узника нацистских концлагерей, в его книге «Последний круг ада».

ПИВЕНШТЕЙН Борис Абрамович

Еврей

Английск со словарем

19 февраля 1909 2840

гор. Одесса

1931 2009586

Капитан

38 025/п

Не участвовал

Ж е н а т

Профшкола гор.Одесса 1927

Профшкола токарь по металлу

Не имеет

Не имеет

Военно- теоретич. школа 1928

ВВС РККА

1-я Военная школа летчиков 1929

Военно- воздушн. академия РККА 1939

не имеет

орден "красная звезда" 1934

медаль " XX лет РККА " 1938

Копия учетно-послужной карточки (УПК) гвардии подполковника Б.А. Пивенштейна

В книге он вспоминал о Пивенштейне: «Я его близко знал еще в 1937 году. Наша школа стояла на лагерном положении, когда туда прибыл на стажировку слушатель Военно-воздушной академии Пивенштейн. Он проходил ее в нашей эскадрилье. Налетел невиданной силы ураган. Мы бросились к самолетам, чтобы закрепить их. Самоотверженно, с риском для жизни боролся со стихией и Пивенштейн…».

В 1943 г., находясь в плену в концлагере Штуттгоф, Юрий Цуркан узнал, что в лагерь на казнь доставлен Борис Пивенштейн. Он попросил писаря, чеха, провести его к Борису в изолированный блок.

«Юзек, не прощу себе, если не попаду в блок к летчику. Помоги».

Он исполнил мою просьбу. Трудно было узнать в изнуренном, избитом человеке знаменитого в прошлом летчика.

Поговорить с ним удалось около пяти минут. За общение с изолированным смертником я в лучшем случае мог расплатиться полсотней палок.

Пивенштейн знал, зачем его привезли в Штуттгоф. Ему прямо заявил комендант Штуттгофа Хоппе:

– Всех евреев мы расстреливаем. Офицеров – вешаем.

– Поклянитесь, лейтенант, что вы исполните мою предсмертную просьбу, – попросил меня Борис Абрамович.

– Даю честное слово! Клянусь званием советского летчика!

– Запомните адрес: Одесса, Ленина, 76. Там до войны жили мои родные. Расскажите им о моей смерти. Скажите, что я ничем не запятнал себя. Все мои мысли с ними.

– А если в Одессе никого нет?

– Напишите Герою Советского Союза Каманину. Сообщите ему о моей участи. Пусть разыщет семью и, если нужно, поможет.

Последнее рукопожатие…

На следующий день подполковника повесил Вацек Козловский. Даже этот бессердечный палач поразился спокойствию и мужеству Бориса.

По моей просьбе Бронек Петровский подробно расспросил палача. И тот рассказал, что «радзецьки льотник» оттолкнул его, сам надел петлю на шею. Весь лагерь два дня обсуждал казнь советского полковника, еврея».

С детства я знала из рассказов отца и его книги, что Борис Пивенштейн был повешен в концлагере Штуттгоф как еврей и советский офицер высокого ранга.

В 2016 г. я обнаружила неизвестную мне ранее информацию о приговоре Пивенштейну в 1952 г. Зная, что Борис Абрамович был казнен в концлагере Штуттгоф, я отправила запрос в Мемориал концлагеря Штуттгоф с просьбой сообщить, сохранились ли в архиве документы по Пивенштейну. Получив ответ, что документы есть, поехала в Польшу. В архиве концлагеря Штуттгоф мне предоставили подлинный документ гестапо с информацией о Пивенштейне.

Найденный в архиве Мемориала концлагеря Штуттгоф документ подтвердил воспоминания моего отца о том, что Борис Пивенштейн был доставлен в лагерь в мае 1944 г. под охраной.

Archiwum Muzeum Stutthof
Publikacja i reprodukcja zastrzeżona

14

Konzentrationslager Stutthof, den 15. Mai 1944
Kommandantur
POLITISCHE ABTEILUNG

Betr.: Einweisung von Häftlingen.
Bezug: o h n e .

An das
S e h u t z h a f t l a g e r

Nachstehend aufgeführte Häftlinge wurden am 15. Mai 1944 in das Konzentrationslager Stutthof eingeliefert:

F r a n z o s e n							
1. Kowalenko	Luba	22.3.19	Erziehung	Russin	34 770	St.Danzig	
2. Geigel	Mary	9.1.14	Sch.H./Diff.	U.S.A.	34 771	"	
3. Bialecka	Renata	1.10.25	Erziehung	P.B.	34 772	"	
4. Trebub	Marianna	1925	Sch.H./Pol.	Russin	34 784	St.Königsberg	
Bialecki	Wanda	2.7.22	Erziehung	Polin	34 785	St.Danzig	
5. Wanatorski	Wanda	10.10.04	"	"	34 Sol	"	
R u s s e n :							
7. Fiewenstein	Boris	6.2.09	Sch.H./Pol./Jude	Russe	34 754	St.Kbg.	
8. Bartoes	Ziscwit	5.6.25	"	Russe	34 755	St.Allenst.	
9. Fomitschow	Nikolai	20.12.24	"	"	34 756	St.Kbg.	
10. Gogoruiko	Grigori	1.1.10	"	"	34 757	"	
11. Bordentschuk	Daniel	7.7.23	"	"	34 758	"	
12. Koslow	Anatoli	10.1.22	"	"	34 759	"	
13. Nikolenko	Grigori	10.10.15	"	"	34 760	"	
14. Kaschula	Alexander	4.9.17	"	"	34 761	"	
15. Schneiderreiter	Franz	17.5.88	V.H./Homo	P.B.	34 762	Kr.Tilsit	
16. Stanzkowski	Stanislaw		8.5.95 Sch.H./Pol./Pole		34 763	St.Tilsit	
17. Bartkowski	Walenty	14.2.03	Sch.H./Pol.	Pole	34 764	"	
18. Wojciuski	Jerzy	7.2.20	"	"	34 765	St.Kbg.	
19. Nowak	Alexander		14.2.14 Sch.H./Pol.	Pole	34 766	St.Tilsit	
20. Borowik	Stanislaw	13.5.18	Sch.H./Pol.	Pole	34 767	St.Schrbg.	
21. Dawidczyk	Stanislaw	25.12.14	"	"	34 768	"	
22. Kasiniczak	Edward	10.1.97	"	"	34 769	"	
23. Rydzynski	Josef	21.3.23	Erziehung	"	34 773	St. Danzig	
24. Rutkowski	Stefan	22.8.20	"	"	34 774	"	
25. Borowink	Kazimir	9.2.23	"	"	34 775	"	
26. Schröder	Franz	22.2.20	" Gefr.	V.D.	34 776	"	
27. Soltmann	Werner	23.11.20	a.d.Wehrm.	H.D.	34 777	"	
28. Schrug	Paul	21.5.19	Sch.H./Pol.	"	34 778	"	
29. Pommranke	Werner	23.12.24	a.d.Wehrm.	"	34 779	"	
30. Getzloff	Franz	26.9.95	Sch.H./Pol.	Pole	34 780	"	
31. Kledz	Teofil	20.4.00	"	"	34 781	"	
32. Nowicki	Stefan	10.7.12	"	"	34 782	"	
33. Pogiewski	Max	9.12.01	"	"	34 783	"	
34. Moroco	Rony	23.1.22	Erziehung	Franzose	34 786	"	/s
35. Rojek	Bronislaw	5.1.24	"	Pole	34 787	"	"
36. Kosinski	Michael	29.9.19	"	"	34 788	"	"
37. Popowicz	Michael	26.2.13	"	Russe	34 789	"	"
38. Semenko	Nikolai	25.8.25	"	"	34 790	"	"
39. Pomomarenko	Nikolai	26.9.26	"	"	34 791	"	"
40. Gerosalt	Roger	25.8.19	"	Franzose	34 792	"	"
41. Blaise	Ferdinand	15.8.25	"	"	34 793	"	"
42. Schalamainkow	Nikolai	1.12.23	"	Russe	34 794	"	"
43. Sobierajski	Franz	4.8.18	Sch.H.pol.	Pole	34 795	"	"
44. Salan	Sladisir	11.7.17	Erziehung	Tschecho	34 796	"	"
45. Ribelot	Claude	20.8.24	"	Franzose	34 797	"	"
46. Kaczmarek	Josef	6.9.22	"	Pole	34 798	"	"
47. Bliscuho	Michael	15.8.25	"	Russe	34 799	"	"
48. Sorokin	Michael	5.5.25	"	"	34 800	"	"

Zur Kenntnis:
wie gewünscht.

Der Leiter der Abteilung II

Копия документа гестапо с информацией о доставке Пивенштейна из гестапо Кенигсберга в концлагерь Штуттгоф 15 мая 1944 г. под охраной

Газовая камера и крематорий территории Мемориала концлагеря Штуттгоф, 2017 г.

В графе этого документа указано, что он Pole/Jude/Russe (поляк/еврей/русский), и номер регистрации при доставке.

Бориса Пивенштейна доставили на казнь в концлагерь из гестапо Кенигсберга. Но он был особенным военнопленным – еврей, офицер высокого ранга, всемирно известный летчик.

Юрий Цуркан был единственным, с кем говорил Борис Абрамович перед казнью в Штуттгофе. Его предсмертная просьба передать родным и близкому другу Николаю Каманину «помочь семье, и что он ничем себя не запятнал в плену» подтверждает, что герой-фронтовик не пошел на сделку с врагом, не стал предателем. Он неспособен был на предательство и сотрудничество с немцами, так как воинский долг был для него превыше всего. Вся его недолгая и яркая жизнь, героическая эпопея по спасению челюскинцев, полет по неизведанному маршруту в Арктике, участие в Великой Отечественной войне являются подтверждением, что немцы, не склонив Пивенштейна к измене в течение года с момента пленения, отправили его как отработанный материал в гестапо, а оттуда на казнь в концлагерь как еврея.

По словам сотрудников архива Мемориала концлагеря Штуттгоф, на хранящихся в политическом отделе папках с делами таких значительных узников, как Пивенштейн, ставился дополнительный штамп – «Секретно». Здание отдела гестапо с документами на политических узников и половину бараков в Штуттгофе немцы подожгли перед эвакуацией лагеря в конце января 1945 г.

В протоколе от 9 мая 1945 г. «О расследовании злодеяний немецких захватчиков в Гдыне, Данциге, Штеттине, Штутхофе» Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), созданной в соответствии с Постановлением № 1131 Совета народных комиссаров от 22 мая 1945 г., указано, что в комендатуре Штуттгофа комиссией было обнаружено всего 184 листа документов, свидетельствующих о смертности заключенных, относящейся к периоду с января 1945 г.

В документах ЧГК записано: «Боясь ответственности за совершенные преступления в Штуттхофском концентрационном лагере, немецкие палачи перед своим отступлением старательно уничтожили следы своих злодеяний – документы, могущие показать всему миру их подлую работу по уничтожению заключенных лагеря, и точное количество людей, уничтоженных ими с начала существования концентрационного лагеря. Никакие ухищрения не помогли гитлеровцам. Показания оставшихся в живых заключенных, найденные отдельные документы и другие вещественные доказательства убедительно изобличают немецких палачей».

В своих показаниях ЧГК бывший узник концлагеря Штуттгоф Балис Сруога написал: «Еврей» считалось видом ареста, бывшая государственная принадлежность обозначалась как национальность евреев».

То же самое написал в книге и мой отец: «Как-то Юзеф Горак рассказал, что в графе «национальность» евреев записывали по подданству, а в графе «хавтарт» – род преступления – указывалось: еврей».

Документ с информацией о Б. Пивенштейне, подписанный начальником II отдела гестапо лагеря, есть только в архиве Мемориала Штуттгофа. В то же время в том же архиве сохранились все

списки узников, отправленных в другие лагеря. Сведений об отправке Пивенштейна из лагеря в архиве Мемориала Штуттгофа нет. Это также подтверждает рассказанное отцом: «Офицер-еврей Пивенштейн не мог выйти из гитлеровского лагеря живым».

Подтверждение того, что в Штуттгофе в строжайшей тайне проводились казни через повешение, содержится и в свидетельских показаниях, данных ЧГК узниками Штуттгофа профессором Балисом Сруогой, Франтишеком Владарчиком и другими свидетелями. Балис Сруога писал:

«Казни проводились иногда публично. Иногда – в строжайшей тайне. Порой надо было повесить сразу нескольких человек. В лагере была только одна виселица. На ней можно было вздернуть не более двух заключенных».

«В лагере производились экзекуции заключенных. Гестапо, приславшее заключенного, присылало и список подлежащих казни вместе с заключенным или попозже. В этих случаях расстреливали или вешали, изредка – яд впрыскивали. Казнь в книгах отмечалась буквой «Э», или «Экс» (экзекуцирт – казнен)».

При тайных казнях присутствовало ограниченное число лиц – комендант лагеря, врач и исполнители казни.

Героическая смерть Бориса Пивенштейна, когда он сам накинул петлю себе на шею, не позволив этого сделать палачу, говорит о мужестве этого человека, чувстве собственного достоинства, ненависти к врагам в последнюю минуту его жизни. Он был уверен, что если Юрий Цуркан вернется живым после плена, правда станет известна родным и товарищам. Для него это было очень важно. Он рассказал Юрию, что немцы постоянно шантажировали его тем, что на Родине его будут считать предателем.

В случае с Борисом Пивенштейном так и случилось, не без помощи репрессивных органов СССР, осудивших его как предателя в 1952 г., не имея доказательств его сотрудничества с немцами, и в наше время ученых-историков, растиражировавших сфабрикованное дело, даже не ознакомившись с ним, и выдумавших версии о предательстве.

Из публикаций историков А.Г. Звягинцева и К.М. Александрова стало известно о том, что Военная коллегия, рассматривавшая дело Пивенштейна, в 1952 г. установила следующее:

В дело группы Ясиед 2

т. Казаеву

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1131

от 22 мая 1945 г. Москва, Кремль.

О расследовании злодеяний немецких захватчиков в Гдыне, Данциге, Штеттине, Штутхофе.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Разрешить Чрезвычайной Государственной Комиссии командировать для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Гдыне, Данциге, Штеттине, Штутхофе Комиссию в составе: Кудрявцева Д.И. (председатель), Семенова С.В., Кузьмина С.Т., Тарасова-Родионова П.И., Баранова П.В. и Зиминкова А.И.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. Чадаев

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СНК СОЮЗА ПРОТОКОЛЬНАЯ ЧАСТЬ

В АРХИВ

22 мая 1945 г.

1+42мг
д.№ 3-16

Постановление № 1131 Совета народных комиссаров от 22 мая 1945 г. «О расследовании злодеяний немецких захватчиков в Гдыне, Данциге, Штеттине, Штутхофе»

– В 1932-1933 гг., находясь на военной службе на Дальнем Востоке, он имел преступную связь с резидентом германской разведки Вальдманом;

– В 1943 г., являясь командиром авиаэскадрильи, вылетел на боевое задание в тыл к немцам, откуда в свою часть не возвратился;

– В 1951 г. Пивенштейн проживал на территории американской зоны оккупации Германии, был членом Народно-трудового союза (НТС), выполнял обязанности секретаря Висбаденского эмиграционного комитета и старосты храма, а затем выехал в Америку;

– Вина Пивенштейна в измене Родине и сотрудничестве с немецкой контрразведкой доказана показаниями арестованных М.В. Тарновского, В.С. Москальца, И.И. Тенскова-Дорофеева и имеющимися в деле документами.

Существовали даже версии, что Пивенштейн сотрудничал с разведывательной организацией Геллена и ЦРУ, консультировал американские спецслужбы во время конфликтов в Корее и во Вьетнаме, и даже ВВС Израиля во время Шестидневной войны. Находясь в лагере военнопленных летчиков в Морицфельде, Пивенштейн якобы работал в отделе контрразведки «Восток», где занимался опросом советских летчиков, попавших в плен к немцам, обрабатывал их в антисоветском духе и склонял к измене Родине.

Эти сведения о Б.А. Пивенштейне, а также другая, зачастую абсурдная информация касательно его дальнейшей судьбы, были изложены в Википедии, в многочисленных статьях и книгах об изменниках Родины.

Все это не имело никакого документального подтверждения. В документах самого «Востока» нет никаких сведений о сотруднике с фамилией Пивенштейн. Как нет и свидетельств о Пивенштейне тех, кто действительно работал в отделе и попал в руки СМЕРШа, – а там, за небольшим исключением, оказались почти все востоковцы.

Все публикации о том, что Борис Пивенштейн сотрудничал с немцами, власовцами, жил в Висбадене, работал на организацию Гелена и после войны уехал в Америку, – вымыслы.

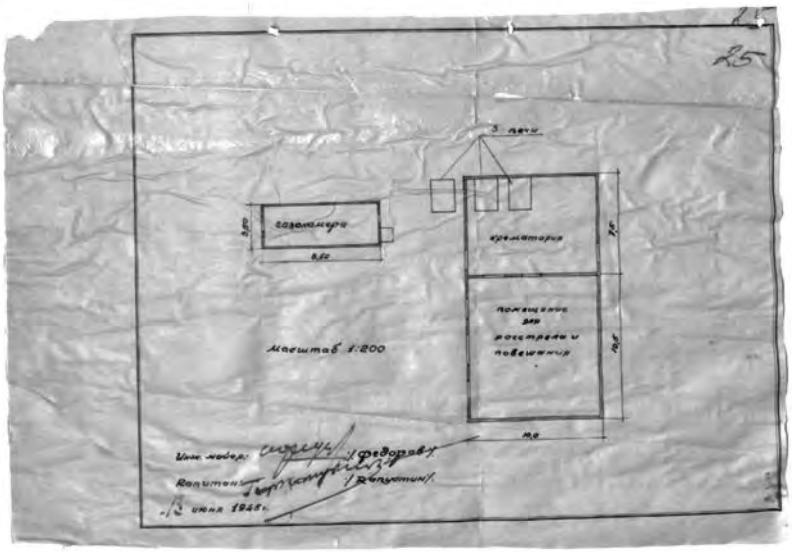


Схема расположения виселицы в здании с крематорием в концлагере Штуттгоф из документов ЧГК

Большинство летчиков «Востока» оказались в руках СМЕРШа и были либо казнены, либо отправлены в ГУЛаг. Пивенштейн не значится в перечне офицеров власовских ВВС.

Дело Пивенштейна было сфабриковано. Поверить немыслимо в то, что он с 1932 г. был агентом немецкой разведки, а в 1943-м добровольно улетел к немцам. В архивах НТС, Народно-трудового союза (в сотрудничестве с этой организацией обвиняли Пивенштейна), нет никаких документов, подтверждающих его членство в союзе или какие-либо контакты с ним в военные или в послевоенные годы.

В российских и немецких архивах отсутствуют даже документальные свидетельства тому, что Пивенштейн попал в плен. Карту военнопленного Пивенштейна обнаружить не удалось. На запрос о судьбе Бориса Пивенштейна Международная служба поиска (Бад-Арользен, Германия) в декабре 2019 г. прислала ответ, что сведений не имеется. Отсутствие документов о казни

Пивенштейна является подтверждением, что гестапо пыталось скрыть казнь известного советского летчика.

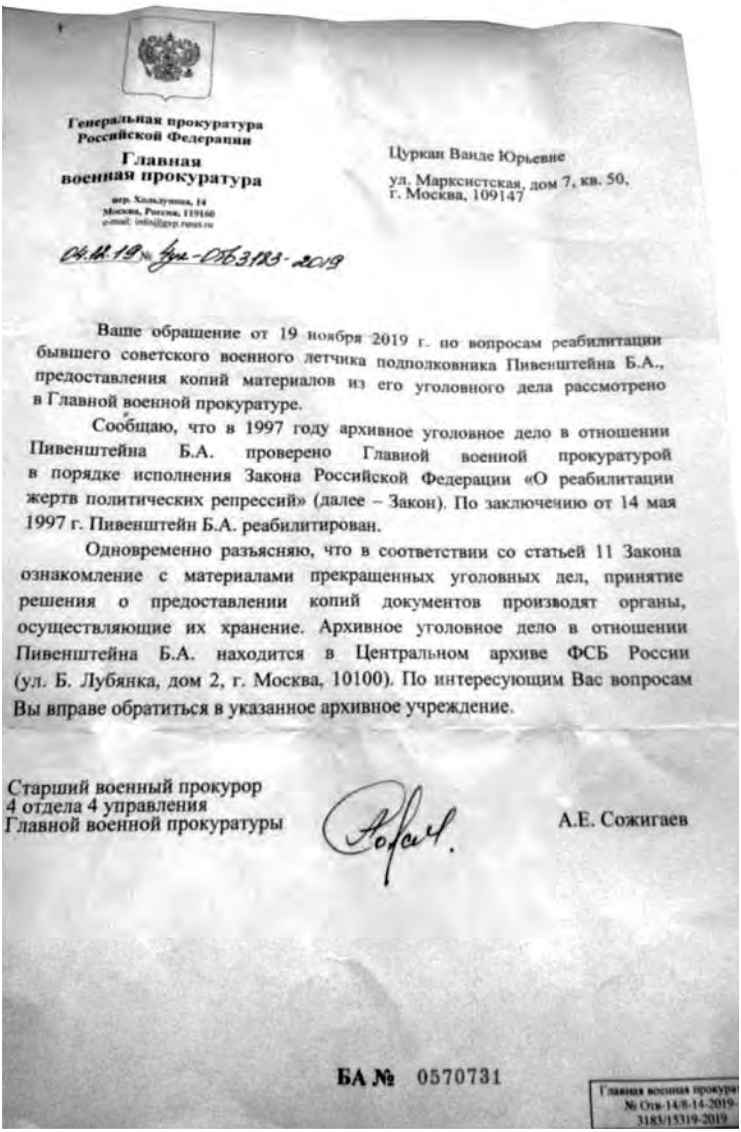
Воспоминания и показания моего отца органам госбезопасности в 1967 г., показания узников концлагеря Штуттгоф в материалах ЧГК, найденные документы политического отдела гестапо, схема расположения виселицы в здании с крематорием полностью подтверждают, что Пивенштейн был повешен в концлагере Штуттгоф как еврей, тайно, а документы о его казни были уничтожены.

Все надуманные публикации о Пивенштейне были построены исключительно на содержании приговора по ст. 58-1 п. «б» и 58-6 ч. 1 УК РСФСР. Приговор был вынесен в отсутствии обвиняемого, без суда с адвокатом, без следствия по существу дела и предъявления обвинений. Никто не искал документы о нахождении Пивенштейна в плену. Известный факт, что немцы, склоняя к сотрудничеству военнопленных, запугивали их тем, что на Родине они будут признаны предателями.

В сотрудничество этнического еврея с нацистской администрацией лагерей, где оказался Пивенштейн, не поверит никто. Именно это и заставило, например, историка авиации академика Анатолия Демина утверждать в восьмидесятые годы, что дело против Бориса Абрамовича было намеренно сфабриковано.

Нелепо даже предположить, что немцы, издававшие циркуляры об уничтожении евреев, могли сотрудничать с евреем Пивенштейном. В 1943 г. был издан строгий приказ об отстранении евреев от использования в качестве переводчиков и в других работах.

Нет ни одного документа, подтверждающего предательство Пивенштейна, как нет и показаний летчиков, которых он якобы допрашивал, работая в подразделении «Восток». По версии историков Александрова и Звягинцева, главными обличителями Пивенштейна были Тарновский, Москалец, Тенсков-Дорофеев. Они якобы видели Бориса Пивенштейна у немцев в отделе контрразведки «Восток». Тарновский в 1945 г., а Москалец в 1944 г. были арестованы и содержались в тюрьмах контрразведки СМЕРШ, где в ходе предварительного следствия якобы дали показания о сотрудниках «Востока» по памяти. Но показания, данные на допросах в тюрьмах НКВД, – неубедительное доказательство.



Генеральная прокуратура
Российской Федерации

Главная
военная прокуратура

пер. Хользунова, 14
Москва, Россия, 119160
e-mail: info@gvp.ruvs.ru

Цуркан Ванде Юрьевне

ул. Марксистская, дом 7, кв. 50,
г. Москва, 109147

04.12.19 № 4ук-0563183-2019

Ваше обращение от 19 ноября 2019 г. по вопросам реабилитации бывшего советского военного летчика подполковника Пивенштейна Б.А., предоставления копий материалов из его уголовного дела рассмотрено в Главной военной прокуратуре.

Сообщаю, что в 1997 году архивное уголовное дело в отношении Пивенштейна Б.А. проверено Главной военной прокуратурой в порядке исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее – Закон). По заключению от 14 мая 1997 г. Пивенштейн Б.А. реабилитирован.

Одновременно разъясняю, что в соответствии со статьей 11 Закона ознакомление с материалами прекращенных уголовных дел, принятие решения о предоставлении копий документов производят органы, осуществляющие их хранение. Архивное уголовное дело в отношении Пивенштейна Б.А. находится в Центральном архиве ФСБ России (ул. Б. Лубянка, дом 2, г. Москва, 10100). По интересующим Вас вопросам Вы вправе обратиться в указанное архивное учреждение.

Старший военный прокурор
4 отдела 4 управления
Главной военной прокуратуры А.Е. Сожигаев

БА № 0570731

Главная военная прокура
№ Отв-14/8-14-2019-
3183/15319-2019

Письмо Главной военной прокуратуры РФ о реабилитации Б.А. Пивенштейна

По версии современных историков, в судебном разбирательстве по обвинениям Пивенштейну в 1952 г. были учтены полученные на допросах показания Тарновского и Москальца. Свидетели показали одно и то же, что якобы видели Пивенштейна в немецком подразделении «Восток». Эти показания, данные в тюрьме, являлись решающими доказательствами вины Пивенштейна, и в их отсутствие признание его виновным было бы невозможным. Но Пивенштейн не имел никакого отношения к уголовным делам Тарновского и Москальца. Судебная коллегия в 1952 г. не исследовала и не проверяла указанные факты сотрудничества Пивенштейна с немцами, не искала доказательств о месте его пребывания в плену.

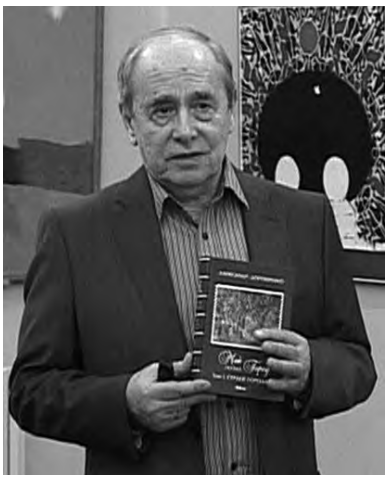
Все вышеизложенное – доказательство того, что Борис Абрамович Пивенштейн был осужден посмертно за преступления, им не совершенные, а дело против него было сфабриковано.

Доказательством фабрикации дела является документ о его реабилитации в 1997 г., о которой стало известно 23 декабря 2019 г., после того как я написала в ноябре 2019 г. заявление в Военную прокуратуру о реабилитации Бориса Пивенштейна, приложив собранные доказательства о его казни в концлагере Штуттгоф 16 мая 1944 г. на 57 страницах.

Борис Пивенштейн – дважды герой: спасавший челюскинцев в 1934 г. и герой Великой Отечественной войны, отдавший свою жизнь, сражаясь с врагом за Победу. Он вернулся в плеяду героев, кумиров миллионов советских людей до войны.

Белла Кердман

Смотрите, кто ушел



Начну с сообщения, полученного из Всемирного клуба одесситов в апреле этого года: «Несколько дней назад наш город с восторгом приветствовал новую, теперь уже последнюю, книгу Александра Викторовича Дорошенко – «Отпусти мой народ», а еще через неделю мы планировали поздравить автора с его 78-летием. Александр Дорошенко – известный одесский писатель, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой технической термодинамики ОГАХ, академик МАХ, лауреат премии «Твои имена, Одесса».

С этим человеком я познакомилась в 2003 году, когда гостила в нашем с ним родном городе. Правда, «познакомилась» – сказано не совсем точно. Тогда ко мне пришел племянник покойной подруги и привел с собой товарища. Отрекомендовал со словами: «Никто еще не написал об Одессе так, как вот он!». И мне была подарена этим товарищем книжка – беленький томик с атлантами с улицы Гоголя на обложке. Называется «Мой город», поэма, хотя и проза. Издано культурно издательством «Оптимум» в Малой серии «Вся Одесса».

Имя автора мне ничего не говорило. Их визит был недолгим. С племянником подруги, Мишкой (пардон, доктором физики Михаилом Абовичем), мы немного поговорили. Его приятель деликатно постоял у книжного шкафа, что-то там перелистывая. Кажется, голоса его я не слышала.

Когда визитеры ушли, раскрыла белый томик. Прочла первую фразу – вроде романтическая гриновщина. Дальше читать не стала, но с собой в Израиль взяла. А однажды, прибираясь на книжной полке, обнаружила и… слава богу, в книжечке оказалась визитка автора, и я тут же отправила по e-mail покаянное письмо:

«Сударь! Сейчас только прочитала вашу книгу о Городе. И несколько дней не выпускаю беленький томик из рук, читая и перечитывая. Корю себя: ведь уже год назад могла бы написать вам это письмо.

Возьмите себе самые лестные оценочные эпитеты по поводу «Города», и чтобы непременно были там эти слова: тонкий, интеллигентный и стильный текст! У вас вот именно что стиль, а не стилизация под нечто одесское. Даже удивительно, как обошлись без специфического одесского сленга в таком тексте. Между прочим, в устах моего здешнего редактора, превосходного эссеиста, определение «текст» – в оценке беллетристики ли, газетной ли продукции – звучит одобрением.

Что-то мне все же мешает в вашем «Городе». Ага, вот это – «поэма». Вам не мешало определение гениальных «Мертвых душ» поэмой? А тургеневское «стихотворение в прозе», требуемое от школьников наизусть, не раздражало? По мне так «поэма» вообще не от вашего стиля. Впрочем, это ваше личное собачье дело, как говаривал один мой знакомый ребенок.

Я рассчитываю нынешним летом побывать в Одессе. Хотелось бы встретиться с вами и сделать интервью для одной русскоязычной газеты, с которой сотрудничаю. Но, может быть, начнем работать уже сейчас? Предлагаю письменный диалог. Я ведь о вас ничего не знаю. Кто вы «по жизни», Александр Викторович? Архитектор – если судить по пилястрам-меандрам и прочим терминам в описании городских строений? Или физик, как Миша Глауберман, который меня с вами познакомил? Что доктор наук, профессор – вычитала в вашей визитке. У меня есть и другие

к вам, Александр, вопросы. Но это потом, если откликнетесь. Нет, еще один задам все же сейчас: откуда вы родом? Если одессит, в каком поколении?»

Ответ был получен сразу:

«Эта книжка, что у вас, – где-то шестая часть большой книги. Сейчас вышел еще такой томик, с названием «Пятиречье». Издатели мои считают, что надо варьировать название. Поскольку это их деньги, я и мирюсь. И мирюсь с очень плохой корректурой – много ошибок, а я их не вижу – я читаю иначе. Так вот, их уже две книжки, и я с удовольствием переброшу вам вторую. Может быть, выйдет и третья, такого же объема. А больше этого делать не буду – хочу издать целиком и красиво. Книга сегодня полностью завершена. Да и то, что у вас, в ней переработано.

Относительно «поэмы» в прозе – это третья в русской литературе. После Гоголя и Тургенева был еще Веничка Ерофеев с «Москвой – Петушками». Нет, не чувствую проблемы с этим именем жанра – вот Тургенева не люблю в любых видах, не только его стихи в прозе, писанные от отчаяния, но и всего целиком. Кроме него в такой и еще большей мере не люблю только Бунина. Пусть будет «Поэма».

Б. К. Кстати, о Веничкиных «Петушках». У нас один актер с азиатской фамилией и славянской внешностью сделал превосходный моноспектакль по этому тексту! Гоголь же для меня интересен прежде всего своим богатым и неожиданным лексиконом. Его «Ревизора» смотрю всегда, когда только удается, у всех режиссеров. По части лексикона вершина для меня также Набоков.

А. Д. Гоголь для меня – все. И еще один писатель, который дал мне кровь и силу, – это Лоренс Стерн. Когда-то Илья Ильф уехал из Города на север с сиротским чемоданчиком, и в нем была запасная рубашка, бутерброд и Стерн – «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Такие у меня «родители» в литературе.

Я рад буду переписке. Просто самой по себе, с вами. Это удовольствие для меня будет, вне зависимости от всяких интервью.

У меня сложное происхождение. По отцовской линии я – еврей, в предках из Испании, по материнской – антисемит. Я ощущаю иногда, как во мне идет внутренний погром.

Б. К. Еврейство нового знакомого меня удивило. Я-то думала: вот наконец интеллигентный русскоязычный украинец, физик (не лирик же?) так органично, не анти- и не филосемитски, а истинно по-одесски использует еврейские мотивы Города. Я как раз собиралась аккуратно выяснить, откуда у него эта органичность, обдумывала, как поделикатнее изложить такой вопрос. А он красивой иллюзии лишил! Впоследствии я узнала, что антисемит в его семье был один – дедушка, служивший пожарным в оперном театре. Узнала также, что мальчик Саша изначально, вплоть до окончания вуза (Одесского холодильного института, в просторечии «холодильника») носил отцовскую фамилию Шапиро и прошел через все, что отпущено было человеку с такой фамилией там и тогда. А после защиты диплома на семейном совете стали решать, что дальше. Что аспирантуры инженеру Шапиро, несмотря на лучший на курсе балл, не видать, было ясно. И сделали вывод: Саша принимает фамилию матери – Дорошенко.

Я несколько раз, отвлекаясь от анализа его текстов о Городе, возвращалась к личному вопросу: когда он в Одессе появился, как живет-поживает? Наконец А. Д. соблаговолил ответить.

А. Д. Относительно моей жизни, за плечами. Я родился в 1943 году. Одессит в третьем поколении, но война меня не пускала в Город целый год – отец после Севастополя был на костылях и в тот момент стал работать в военном училище, куда к нему приехала мама, и так получился я. В городе Энгельсе под Саратовом, куда Фамусов совершенно правильно грозился заслать дочку. В Город семья вернулась в 1944-м. Вырос я на Молдаванке, на Михайловской улице – это ниже Степовой.

Потом все было в чудном длящемся сне – школа на Молдаванке и мой родной холодильный институт. Вообще, именно мама и сделала меня холодильщиком (криогенщиком) – мне было все едино (по сути, в генах, я гуманитарий). Институт я провел в читальном зале на Пастера, читал там классику, Мольера и кроме. А термодинамику не читал.

Так что мне пришлось осваивать все самому после института. Я стал хорошим профессионалом – одним из неплохих в стране. Теплообмен, аппаратура, энергетические, химико-технологические и холодильные системы. Защитил кандидатскую и доктор-

скую, однако при этом стал и был инженером – выпускал свое оборудование на десятке заводов страны. У меня защитилось человек 30 ребят, и половина из них работает успешно от Австралии до Калифорнии, включая Германию и Израиль.

Всю жизнь работаю только в институте своем. Помимо, организовал небольшую научно-производственную фирму «Новые Технологии», где директор. Кусок хлеба вполне серьезное для меня дело, и сегодня я его обеспечиваю себе именно профессией. Хорошо бы, как АС, продать рукопись. Ан нет! И увожу время на литературные дела, что рождает комплекс вины. Сегодня я – профессор кафедры термодинамики холодильного института. Читаю спецкурсы, работаю с аспирантами и докторантами. И веду научные работы – в основном по грантам зарубежным, когда удается их получить.

У меня есть сын от первого брака, он живет в Калифорнии. Здесь я женат вторым браком, есть дочь и внучка, которая для меня – жизнь. И еще – пудель Деник, от имени Денис, имелся в виду партизан Давыдов. Собака коричневой масти, курчавой шерсти, 13 лет. Старый уже козел с отвратительным характером. Неплохо бы узнать и его мнение обо мне. А в детстве у меня были крупные псы, и один из них – овчарка по имени Рекс. Это главное обо мне.

Б. К. Да, собаки входили в «главное» для Александра, он всегда рассказывал о них в своих письмах ко мне. А писем было сотни, я не считала. К великому сожалению, в одну из аварий с компьютером (а я в этом деле «чайник», использую его как аналог пишущей машинки и почтовый ящик), переписка с А. Д. пропала.

Со временем и общение наше сошло на нет. Когда громко заговорила в нем еврейская составляющая, он, будучи уже известным писателем благодаря «Городу», взялся за нее самоуверенно, особо увлекшись штетлами, местечками, которых не осталось на свете. А я в местечке родилась. Мама, уже проживавшая в Одессе, поехала рожать к своей маме, чтобы приняла меня не безвестная городская акушерка, а повитуха, через руки которой прошло почти все население местечка. Об этом – ниже.

О чем были письма начинающего, а по сути, созревшего к своим шестидесяти годам писателя Александра Дорошенко? Сперва о нашем Городе (только с заглавной буквы), о котором так неожиданно

интересно никто до него не писал. Он посылал мне черновики отрывками, и я правила, в основном орфографию, а то и делала редакторские замечания. Я знаю, что редактор – это особая профессия, он нужен каждому писателю, даже самому талантливому, о чем большинство писателей не знают или не хотят знать.

Я считаю себя неплохим редактором. Однако мой новый знакомый, человек упрямый, трудно поддавался редакторскому влиянию.

Например. Я пишу: «По мне, так не надо бы вам так обставляться цитатами из. Из вас уже, Саша, из самого впору цитату-другую выдернуть (хотя бы насчет пустыни, из которой выбран весь песок), а вы повторяете гениальную, но многократно использованную уже другими цитату из Платонова: «Без меня народ не полный». Или про времена, каковые, по Кушнеру, «не выбирают». Вы бы еще процитировали, что «жизнь прожить надо так, чтобы…». Вот же, «я люблю вас, люди…» уже заявили. Боже, какая банальность, когда это сказано без петли на шее! У вас какой читатель, Саша? Не нужны вам цитатные подпорки, а вы их ставите».

Из ответного письма: «Цитирую только то, что люблю, что стало, по сути, моим. Вовсе не стремлюсь себя украсить и красиво подать – мне это не надо. Это для меня органичное – как дышать. Скорее беседа с ними, которых цитирую, и для читателя я так даю эти цитаты, чтобы он проникся их красотой и смыслом. Пусть не меня, пусть этих ребят он, заинтересовавшись, прочтет и полюбит».

Я ответила резко: как это – «стало моим»?! Насчет «этих ребят» упрекнула Александра в лукавстве. Когда А. Д. размышляет над книжным развалом – мол, какие люди не востребованы, а я-то льщусь надеждой, что «не милорда глупого», а меня понесут в портфелях и сумочках, и – ну читать, донеся до дому! – тут я им любуюсь. А когда А. Д. заявляет (слава богу, не в тексте книги, а в письме ко мне), что смиренно ждет от своего читателя, что тот, зацепившись за подсказанную им цитату, станет читать «этих ребят», – не верю! Лукавите. «Что вы сыплете цитатами, как дикарь, поздно дорвавшийся до настоящего чтения, – и то хорошо, и это?! Ну прямо школьник, готовящий образцовое сочинение по литературе!» Он не обиделся. И каждую изданную в тот период его книгу я получала с оказией – тогда все еще были живы, между Городом и Израилем постоянно сновали какие-то свои люди.

Кстати, тогда, к середине 90-х, спрос на бумажные издания уже сократился, а тиражи резко упали. Соответственно резко выросла стоимость изданий, так что профессор Дорошенко оплачивать выпуск в свет своих произведений никак не мог. Однако чуткие одесские издатели сразу оценили настоящую литературу и взяли риск на себя. А спустя несколько лет книги новоявленного писателя стал заказывать один из банков Города для своих солидных клиентов, и подарочные экземпляры выходили на отличной бумаге, в твердой обложке, с иллюстрациями. Правда, книги эти выпускались небольшими тиражами. Правда, гонорар автору платили несколькими экземплярами его же книги.

Есть, между прочим, любопытный эпизод в одной из книг Александра Викторовича о Городе. Как-то в праздник сосед-рабочий, увлекающийся рыбалкой, постучался к нему, профессору, с подарком: толстолобиком, занявшим почти весь кухонный стол. Сказал вежливо: «Примите, пожалуйста. Я знаю, кто вы, и понимаю, что купить себе такое сейчас вы не можете».

Да, продолжу о евреях, второй из главных тем нового писателя. Он назвал грузинских евреев «горскими». Подсказала, что горские евреи никакого отношения к грузинам не имеют – эта община вышла из Персии и поселилась в основном в Дагестане. Язык их – один из диалектов фарси. Серьезные восточные люди, они и в Израиле держатся общиной. И на всякий случай сообщила, что есть еще крымчаки, самые ортодоксальные из иудеев, их гитлеровцы истребляли особенно рьяно.

А. Д. разыскивал и фотографировал старые еврейские надгробья – «мацевы» – каменные плиты с надписями на древнееврейском, кто-то ему эти надписи переводил. Находил старинные синагоги на территории бывшей Бессарабии и Польши, мощные, словно крепости, даже с бойницами. Радовался, когда удалось найти фотографии местечковых евреев 20-30-х годов знаменитого Романа Вишняка, кое-что из таких находок пересылал мне. К одному из снимков: девочка в наброшенном на плечи «шоле» – тяжелом шерстяном плате с кистями, который имелся у каждой крестьянки и каждой местечковой еврейки, несла что-то куда-то в посудине с ручкой, была текстовка Дорошенко: мол, девочка в «пледе» (?!) возвращается из лавки с купленным по поручению

мамы молоком. Я спросила у автора, из какого такого колхоза поставляли в начале 20-го века молоко в местечковую лавку? Рассказала, что знала, о «мишлоах манот», еврейской традиции посылать угощение родственникам и соседям на праздник Пурим.

Мы успели познакомиться и вживе, раза два встречались, когда я ездила отсюда в Одессу, а затем и в Израиле, куда А. Д. приезжал к друзьям. На встрече с Сашиной женой в одесском кафе обнаружилось, что мы с ней знакомы: ездили в одной группе на Кубу. Тогда эта красивая женщина была вдовой погибшего кубинского специалиста, получившего образование в Одессе. Когда у меня там внезапно заболел зуб, она, свободно владеющая испанским языком, помчалась со мной в поликлинику, где мне оказали срочную помощь…

Нельзя не привести кое-что из писем Александра Дорошенко о литературе: «Я думаю, что Гоголь – самое интересное явление в мировой литературе, ей, видимо, известное мало. Он непереводим, поскольку это – «феномен языка». Мало кто понимает, что Гоголь никаких ни на кого обличений не писал. И что Чичиков – романтический герой. Он ведь дело потерял, влюбившись по-глупому и безоглядно. Люблю пьесы Гоголя. Есть фантастическая пьеса, мне близкая исключительно, – это «Женитьба», полностью лишенная сюжета. Пьеса без действия, без интриги, безо всего.

…Неделями назад я впервые прочел Агнона. Он Нобелевскую премию получил за «Срединное море», за то, что воссоздал еврейскую светскую литературу, какой она была бы, если бы была вообще. Я редко беру в руки новое и мне неизвестное. Он меня поразил. Он действительно это сделал – восстановил мир Средневековья и вообще местечковых евреев, какими они были. Ведь Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем – это ряженые евреи, а Бабель и Зингер – это просто европейские писатели».

Б. К. К величайшему огорчению, ушел большой писатель. Ушел по здешним нашим меркам рано, не дожив до 80-ти. На одной из улиц своего Города рухнул, не отпустив поводка своей собаки.

Леонид Лейдерман

Армянин одесского разлива

В День журналиста газета «Урядовий кур'єр» опубликовала воспоминания В. Бабенко об «армянине одесского разлива» Эрванде Григорянце (Ерванте Геворковиче Григорянце). Не забывается Григорянц.

В скорбные для Одессы дни прощания с Борисом Федровичем Деревянко Феликс Кохрихт упомянул о григорянцевских временах. Екатерина Чечкина, ветеран одесской журналистики, как-то сказала: «Всем, что мы имеем и умеем, мы обязаны Григорянцу». Может, это и «занадто», однако и «Вечерняя Одесса» в свое время одну из публикаций, посвященных памяти Григорянца, назвала «Варпет», то есть *Учитель.*

Время летит быстро. Еще недавно в шестидесятниках ходили представители далекого XIX века, и вот уже как о тоже далеком говорят о шестидесятниках века двадцатого. Эрванд Григорянц – из этого времени. События спрессовали годы, и только кажется, что это было недавно. Это было давно.

Григорянц известен в основном в журналистских кругах. Широкая публика знает только пишущих журналистов, а Григорянц публиковался редко: он делал газету.

Чем Эрванд Григорянц интересен Одессе? Во-первых, он одессит, жил на Малой Арнаутской угол Книжного переулка. Прежде чем попасть в киевский университет, он (как пишет В. Бабенко, чуть ли не единственный армянин на факультете журналистики) окончил с золотой медалью одесскую 118-ю школу. К шестидесятым годам Эрванд Григорянц имел за спиной красный диплом выпускника университета, работу в районной

газете. В так называемой личной жизни – шок от диагноза «туберкулез легких», шок от разлуки с первой любовью и, что наиболее существенно для профессии журналиста, шок, который пережила тогда вся страна после откровений XX съезда КПСС.

С этим багажом Григорянц вернулся в Одессу, где попал в коллектив молодежной газеты. Коллектив, хоть и молодой, уверенно полагал, что в жизни он понимает больше, чем немолодой редактор. Но вот когда немолодой редактор ушел в более взрослую газету, а редактором стал Григорянц, из своих, то нужно было еще доказать, что молодой коллектив что-то знает и что-то может.

Сейчас в Одессе есть уже свой факультет журналистики. Его студенты имеют интересный для сопоставления материал – газету «Комсомольское племя» до и после назначения Григорянца редактором. Ведь газета, если она подписывается по разнарядке, – еще не газета. Она тогда газета, когда читается. Так вот, газету, которую толком никто не читал, стали читать. И это безо всяких чудес. Просто подобрались беспокойные люди, которые хотели работать в нормальной беспокойной обстановке. Новый редактор этим настроениям вполне соответствовал. И газета стала набирать очки. А когда пришла пора газетного укрупнения, то зональная молодежная газета была учреждена именно в Одессе – с названием «Комсомольська іскра» и с корреспондентскими пунктами в Николаеве, Симферополе и Херсоне. У одесской газеты накапливался новый опыт – уже не областной только, а южноукраинской газеты.

Кстати, новая газета, в отличие от двуязычного «Комсомольского племени», стала одноязычной – только на украинском языке. В редакции понимали, что такое решение – это потери в читателях, особенно в Крыму. На возмущение сотрудников Григорянц тогда сказал: «Соберите две тысячи подписей, и я еду в Киев». Думаю, он хорошо понимал, что и три тысячи подписей не помогут. Это только профессионалы знают, что для газеты главное – читатель, и к нему нужно идти всеми доступными средствами. Это знают и профессиональные политики, для которых газета – серьезный инструмент. Государственный язык предпочтителен как носитель культуры, а как средство коммуникации – все живые языки важны. Но профессионалов не спросили, и газета лишилась русского языка.

Работа Григорянца в Одессе пришлась на пик и финал хрущевской «оттепели». Как будто бы оправдан был всплеск надежд на реформирование жизни, но тепло оказалось ранним, зима еще не показала свои зубки-заморозки. Поэтому Григорянц интересен еще и тем, что воспоминания, связанные с его именем, дают представление именно об этом периоде. (Воспоминания, которые собирал после смерти Григорянца Борис Деревянко, видимо, есть смысл поискать. Необязательно, чтобы издать книжку, как планировалось когда-то, но чтобы положить для интересантов где-нибудь в папку Горьковки или Литературного музея.)

Из Одессы Григорянц уезжал не совсем по своей воле. Уж не знаю, какие были у него планы (у молодежных журналистов, как у травести в детском театре, есть свой возрастной порог), но в тот момент эти планы никак не были связаны с переходом в партийную газету. А ему предложили именно это: должность редактора в газете «Знамя коммунизма». Можно понять секретаря обкома партии по идеологии. В «Знамени» склоки, разбирательства, коллектив лихорадит. С другой стороны – сильный редактор, с норовом, однако умница, молод, но уже авторитетен, ЦК утвердит.

Григорянц возражал: там работают его учителя. Ему напомнили: он получил квартиру, двухкомнатную, и всего на троих – с женой и сыном.

Тогда Григорянц оформил себе командировку в Москву, а там – просил выручить и взять в «Комсомольскую правду» собственным

корреспондентом по югу Украины. Все было задумано хорошо. Опыт зональной газеты есть. Из комсомольской прессы не уходит. И в «Знамя» не идет, и в Одессе остается.

В «Комсомолке» Григорянца знали, только вот не было вакансии собкора. Предложили перебираться в Москву и возглавить в газете новый отдел – социологических исследований. Социология, одна из недавних «продажных девок империализма», бурно возрождалась, это было не только модно, это выводило журналистику в научное русло, это было интересно. И Григорянц согласился.

Шел 1964 год. Приближалась контроттепель. Социологического отдела в «Комсомольской правде» не создали. А там и самого Хрущева «переизбрали».

Аукнулось в Москве, а откликнулось в Одессе, где еще оставалась в газете жена Григорянца Галина Семенова. В день, когда передали сообщение о смене генерального секретаря, номер «Комсомольской искры» был уже сверстан. Материал о пленуме ЦК поставили на первую полосу, а заверстанный раньше материал об освобождении Киева от немецко-фашистских захватчиков, в котором принимал участие Н.С. Хрущев, как был в номере, так и остался. В тот день выпускающим в редакции как раз была Семенова. Опытная журналистка, да неосторожная: всего две молодежных газеты на Украине – винницкая и одесская – не усмотрели подвоха в соседстве двух официальных материалов. Назавтра виновных затребовали в Киев на ковер, а через три дня Семенову должны были принимать в партию.

Поразительно, как однозначно и повсеместно работал закон огульного отрицания. Хрущев – генсек, значит, был Киев и немецко-фашистские захватчики. Сняли Хрущева – и будто не было ни освобождения, ни Киева. Так было в Советском Союзе, в котором были коммунисты и советские люди. Сейчас пришли новые, демократические времена. Ан велика инерция, велико желание предупредительно угодить. И мы уже говорим «совки» и «коммуняки». Восемнадцать миллионов коммуняк в бывшем Советском Союзе. Мы никогда не скажем «в бывшей Римской империи», но обязательно (на всякий случай!) говорим «в бывшем СССР». Видимо, неистребим страх: а вдруг и сейчас затребуют в Киев на ковер.

(В партию Семенову Галину Владимировну приняли. Пройдут годы, и выпускница Львовского университета, одесская журналистка, разделившая с Григорянцем много трудных и счастливых лет, станет первой и единственной женщиной – членом Политбюро ЦК КПСС. Не вероломно-преступного сталинского, не жуликовато-вороватого брежневского, а реформаторского яковлевско-горбачевского, которое вышло на арену, как заметил один глубоко беспартийный одессит, «без щита» и стало последним.)

Москва Григорянца – это «Комсомольская правда» и «Литературная газета», которые при всей их подконтрольности были флагманами внутреннего диссидентства, «несогласия». В «Литературке» за Григорянцем была вторая «тетрадка» – вторые восемь страниц, наиболее читаемых. Справедливости ради нужно сказать, что 16-я полоса со знаменитым клубом «Двенадцать стульев» Григорянцу поначалу не доверялась. Но только поначалу, пока на одной из редакционных пятиминуток он не выступил с анализом этой почитаемой во всем Союзе полосы. А как Григорянц делал анализ, в Одессе помнят.

Конечно, не нужно думать, будто только Париж не благосклонен к талантливым провинциалам. У журналистской Москвы тоже своя жизнь, свои правила. И когда Григорянц из «Комсомолки» уходил, то до «Литературки» почему-то не дошел. И было время, когда в роли дешевого кафе на Монмартре был пивной зал в одном из московских микрорайонов, где дневным рационом Эрванда Григорянца была кружка пива с горстью соленого арахиса. Именно в тот период открыл он для себя Армению, отзывчивые сердца и прекрасные горы. (Здесь родился сценарий телефильма, здесь вышла книжка притч, которая вынашивалась годы.) И лишь потом открылись ему двери «Литгазеты», в редакции которой, судя по публикациям, он оставил не только благодарную, но и восхищенную память.

Эрванд Григорянц интересен Одессе не тем, что она всегда оставалась с ним, – это удел всех, покидавших наш город. Он интересен тем, что смог сам остаться с Одессой. Это его, как сказали бы сейчас, команда послужила основой и костяком долгожданной городской «Вечерки». Это вольный дух «Комсомольского племени» и «Комсомольской искры», дух «григорянцевского времени»

дал Одессе целый букет блестящих журналистских имен, которые сколько могли честно и достойно служили своему городу, своим согорожанам. Этот вольный дух, конечно же, извечен, но время от времени нужны импульсы, чтобы он не усомнился в себе, этот дух, чтобы не ослаб. Таким импульсом стал для одесской журналистики 60-х годов Эрванд Григорянц.

Когда-то Григорянц отправил «в корзину» неплохой вроде очерк о девушке, секретаре райкома комсомола, – на том основании, что невозможно в газетном очерке дать портрет человека. Вердикт был неожиданным (ведь портретный очерк – стандартный газетный жанр), но понятным. Понятен был и нестандартный Григорянц… Эти заметки – не портретный очерк. Каждый, кто знал Григорянца, знал его по-своему.

Имена умирают, это так же естественно, как и человеческая смерть. Но когда сама смерть неестественна… Подсознание старается увести от тревожных ассоциаций, память тускнеет быстрее. Григорянц же сам определил свой век. Произошла трагическая, нелепая ошибка, случайность. Однако – произошла. И имя его не вечно будет вспоминаться, конечно же.

Но было касание, и уже ушла эстафетная палочка. Через сына, друзей, единомышленников и оппонентов, в Москве, где он закончил свой путь, в Ереване, отвоевавшем право предать его земле, в Киеве, в Смеле, в Одессе, где он начинался.

…Не забывается Григорянц…

Афоризмы Э. Григорянца читайте в разделе «Публикации».

Алена Яворская

В цветущих акациях город, или Акация пахнет, как скаженная

Как известно во всем мире, символ Одессы – белая акация. Каждой весной мы не можем надышаться этим кружащим голову тонким ароматом и вспоминаем и музыку Дунаевского к оперетте «Белая акация», и рассказ Куприна «Белая акация», и рассказ Жаботинского «Акация»… Да мало ли можно вспомнить, когда цветет акация! Лишь погрустить, что все меньше белых акаций остается на улицах Одессы.

Именно потому что они были символом города, во второй половине XX века по негласному приказу сверху их заменяли и липами, и тополями, и елями, да чем угодно! Говорили, что облегчают труд дворников – слишком много мелких листьев, убирать трудно. Все же выжила акация на окраинных улицах, да и в центре кое-где зацепилась – она ведь живучая, как и сама Одесса.

Но ведь на самом деле белая акация Одессы – еще один миф. Позволю себе непатриотичное отступление. В записных книжках Евгения Петрова есть фраза: «Надпись под деревом в Никитском саду: «Лжекаштан конский». Мне нравится эта откровенность науки. В жизни так не бывает. На дверях кабинетов не висят таблички: «Назаров – лжепредседатель по делам искусств» или «Ставский – лжеответственный секретарь Союза писателей».

А ведь наша белая акация вовсе даже не лжеакация, а робиния обыкновенная, в лучшем случае ее можно назвать робинией ложноакациевой. Но какая нам разница – сегодня, как и двести лет тому назад, мы говорим: «белая акация».

Саженцы робинии-акации привезли по заказу нашего Дюка, герцога де Ришелье. Может быть, он вспомнил дерево в королевском саду Парижа, посаженное еще при Генрихе Четвертом. Николай Мурзакевич писал в «Одесской старине»: «Уже при герцоге Ришелье стройные улицы стали засаживаться акацией и каштанами, вывезенными из Южной Франции».

Так или иначе, уже в двадцатые годы девятнадцатого века Одесса и акация были связаны неразрывно.

1828. Англичанин Эдвард Мортон подробно описывает молодой город: «Все улицы в нем просторны и с обеих сторон засажены деревьями. Раньше это были тополя, но в настоящее время все более предпочтительной становится белая акация».

1830 год. Павел Морозов дает почти графическую картину:

«Представьте крутую гору, подошва которой омывается морем, а вершина служит основанием ряду огромных домов, выказывающихся из-за аллей белых акаций.

Площадь, окружающая одесский театр, представляет с одной стороны покатость, идущую к морю, а с другой – ровное пространство, образующее большой прямоугольник, коего стороны обозначены аллеями белых акаций.

Против Александровского проспекта расположен Городской сад. Сирень и белая акация составляют большую часть аллей, здесь рассаженных. В апреле и мае месяцах растения сии наполняют воздух роскошным благоуханием. Тогда Городской сад становится любимым гульбищем одесских жителей».

Увы, цветение недолговечно, и в том же году Михаил Розберг грустит: «В июле все уже сожжено солнцем, все запылено, и белые акации одесских бульваров становятся довольно похожи на эти березки, которые в Москве забывают убирать с тротуаров через несколько дней после Семика или Троицына дня».

В 1839 Владимир Бенедиктов пишет два стихотворения: «Южная ночь» и «Одесса». И в обоих упоминается акация:

«И акация и тополь
Привились к брегам крутым».

«Легкий сумрак, сень акаций;
Берег моря, плеск волны».

Акации окружали и памятник Дюку. Памятник торжественно открыли в апреле 1828. И в том же году уже упоминавшийся Эдвард Мортон записал: «В центре бульвара, на высоком пьедестале из красного гранита установлена бронзовая статуя герцога де Ришелье – заслуженная дань любви и уважения жителей Одессы покинувшему их губернатору. Но памятник так плохо выполнен, что, как говорят, имеет сходство с кем угодно, но только не с герцогом. Широкий путь для карет пролегает рядом с домами. Вдоль него высажены ряды молодых акаций. Образовавшаяся между ними аллея покрыта песком, взятым на морском берегу».

В 1830 Иван Бороздна, подражая Пушкину, сочиняет письма в стихах «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма»:

Мы шли, бывало, на бульвар,
Где под навесами акаций
Бессмертный Ришелье стоит
И зорко на море глядит.

А спустя десять лет, в 1840, «русская Жорж Санд» Елена Ган-Фадеева напишет в повести «Теофания Аббиаджио»: «Посреди бульвара, на площадке стоит бронзовая статуя, изображение строителя города; сирень, черемуха, акация и дикая олива разливают упоительный аромат в воздухе; в их ветвях вечно играет освежительный приморский ветерок».

И те, кто приезжает в Одессу, мечтают насладиться ароматом акации. Увы, ее цветение недолговечно.

В 1845 году фрейлина Олимпиада Шишкина путешествует на Юг для поправления здоровья. В книге «Путешествие из Петербурга в Крым» (заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году)» неоднократно упоминает одесскую акацию: «Остановившись, с полным восторгом насладились прохладным морским воздухом и очаровательною картиною древнего Понта с балкона «Петербургской гостиницы», над

славным здешним бульваром из белых душистых акаций, к сожалению, давно отцветших. <…> Огромные белые акации защищают архиерейский дом от морских ветров, которые бывают здесь чрезвычайно сильны, и от них поднимается густая тонкая пыль, очень вредная зрению».

Естественно, дама не могла миновать Пале-Рояль с его модными лавками и кондитерскими магазинами. «Внутри его, откуда вход в лавки, посажены белые акации и другие деревья, и со временем будет здесь прекрасный сад».

Но, оказывается, акация не только одесское дерево, как мы привычно считаем. В 1867 году в Одессе побывала группа туристов из Америки. Был среди них журналист Сэмюэл Клеменс, более известный как Марк Твен. В книге «Простаки за границей» есть страничка, посвященная Одессе. И что же? «По виду Одесса точь-в-точь американский город: красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) – просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках».

Год 1879. Яков Полонский в повести «Дешевый город» пишет о всепроникающем запахе акаций: «Одесса давно уже высохла и по временам страшно пылила. Иногда, вся позлащенная солнцем, она благоухала запахом распускающихся белых акаций. Елатомский любил этот запах, но жаловался, что у него от этого запаха голова болит».

И Александр Дерибас описывает цветущие гроздья в очерке «Прежние пасхальные дни»: «В саду Мартына устраивались танцы на открытом воздухе на специально сооруженных деревянных площадках под звуки веселого струнного оркестра. Были там и качели, раскачиваясь на которых и попадая головою в кущи деревьев, можно было ловить руками сочные гроздья душистой акации». Ему же принадлежат и слова: «Цветы олеандра лучшее, что наряду с благословенными акациями нам оставила Старая Одесса».

Оставила, но сохранили ли мы?

Уже в 1865 в повести Осипа Рабиновича «История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу,

и что с ним случилось» одесситы читали грустно-ироническое: «Ах, это было счастливое время, почтенные читатели мои, когда по нашим тротуарам еще можно было безопасно ходить, а на наших улицах красовались густые акации!».

Удивительно, но на одной из улиц, моей любимой Херсонской-Пастера, акация растет уже почти двести лет. Впервые упоминает о ней Эдвард Мортон в 1828: «Херсонская улица. Она красива, имеет полмили в длину и очень широка. Вдоль тротуаров, построенных из мягкого камня, высажены ряды душистых акаций».

Более подробно описана Херсонская и ее акации в повести Анастасии Марченко «Умная женщина»:

«Вот неделя, как акация распустилась. На Херсонской улице воздух душист, от крепкого запаха голова кружится, белые цветы висят полными кистями, погода с полнолуния стоит прекрасная, тихая и приветная. Я гуляю всякий день по Херсонской. Напрасно по бульвару ходит целая толпа, напрасно по Ришельевской снуют из одного конца в другой экипажи и белая лошадь с золотой сбруей, и зеленым бархатом выбитые дрожки с темным рысаком, и фаэтон с серыми лошадьми.

На Херсонской растет несколько деревьев белой акации, она цветет, и воздух душист, грудь сжата сладостной грустию, голова как будто кружится, и странная приятная усталость овладевает вами. Акация цветет, май на дворе, последние дни весны встречаются с первыми днями лета».

Эти строки были написаны в 1853 году. А в конце мая 2021 я иду по Пастера под акациями, цветущими, нарядными, молодыми и старыми – есть среди них молоденькое деревце, которое кто-то неизвестный уже дважды ломал, но кто-то, также неизвестный, дважды бережно подвязывал. И в этом году оно робко, трогательно зацвело – всего одной гроздью, но такой же душистой и изысканной, как у старших деревьев.

В 1890 году была опубликована первая книга об Одессе на украинском языке – «Над Чорним морем» Ивана Нечуя-Левицкого. Можно сказать, что в ней карта одесских акаций – они и в центре, и на окраине: Николаевский бульвар, Дерибасовская, Аркадия, Фонтан.

«Парапет стояв над мурованою стіною, а під стіною на терасі гори коло самісіньких сходів розстелявся парк з миршавих акацій; в садку жовтіли доріжки й стежки, що вилися до літнього дерев'яного театру. Комашко впав на стілець, сперся на широкий мурований парапет і дивився вниз на терасу, засаджену акаціями, на людей, що вештались внизу по стежках. <…>

Чималий сквер біля одеського собору аж лиснів, зелений та свіжий, политий водою, залитий гарячим світом сонця. Алеї з акацій кругом скверу, купи кущів на зеленій свіжій траві, клумби широколистих квіток – все ніби мліло в ясному гарячому світі. <…> Перед очима в Комашка стелилась широка, перша в Одесі, Дерибасівська вулиця, обсаджена двома рядками акацій. <…>

Тим часом в перспективі вулиці вже сунувся вагон трамваю. Всі схопились з лавок і хапком рушили з місця. <…> Вагон поволі посовувався між густими акаціями, котрими обсаджені одеські вулиці, і незабаром доїхав до станції за містом, де перепрягають коні. Уся компанія порозходилась попід акаціями, ховаючись в холодок од пекучого сонця. <…> По обидва боки дороги миготіли дачі, що тонули в садках з акацій та абрикосів. Поїзд їхав неначе лісом, ніби між двома зеленими стінами. Між акаціями подекуди виглядали білі стіни дач одеських банкірів та аристократів, гарних, як цяцьки, з легенькими портиками, з колонами, обплетеними диким виноградом».

Детство и юность Николая Гарина-Михайловского прошло в Одессе. И в повести «Гимназисты» – Одесса: «Город со своими нарядными, звонкими улицами, панелями в тени акаций, с белыми маркизами, с красивым тенистым бульваром, с сверкавшим там, внизу, синим морем, залитый ярким солнцем, – точно спал в неподвижном воздухе». Цветет акация, в это время так легко флиртовать и влюбляться, и акация в этом поможет:

«Они вошли под тень акаций. На них пахнуло сильным ароматом цветов.

– Ах, как хорошо пахнет, – сказала Корнева.

Рыльский подпрыгнул и сорвал белую кисть цветка.

– Дайте…

Она оглянулась и, пропустив свидетелей, прикрепила цветок у себя на груди. Она прикрепляла и смотрела на цветок, а Рыльский смотрел на нее, пока их взгляды не встретились, и в ее душе загорелось вдруг что-то».

Одесса, акации, море – в какой-то степени это слова-синонимы. По крайней мере для одесситов. И не только. Первые впечатления Александра Грина: «Уже ослепительно-знойными улицами, обсаженными акациями, я торопливо собрался идти увидеть наконец потрясенный, взволнованный зрелищем большого портового города, его море».

Одесса Александра Куприна – это «нарядный, всегда праздничный город с его зеркальными стеклами, гордыми памятниками, сиянием электричества, асфальтовыми тротуарами, аллеями белой акации, величественными полицейскими, со всей его показной чистотой и благоустройством». Так он напишет в «Гамбринусе». А в рассказе «Обида» описание, увы, хорошо знакомого нам летнего зноя: «Был июль, пять часов пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный город дышал зноем, точно раскаленная печь. Белые стены домов сияли нестерпимо для глаз. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тени от акаций простерлись по плитяной мостовой, жалкие, измученные, и тоже казались горячими».

О событиях начала XX века писал Жаботинский в повести «Пятеро». И вновь акация, вездесущая акация: «<…> тогдашний облик веселой столицы Черноморья в акациях на крутом берегу. <…> Следующий был угол Ришельевской; и первое, что возвещало особое лицо этой улицы, были столы менял, прямо тут же на тротуаре под акациями. <…> Трудно было пробраться среди сплошного кустарника, диких груш и маслин, акации, бузка и черемухи. Акация уже отцветала, в голубоватой лунной тишине стоял только намек на ее недавнее владычество».

В 1911 году и Жаботинский, и Куприн, словно сговорившись, не просто упоминают акацию в тексте, а пишут о ней два рассказа. О том, что такое акация для северян, теряющих голову и разум от ее аромата, – это «Белая акация» Куприна.

«Однажды утром неопытный северянин идет по улице и вдруг останавливается, изумленный диковинным, незнакомым, никогда не слыханным ароматом. Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуваться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация. Однако на другой день совсем другое впечатление. Вы чувствуете, что весь город благодаря какой-то моде продушен теми сладкими, терпкими, крепкими, теперешними духами, от которых хочется чихать и от которых, в самом деле, чихают и вертят носом собаки. На следующий день пахнет уже не духами, а противными, дешевыми, пахучими конфетами или тем ужасным душистым мылом, запах которого на руках не выветривается в течение суток. Еще через день вы начинаете злостно ненавидеть белую акацию. Ее белые висячие гроздья повсюду: в садах, на улицах, в парках и в ресторанах на столиках, они вплетены в гривы извозчичьих лошадей, воткнуты в петлички мужчин и в волосы женщин, украшают вагоны трамваев и конок, привязаны к собачьим ошейникам.

Нет нигде спасения от этого одуряющего цветка, и весь город на несколько недель охвачен повальным безумием, одержим какой-то чудовищной эпидемией любовной горячки. Таково весеннее свойство этого дьявольского растения. Влюблены положительно все: люди, животные, деревья, травы и даже, кажется, неодушевленные предметы, влюблены старики, старухи и дети, гласные думы, хлебные маклеры, бурженники и лапетутники (две загадочные профессии, известные только Одессе), гимназисты приготовительного класса, телеграфные барышни, городовые, горничные, приказчики, биржевые зайцы, булочники, капитаны кораблей, рестораторы, газетчики и даже педагоги. Какая-то неисследованная зараза, какой-то таинственный микроб заключен в аромате белой акации.

На коренных обывателей эта болезнь действует сравнительно умеренно, – так же, как на природных жителях Кавказа слабо отражается болотная лихорадка, или на европейцах – корь. Но свежему, приезжему человеку, особенно северянину, весенние цветы белой акации сулят преждевременную гибель».

Порой возникает ощущение, что партийные чиновники, к литературе и возвращенцу Куприну относясь подозрительно, этот рассказ все же читали. И на полном серьезе восприняв, принявшись активно проводить в жизнь последние его строки: «Была бы в моих руках огромная, неограниченная власть – власть, скажем, хоть полицейская, – я приказал бы вырубить за одну ночь всю белую акацию в городе, вывезти ее в степь и сжечь. Вырывают же ядовитые растения, убивают вредных насекомых, сжигают зачумленные дома, и никто не видит в этом ничего диковинного!».

Иное дело – одесситы. У Жаботинского цветущая акация связана с самыми значимыми событиями в жизни ребенка, подростка, юноши.

«Еще один май кончился, и опять отцвела акация. Кажется, ничто так не характерно для Одессы, ничто так ее не напоминает вдали, как запах акации. Даже море. <…> нет такого жителя в Одессе, который не знал бы запаха акаций, если только есть у него нос и в носу запах обоняния. <…>

Я мчусь домой в дикой радости, уже не разбирая солнечной и теневой стороны, а акация пахнет, пахнет во всю глотку. <…> Как только запахнет акацией, меня уже тянет не в храм науки, а из храма. <…> А акация пахнет, как скаженная.

Потом… потом наступает такое время, когда одного запаха акации недостаточно, а должна еще непременно светить луна. Как зовут барышню, это, конечно, секрет, таких вещей не рассказывают, но у нее длинная коса и славные глазки, сто миловидных ужимок и легкий, добрый, уступчивый характер: если с ней хорошенько подружиться и не делать грубостей, то и она не станет особенно воевать за свою неприкосновенность. <…> Угостить ее можно мороженым или просто семечками, а вместо поднесения пышных букетов надо просто хорошенько подпрыгнуть на ходу и сорвать большую кисть акации. Тогда она вам позволит собственными руками приколоть эту пахучую кисть к ее тоненькой блузке. А дальше вы уже сами должны понять и найтись».

Жаботинский находит очень точные слова – ведь ни один запах цветущих кустов и деревьев не вызывает такой легкой грусти,

не горчит слегка, словно раскушенный цветок акации: «Каждый год отцветает акация, и что-то умирает. Вероятно, умирает только наша молодость. Но почему-то нам кажется, что на белом свете постепенно убывает молодость вообще, нет уже той серебристой беззаботности у поколений, занявших теперь наше недавнее место на пороге жизни, город стал скучный и мрачный, и надежда померкла над землею. Только пахнет акация, как пахла всегда, и напоминает невозвратимое».

У Ивана Бунина в «Снах Чанга» запах акации входит в перечень необходимого и значимого: «Разве глупее нас с тобой были все эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорят об этой любви к миру и вообще ко всему телесному – от солнечного света, от волны, от воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха белой акации!». И у него же и в стихах и в дневниках в разные годы:

Ограды дач еще в живом узоре –
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море…
День будет долог, светел и горяч.

1906

«28. VII. 1914. Дача Ковалевского, под Одессой. Половина двенадцатого, солнечный и ветреный день. Сильный, шелковистый, то затихающий, то буйно возрастающий шум сада вокруг дома, тень и блеск листвы в деревьях, волнение зелени, мотанье туда и сюда мягко гнущихся ветвей акаций, движущийся по подоконнику солнечный свет, то яркий, то смешанный с темными пятнами». Эти строки написаны в России.

А для эмигрантов запах акации и Одесса – светлое воспоминание.

Саша Черный, «В Одессе»:

Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.

Ему вторит Софья Прегель в стихотворении «Одесса»:

Подымается дым ли, угар ли,
От акаций, что вдруг расцвели.

Художник Михаил Ларионов писал с грустью: «Светлые платья и зонтики дам, кители офицеров, проходящих под цветущими белыми акациями, в этот час не дающими тени, ненужной тени, в этот чудесный утренний час, ароматный кофе на террасе кофейной Либмана или Фанкони. Я думаю, что теперь всего этого нет».

Дон-Аминадо в мемуарной повести «Поезд на третьем пути» желал: «…обернуться назад, на сразу ставшее милым прошлое, крепко удержать в памяти, на всю жизнь запомнить ослепительную южную красоту, в пышном цвету акации на Николаевском бульваре, бегущие вниз ступени – к золотому берегу, к самому пропитанному солью нестерпимо-синему простору».

А что пишут их младшие современники, будущие звезды юго-западной школы об акации? Знаменитая фраза Исаака Бабеля из рассказа «Справедливость в скобках»: «Не надо уводить рассказ в боковые улицы. Не надо этого делать даже и в том случае, когда на боковых улицах цветет акация и поспевает каштан». Несколькими годами раньше в очерке «Одесса» он писал: «В Одессе сладостные и томительные весенние вечера, пряный аромат акаций и исполненная ровного и неотразимого света луна над темным морем». Бабелю вторит Юрий Олеша: «Образ Одессы, запечатленный в моей памяти, – это затененная акациями улица, где в движущейся тени идут полукругом по витрине маленькие иностранные буквы». А незнаменитый и забытый Яков Бельский в рассказе «Американское наследство» констатирует: «Море, и небо, и акации – все это было каждый день и рядом. Не надо было ждать целый год, как теперь, чтобы приехать на месяц к родным берегам. В десятилетнем возрасте мы этого не ценили».

Во время Гражданской войны погибали не только люди, но и деревья.

«Неприветливая картина осени усугубляется еще одиноко стоящими остатками дач и обрубками деревьев. Всюду

царит разрушение, и все время раздается звук топора и лязг пил. Всегда Французский и Итальянский бульвары с их чудными акациями служили украшениями Одессы, теперь же им грозит гибель, так как стремление к наживе захватило и владельцев дач и садов», – с грустью писали осенью 1919 одесские газеты.

Иронически описывает те же события спустя почти двадцать лет Александр Козачинский в «Зеленом фургоне»:

«Заканчивая свои ночные труды, молодые одесситы спиливали росшие вдоль тротуаров толстые акации. Они занимались этим по ночам не столько из страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу. Когда любимые дети обкрадывают родителей, они боятся не уголовного наказания, а общественного мнения. Стволы и ветки акации тут же, на тротуаре, распиливались на короткие чурбанчики, которые складывались пирамидками на перекрестках. Через час сюда придут домашние хозяйки и будут покупать дрова для своих очагов.

Белинская улица, потерявшая за последние недели все свои великолепные акации, казалась Володе просторной и пустой, как комната, из которой вынесли мебель».

А Семен Гехт в очерке «Одесса» в 1923 нарисует картину гибели Дюковского сада:

«…поляна Дюковского сада оголенными пнями напоминает о столетних акациях, составлявших гордость Молдаванки.

История этого сада, лучшего в Одессе, замечательна. Были тревожные дни оккупационного владычества, когда по взбудораженным улицам шныряли смуглые зуавы, когда коротконогие негры заполняли луна-парк и шотландские стрелки в юбках вызывали смех топтавшейся вокруг них уличной детворы. Дров в городе не было совершенно. Несмотря на жаркие летние дни, нужда в них была огромная, так как обнищавшему окраинному населению не на что было сварить постных щей. Однажды утром поднялись ремесленники Слободки и Бугаевки и, не обращая внимания на стрекотню пулеметов и на отточенные штыки зуавов, двинулись с пилами и колунами к великолепному Дюковскому саду. В тече-

ние одного летнего дня весь сад был вырублен и был увезен волоком, на повозках и спинах. Об этом дне окраинное население вспоминает с удовольствием и гордостью, и только тогда, когда зной уж слишком удушлив и нигде не сыщешь тени, к довольству примешивается сожаление о столетнем парке и чудесных акациях».

Но не все акации погибли. И у Павла Тычины, недавнего семинариста, приехавшего в Одессу в 1920, они вызывают ассоциации со службой в храме, чашей для причастия: «Знов повз пам'ятник Пушкіну. Море далеко. Спускаємось з гори – ховається, ховається й зовсім зникло. Сходи кам'яні вапняком по боках обкладені. За ними акації – мов чаші, накриті воздушком».

Зинаида Шишова напишет в 1922, прощаясь с друзьями и Одессой:

Город милый, город южный,
Слезы капают с пера.
Здесь ли мы семьею дружной
Проводили вечера,
Здесь ли мы на зов акаций
Выходили из ворот,
На манящий шелест платья,
На головки поворот…

Тексты Валентина Катаева благоухают акацией, от написанного в 1936 году «Паруса» до написанного в 1979 «Вертера». И трудно что-то выбрать, ведь акация, ее цветы и запах сопровождают и в горе, и в счастье.

«Белеет парус одинокий»: «Томная ночная жара неподвижно висела в бездыханном воздухе улиц, заросших акациями. <…> Одесский май ничем не отличается от июня. Город изнемогал от двадцатипятиградусной жары. Над балконами и магазинами были спущены косые полосатые маркизы с красными фестонами. На них лежала резкая тень начинающих цвести акаций».

«Хуторок в степи»: «Установилась изумительная летняя погода. Кончилась сирень, но зато вовсю цвели белая акация

и жасмин. Все вокруг было пропитано их сладким, тяжелым запахом. По ночам к нему примешивался еще раздражающий запах маттиолы и садового табака, бледные звезды которого так неясно и таинственно белели в сумерках на разросшихся клумбах перед домом».

«Катакомбы»: «Был конец мая. По всему городу цвела белая акация. Старые большие деревья, сплошь увешанные плакучими гроздьями нежных, необыкновенно душистых зеленовато-молочных цветов, превращали улицы изуродованного города в аллеи, в тенистые туннели цветов и листьев. На горячей мостовой лежали тени акаций. По ним, как по темным кружевам, ступали босые ноги осужденных. И тени скользили вверх по их коленям, по груди, по лицам, по волосам непрерывной кружевной сетью, как бы желая своим ласковым, неосязаемым прикосновением умерить боль, которую они испытывали. С вызывающей гордостью подняв вверх свой круглый подбородок, ставший теперь твердым, почти квадратным, шла Валентина, мелко переступая маленькими босыми ножками. Откуда-то с балкона им бросили охапку цветущей акации. Одна веточка упала на голову Валентины, зацепилась за волосы, но не удержалась и стала сползать вниз. Девушка поймала ее на лице скованными руками и взяла в рот. Так она и шла, с веточкой белой акации в губах, почти черных, как маленькая запекшаяся рана».

«Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»: «Город задыхался от запаха неслыханно буйно цветущей белой акации. Короткие, темные, душные ночи с распахнутыми окнами домов, откуда неслись звуки итальянских песен, что превращало нашу тихую Отраду в подобие Неаполя или, во всяком случае, Сорренто».

Вообще, из художественных текстов можно узнать много деталей быта города, не попадающих в официальную историографию. Так, Жаботинский упоминает о «сумасшедшем греке Ралли» («это иждивением Ралли по всему городу у акаций стоят зеленые жестянки с водою, с надписью «для собак»).

А у Катаева еще одна деталь: «Я выскочил как ошпаренный на улицу, где толпились выпившие извозчики и босяки, от-

купоривая свои сотки, мерзавчики и шкалики. Делалось это следующим образом: сначала обдирался с головки сургуч; обдирался он о жестяную терку, нарочно для этой цели прибитую к стволу акации, чтобы пьяницы не портили городских насаждений. Извозчики в своих клеенчатых или касторовых шляпах с пряжкой, в синих армяках до полу, бородатые, с прозрачно-голубыми глазками и красными носами, а также босяки – действительно босые или в каких-то немыслимых бахилках, привязанных к ногам веревочками, в ситцевых штанах и рваных рубахах, сквозь дыры которых виднелось голое тело <…> под наблюдением городового толпились возле терки, обдирая об нее сургуч, так что терка казалась как бы окровавленной».

Нечуй-Левицкий писал об акациях Дерибасовской улицы. В 1920-м они еще радовали глаз и обоняние. У Константина Паустовского во «Времени больших ожиданий»: «Вдоль тротуаров зацвели старые акации. Все вокруг было усыпано их желтоватыми цветами. Опродкомгуб к весне переехал из бывшей Ришельевской в самую гущу этих уличных акаций – в «Северную гостиницу» на Дерибасовской».

В насмешливом описании Ильи Ильфа акация не только осыпается на бывших «людей воздуха», но и заменяет пальмовые ветви при съемках фильма из «римской жизни»:

«…квартал бывшей Дерибасовской улицы, от бывшего магазина Альшванга до бывшей банкирской конторы Ксидиаса. Весь день здесь прогуливаются люди почтенной наружности в твердых соломенных шляпах, чудом сохранившихся люстриновых пиджаках и когда-то белых пикейных жилетах.

Это бывшие деятели, обломки известных в свое время финансовых фамилий.

Теперь белый цвет акаций осыпается на зазубренные временем поля их соломенных шляп, на обветшавший люстрин пиджаков, на жилеты, сильно потемневшие за последнее десятилетие. <…>

Отвлечь от пророчеств их может только процессия рабов в хитонах, внезапно показавшаяся на Ришельевской улице.

Рабы с галдением останавливаются на углу. Вслед за ними движутся патриции в тогах. За патрициями следуют начальники когорт и преторы. За преторами бегут какие-то нумидийцы и пращники. За пращниками следуют тяжеловооруженные воины из секции совторгслужащих биржи труда. <…>

Подъехавшие на семи фаэтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами и организуют Юлию Цезарю большой триумф. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопспилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов».

Фельетон «Путешествие в Одессу» Ильф написал в 1929. А спустя ровно десять лет Сигизмунд Кржижановский писал об акациях в рассказе «Хорошее море»: «…если идти вдоль берега, видишь группу акаций. Акация одно из немногих деревьев, которое согласилось жить в Одессе. Еще в первое десятилетие существования города дюк Ришелье насаждал свой и посейчас называемый «Дюковским» сад. Сейчас от него почти ничего не осталось. Дерибас привозил туда редкие сорта флоры. Сейчас осталась лишь маленькая площадка, дающая довольно скудную тень. Граф Потоцкий привозил сюда из своих украинских имений целые обозы деревьев. Растрескавшаяся сухая почва города иссушила им корни, и мало что уцелело до нашего времени. Только акация стала одесситкой и цветет здесь пышным цветом». И он же цитирует фразу Александра Дерибаса об одесской пыли: «Прежняя одесская пыль была не такая, как ныне; она была благоуханной, как пыль цветов. Море, степи, акации отдавали ей свои остатки и были причиной ее своеобразного приятного аромата».

1941 год. Одесса осаждена, и Михаил Зенкевич пишет в стихотворении «Южная красавица»:

Сколько срублено белых акаций,
И по Пушкинской нет мне пути.
Неужели всю ночь спотыкаться
И к театру никак не пройти?

А в 1944 Семен Кирсанов пишет об освобождении Одессы:

Ветвями встречает победу
Акация в платье апрельском.

И его же знаменитое «В цветущих акациях город…».

Почему-то во второй половине XX века об акации больше писали не прозой, а стихами. Все – и уехавшие из Одессы, и живущие в ней.

Семен Липкин, «Снова в Одессе»:

Оказалось, что родина есть у меня.
Не хотят от меня отказаться,
Ожидая, тоскуя, мне верность храня,
Кое-где пожелтев среди летнего дня,
Молчаливые листья акаций.

И его же «Одесский переулок»:

Акация, нежно желтея,
Касается старого дворика,
А там, в глубине, – галерея,
И прожитых лет одиссея
Еще не имеет историка.
<…>
А здесь оставались акации,
Платаны легко разрастались,
Восторженно листья братались,
Как часто братаются нации.

Строки, наиболее часто, пожалуй, цитируемые из стихов Юрия Михайлика:

Мимо грядок, оградок, ларьков, пионерлагерей,
мимо редких дверей в нескончаемом дачном заборе,
мимо пыльных акаций на каменных плитах – скорей!
И откроется море.

И столь же часто цитируют из поэмы Анатолия Гланца «Одесса»:

Что б там ни было, друг мой, кончай ругаться.
Сохрани это счастье вдыхать акации.

Да, многие писали об акации, многие, надеюсь, еще напишут. И все же закончить мне хочется строками недавно ушедшей от нас Иры Полторак: «Но навечно сиренью с акацией будет бредить во мне Одесса».

Феликс Кохрихт

Доктор моего детства

В нынешнем году доктору Резнику исполнилось бы 100 лет – не хватило двенадцати… Доктору Борису Резнику и – необходимое отчество – Мироновичу. Ибо в нашем городе под этой фамилией, да и именем в разные годы, а то и одновременно, работали выдающиеся деятели медицины – врачи, ученые, преподаватели.

Он окончил медин после войны, а до этого родившийся в 1921-м окончил 10 классов, служил срочную в РККА и затем четыре года воевал. Прошел путь от красноармейца до командира с боевыми орденами и медалями.

Капитан Резник брал Кенигсберг, мой старший брат Абрам Кохрихт (1923 г. р.), старший лейтенант, артиллерист, – Берлин. С медалями за эти взятия недавние одесские школьники предстали перед своими родными и любимыми в победном 1945.

Но до этого в перерывах между боями фронтовики редко, но, к счастью, все же получали от командования то, что ценилось выше орденов, – краткосрочные отпуска в родные места, если те уже

были освобождены от врага, или туда, где жили и трудились их семьи и любимые девушки.

О своей побывке у родных на далеком Урале вспоминал в начале XXI века легендарный доктор Резник, славившийся не только уникальными операциями и спасениями жизни, но и твердостью характера руководителя урологического отделения областной больницы, и беспрекословным неприятием всякого рода приношений. В наследство дочери и внукам остались портреты рослого усатого врача, написанные в благодарность за излечение нашими известными художниками, и множество книг, которые мы недавно перебирали с Диной Резник, нашей многолетней подругой.

Эту последнюю рукопись я сейчас перечитываю, выбирая фрагменты для публикации в альманахе. Это нелегко: свои воспоминания уже терявший зрение отец диктовал дочери. В них много интересного, особенно для моего поколения – детей войны, переживших, пусть малышами, эти годы… Но и для молодых неравнодушных, благодарных отцам и дедам за Победу.

Текст, над которым мы сейчас работаем, должен был войти в новую книгу Б.М. Резника и дополнить вышедшие раннее мемуары. В 2006 году в Одессе увидел свет его сборник, две части которого назывались «Пациент моего детства» и «Большая печаль». Первая – о предвоенных годах семьи Резник и детстве героя, вторая – о начале войны, где одна из главок названа «Из винтовки – по «мессеру»…

Редакционная работа над этим документом времени продолжается.

Пациентом из детства в первые послевоенные годы стал для молодого врача директор школы, в которой он учился. Для меня сегодня Борис Миронович – доктор из детства моего…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

103 **Анна Михалевская**
Нездешний

112 **Владимир Каткевич**
Фамильная бочка

134 **Виктория Колтунова**
Азамаха

148 **Анатолий Контуш**
Искусство правильно читать книги

Анна Михалевская

Нездешний

Его взгляд я почувствовал спиной. Оглянулся. Он сидел на лестнице, нахохлившись, как воробей. Рыжий, настороженный, нездешний. Часто моргал. Глаза у него были синие – слишком яркие для этого серого дня, густо заштрихованные, словно небо на детском рисунке.

Отвернулся, поежился. Принялся шарить в карманах в поисках ключа. Не нашел, потянулся позвонить. Но вспомнил, что Наташи нет. Открывать некому. За дверью парадного громыхнуло, косые струи дождя лупили в разбитое стекло, врывались внутрь, яростно дробясь о ступеньки.

Какой-то оборванец прячется от непогоды. Что тут такого? Я наконец нащупал ключ и ввалился в квартиру, стаскивая с себя дождевик.

– Р-р-разве шляпа стр-р-рашная… – попугай Лис зашелся в радостном стрекоте. Встречал.

Нет, шляпа не была страшной. И удав, проглотивший слона, – тоже. Когда вырастаешь, тебя догоняют вещи куда страшнее. Например, потери близких. Они просто уходят, вежливо попрощавшись, не забыв забрать и твою розу, и твою планету, и тебя самого.

Потоптавшись на пороге, я потер затылок, словно так мог избавиться от ощущения чужого взгляда. И собственной бесполезности.

– Подожди, Лис… – отмахнулся от попугая.

Пацан, наверное, голодный – я стягивал мокрые кроссовки, а мысли разлетались, как капли со шнурков. Заглянул в холодильник, хотя точно помнил, что там есть. Вернее, чего нет. За-

плесневелый сыр, древний кетчуп и огрызок трехдневной булки. С некоторых пор я избегал кухни. По ней до сих пор бродили призраки моих воспоминаний, и нам было тесно. Здесь, на кухне, мы с Наташей суетились, куда-то спешили и не понимали, что счастливы. Качали по ночам Марусю, совсем кроху. Собирали кашу со всех стен, если Марусе она не нравилась. Целовались, забившись в самый дальний угол, когда Маруся подросла и стала среди ночи приходить к нам в спальню. Смотрели, обнявшись, фильмы… Именно здесь, опираясь о стол, Наташа сказала, что уходит. Куда? Зачем? Я не мог понять, не понимаю и сейчас.

Я сварганил скромные бутерброды. Успокаивало лишь то, что похожими за баснословную цену угощают в фойе оперного в антрактах. Не хватало только двух икринок сверху.

В открытую дверь ворвался холодный ветер. Мальчишка все так же сидел на верхней ступеньке пролета, не обращая внимания, как дождь сечет его потертую куртку и сыплет колючие капли за шиворот.

Я поднялся, уселся рядом, протянул бутерброды.

– Хочешь?

Глупый вопрос. Мальчишка выхватил угощение и с жадностью принялся есть. Старше Маруськи, наверное, на года четыре. Вспомнил дочь – и нахлынула тоска. Еще неделю ждать встречи…

Надо бы спросить, куда его отвести. Может, потерялся, в беду попал? Но у меня вырвалось:

– Зовут тебя как?

Мальчишка перестал жевать, испытывающе глянул из-под рыжих ресниц. Вытер руки о куртку.

– Славка, – после долгой паузы сказал он.

– Вячеслав, – я машинально протянул руку для пожатия, но, наткнувшись на непонимающий взгляд, быстро убрал в карман.

И перебирая пальцами крошки, огрызки каких-то записок, щепки, гайки и прочий невидимый хлам карманной вселенной, понял, что имена у нас одинаковые.

Молчали. Мальчишка, не стесняясь, рассматривал меня. Я же стушевался, не зная, чем обязан такому пристальному вниманию. Сейчас попросит сигарет. Или денег. Но он сказал:

– А мяч у тебя есть?

– Мяч?! – я прислушался к беснующейся за окном непогоде. – Мяч? – переспросил я.

– Ну да, погонять в футбол.

– Сейчас!

И я, как дурак, помчался за ключами – в тот момент был уверен: мяч надо принести, и точка. Пока спускался в подвал, пока шарил между коробками, откашливаясь от пыли, пока погружался в культурный слой своего детства и извлекал оттуда сдувшийся мяч, прошло, наверное, немало времени. В общем, когда вернулся, мальчишка исчез.

Я поднялся до последнего четвертого этажа, уперся в чердачную лестницу – и не нашел ни нового знакомого, ни даже следов. А они должны быть. В такой-то дождь!

Оставил мяч на площадке между вторым и первым этажом – там, где мы сидели. Как оставляют еду диким животным.

Долго стоял в проеме, не решаясь закрыть дверь.

Все ждал. Чего? И сам не знал.

Полгода назад я так же смотрел вслед уходящей Наташе. Она крепко держала за руку Марусю, будто боялась, что та убежит. Дочь не выдиралась, лишь оглядывалась – она, как и я, не верила, что это теперь навсегда.

* * *

Майский дождь тарабанил в стекла – просился в дом, как настырный бродяга. Я приоткрыл окно, подставляя лицо отголоскам непогоды. Там, за границей моей холостяцкой берлоги, пахло началом чего-то важного и большого, ожиданием заслуженного, выстраданного у зимы лета, пахло волнением и влюбленностью, испытаниями и верой в победу.

Это все не про меня… Я в сердцах захлопнул створку.

Попугай ара, турецкий друг с французским именем Лис, смерил меня неодобрительным взглядом. Я купил Лиса после недавнего рейса в Стамбуле. Чтобы не возвращаться в пустую квартиру.

Когда спросил, почему она уходит, Наташа сказала, что задыхается. Да, я слишком любил их. В какой-то момент ощутил – мы слиты в одно, один организм. Я давал им то, в чем нуждался

сам. А если не хотели брать, расстраивался. С годами перестал понимать, где заканчиваюсь я и начинаются они. Я не просто потерял семью. Я потерял себя.

Накормил Лиса – ему я корм покупать не забывал. В отличие от своей еды.

Заварил крепкий чай – и, громко сербая, выпил. При девочках себе такого не позволял. С ними хотел быть лучше. Но только все испортил.

Подошел к шкафу. Уставился на пустые вешалки. Окунуться бы в знакомый запах, схватить тонкое запястье жены, погладить длинные пальцы – и никогда, никогда больше их не отпускать.

Вместо этого я взял со стола «Маленького принца» и улегся с книгой на диван. Привык читать Марусе перед сном. Теперь читаю себе.

Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит.

Выхватил строчку и заснул, крепко вцепившись в раскрытую книгу.

* * *

Наутро я нашел мяч на том же месте, где оставил. Внезапно разозлился. Подхватил мяч, подбросил и крутанул на пальце. Странно, еще не забыл, как это делается.

Вышел во двор, тот был мокрым, жалким, облезлым – как угодивший в лужу кот. Мы гуляли с Маруськой в любую погоду. Дождь она любила – и лужи, и грязь, и резиновые сапоги. Но сам… Я не знал, что делать в пропитанном сыростью дворе…

Повинуясь давней привычке, подбросил мяч. Неожиданно легко поймал носком, отыграл любимые финты и забил гол под скамейку. Улыбка далась с трудом. Мышцы сопротивлялись, не желая сдавать статус-кво. Заржавевший, невостребованный долгие месяцы маховик радости, скрипя от натуги, медленно приходил в движение.

А мяч-то целый, вдруг заметил я. Поднял голову и увидел мальчишку. Славка поддел ногой мяч и повел к моим воротам – трухлявому столику, месту посиделок сытых котов и пьяных соседей.

Поначалу хотел поддаться – что ж мне обыгрывать пацана? Но тот шустро обходил меня – разгадывая мои же финты и на ходу придумывая новые. Раз за разом Славка забивал голы в мои подстольные ворота – так что пришлось вспомнить все коронные трюки, чтобы свести матч к ничьей.

Взмокшие, грязные и счастливые, мы сидели на заборе, пытаясь отдышаться. Из недр необъятной куртки Славик вынул бутылку газировки, надпил, протянул мне.

Я сделал глоток, с удовольствием утолив жажду. Посмотрел на этикетку – «Буратино». «Произведено в СССР», – прочитал я.

– Откуда она у тебя?

Вопрос наткнулся на пустоту. Славка исчез, оставив после себя газировку и щемящее чувство утраты. Я отчетливо услышал, как, скрежетнув, забуксовал и заглох маховик радости.

И остался один. Снова один.

С досады пнул мяч и забил гол в свои ворота.

Проиграл. Я везде проиграл.

* * *

– Прир-р-ручили! Прир-р-ручили! – без конца повторял Лис.

Мы в ответе за тех, кого приручили, – я довершил в уме сентенцию Экзюпери. А если те, которых приручил, ушли сами? Что тогда?

Надо было сходить в супермаркет. Записаться на медкомиссию перед рейсом. Починить кран. Разобрать подвал. Надо. Раньше знал, ради кого это делаю. Теперь я будто не имел права жить дальше. Будто должен был сперва расплатиться с огромным кредитом, где единицей измерения было чувство вины.

– Славка! – отчетливо сказал Лис.

И было непонятно, кого он зовет – меня или того рыжего мальчишку. И зовет ли вообще – я так и не разобрался в людях, что говорить о попугаях.

– Славка! – настойчиво повторил Лис.

Повинуясь импульсу, я открыл шкаф, вытащил из дальнего угла коробку. Отряхнул пыль. Начал доставать школьные альбомы. Давно их не разглядывал, все было некогда. Навощенная бу-

мага скользила под пальцами. Долго всматривался в лица одноклассников на виньетке, никого не узнавая – даже себя.

Он жил в парадном напротив. Мы часто гоняли в футбол после уроков. И если получалось, до – тоже. В футболе мы были лучшие. И знали об этом. Хорошо ладили. Правда, раз едва не сцепились намертво – он отказался засчитывать мой гол, когда мяч угодил в штангу, хоть я потом отбил его и попал. Пара синяков под глазом – у него и у меня – и спор был решен: ничья. А потом он начал болеть – сердце, астма. Уже не побегаешь. Я гонял мяч сам, пытался найти других ребят. Все не то. В конце концов я отказался от футбола. Хоть очень скучал по мячу. С тех пор мне стали сниться лестницы с провалами вместо ступенек. Я просыпался в поту, постепенно осознавая, что то был сон, и мне не придется прыгать в пропасть.

Плавание, теннис, легкая атлетика, шахматы – перепробовав с десяток секций, я бросил все. Хотел поступать на филологический, но послушал родителей и подал документы в водный. Мечтал о большой семье, а живу с попугаем.

Я все время отказывался от того, что любил. Отказывался от себя. Думал, эта жертва кого-то спасет. Удержит любовь. Но вышло наоборот.

Захлопнул альбом, подняв облачко пыли. Попугай довольно правдоподобно чихнул и важно произнес:

– Взр-р-рослые ничего не понимают сами…

Но я понял! В два счета оказался у двери и распахнул ее прежде, чем услышал звонок.

Он был непривычно серьезен и собран. Куртка застегнута. Рыжие пряди аккуратно зачесаны назад – когда-то давно именно так мама причесывала меня перед экзаменами. В синих глазах плескалось новое и неспокойное.

– Проводи меня, – попросил он.

Нет, не так быстро!

Но не отдавая себе отчета, уже шел за ним по лестнице.

Опустились сумерки, любопытная луна заглядывала в разбитое окно.

Славка легко подхватил мяч. А я ошалело таращился на пролет. Взрослый дядька, моряк с проверенным медкомиссиями

и штормами здоровьем – крепко сжал руку мальчишки. От страха.

Ступеньки между третьим и четвертым этажом исчезли. Вместо них зиял провал из снов – по воздуху плыла легкая рябь, будто над раскаленным асфальтом. Я задрал голову – потолок парадного словно стер ластиком не очень старательный ученик: сквозь штукатурку проступала крыша. А сквозь крышу – небо. Густо заштрихованное.

– Идем! – Славка расплылся в знакомой, давно забытой улыбке.

Под ногами бесконечной лентой бежала вниз лестница, я видел подвал, катакомбы, остовы домов, а лестница все уходила дальше, в мое прошлое. Во все, о чем мечтал, и что осталось там – под землей, так и не выйдя на божий свет.

Славик тянул меня к пропасти, а я топтался на месте, не решаясь сделать шаг.

– Не пройду без тебя, – тихо сказал он. – И ты без меня – разобьешься.

В тот момент я поверил ему. Поверил себе.

Отпустил руку Славки и обнял его – как никогда и никто до этого не обнимал меня. Теперь я знал точно: мы не расстанемся – даже если больше не увидим друг друга.

И ступил в струящийся воздух.

* * *

Пришел в себя, сидя на лестничном пролете второго этажа. Руки дрожали, сжимая сдувшийся мяч. Я помнил все – и рыжего мальчишку, и как шагали через несуществующий пролет, и как подсадил его на чердак и долго смотрел в чернильное небо, провожая глазами мерцающий огонек.

Дома попугай окинул меня многозначительным взглядом и счел за лучшее промолчать.

Куплю новый мяч, пообещал себе, подсыпая корм Лису. И снова начну играть в футбол. Теперь я понимал, почему ушла Наташа. Отказавшись от себя, я хотел заполнить пустоту моими девочками. Но люди – даже самые любимые, тем более: самые

любимые! – не предназначены для того, чтобы затыкать прорехи в чужих душах. Это каждый делает сам.

Мне будет не хватать Славки. Парадоксально, но я пока так мало знаю о нем. Придется почаще смотреться в зеркало. Рыжие вихры уже не такие густые и глаза с возрастом выцвели. Но улыбка у нас по-прежнему одна на двоих.

Я подбросил мяч, поймал на палец, закрутил. И позволил себе снова стать мальчишкой. Надо же с чего-то начинать.

Владимир Каткевич

Фамильная бочка

Пароходы тоже устают и страдают одышкой. Им нужна пауза, чтоб перевести дыхание. Особенно немолодым. Как при сердечной недостаточности. Пожилой пароход «Борей» два сезона подряд без передышки и дока пыхтел в круизах по островам Вест-Индии и сейчас притих на пересменке в Дакаре. Забот невпроворот: успеть высадить пассажиров, расфасовать новеньких, сменить большую часть экипажа, пополнить снабжение, принять бункер. И снова на вахту, будьте так любезны, в духовку тропиков!

Людей и все заказанное снабжение – запчасти, расходные материалы, провизию и прочее разное всякое то, что нужно позарез, и что не понадобится никогда, должен был доставить учебный теплоход высшей мореходки «Шквал». В таких рейсах курсанты получают хорошую практику докера. Говорят, заодно и судоводителя.

В средиземке штормило, и «Шквал» опаздывал. Расписание было под угрозой, впереди маячили новые круизы в Бермудском треугольнике и карнавал в Рио.

Начальство нервничало. Директор стаффа Винченцо от отчаяния уходил к одноруким бандитам – автоматам. Правда, по слухам, форсировать разгрузку должен был автопогрузчик «Балканкар», который «Шквал» привезет в трюме. Так это видится с берега. На балканчик вся надежда. Еще заказали для повышения культурного уровня белый рояль (не из палисандра, но из добротной фанеры). Рояль никак не мог ускорить погрузку. Только затормозить.

* * *

У трапа «Борея» скопилась длиннющая вереница грузовиков, многие с прицепами, фургонов, рефрижераторов, пикапчиков с фруктами, деликатесами для пассажиров и прочим скоропортящимся. На грушах и персиках, нарядно укутанных в гофры, выступила испарина, а зелень на глазах теряла кудрявость. Агенты брызгали из пшикалок на продукты. Потом на себя. Терпение стивидоров, сюрвейеров и агентов было на исходе, они устали курить, назревал скандал.

Пожилой шипшандлер Миша Родригес, пригнавший с острова Гран-Канария грузовик с вином и другим ассортиментом, над агентами мудро усмехался. Он сам уже двое суток кимарил в пикапчике, но терпеливо ждал своей очереди. В отличие от других. Не привыкли ребята к необязательности. Его двоюродный брат Хуан (Харитон), младшенький, паузу воспринимал терпимо, не злорадствовал. Он сам пострадал, не успел выгрузить вино и опоздал назад на паром до острова Тенериф, где обитал. Младшенькому стукнуло семьдесят восемь, и он был на два года младше Миши Родригеса. В обозримом прошлом Харитон числился (!) неуспешным стукачом МГБ. Писал безграмотные отчеты (в каждом слове по четыре ошибки) и имел агентурный псевдоним Амиго. По замыслу чекистов Хуан (Амиго) должен был приструнить троцкистов из среды испанских политэмигрантов. Троцкистов действительно хватало, как и анархистов, но Хуан Родригес не знал, кто такой Троцкий. Карла Маркса воспринимал русским немцем с Поволжья, а товарища Ленина отважным швейцарцем, приехавшим в Россию в качестве агента Коминтерна. Кем-то вроде Че Гевары (если оперировать современными понятиями). Вот такая каша-малаша.

Родригесы происходили из испанских детей-сирот, вывезенных в 39-м в Страну Советов. Спустя сорок лет Миша, старший, похоронил свою русскую жену на Прокшинском погосте и вернулся в островную Испанию сформировавшимся советским человеком. Якобы на историческую родину по всеобщей амнистии Франциско Франко, и теперь всем рекомендовал, как им жить дальше.

* * *

Когда гуднул, наконец, «Шквал», сердце у Миши Родригеса екнуло. К двенадцатому терминалу Дакара швартовался «Сьюдад де Тарагона», пароход-невозвращенец, политэмигрант, как и они. На нем их вывезли из Валенсии в Одессу. Мише тогда было десять, а Харитоше восемь. Харитон всегда по жизни выглядел моложе. Примерно лет на десять. Непонятно только: как в восемь лет можно выглядеть на десять лет моложе?

– На этом пароходе нас везли из Испании в Одессу, – осчастливил Миша подробностями общей биографии младшего братана Хуана-Харитона. И вытер слезы. – Одессу помнишь?

– Что ты сказал? – Харитон недослышал. Он мочился возле колеса. Из катетера в баночку. Журчало. Или он специально вредничал.

Конечно, он помнил. Как не помнить! Старость приближает детство. В штольнях катакомб Аркадии охотились на крыс. Потом жарили на костре. В русле национальных традиций. Матросы Магеллана брали кусок солонины в рот, крыски подползали к лицу, и тогда важно не зевать. Хотелось скитальцам морей свежатинки. Зубы шатались. Он бы и сейчас хвостатой закусил.

Испанских сирот обучали диверсионной войне в одесском специнтернате «Детская тубсанатория № 3». Готовили взрывников, чтобы мстить, взрывать, крушить мосты и коммуникации. Все что прикажут. Харитон не мог выговорить слово «тринитротолуол». Толуолом они глушили в Аркадии бычков. Скудно, но ярко жилось, в сезон вообще почти сытно: бычки, абрикосы-жардельки. Баклажаны воровали с огородов и ели сырыми. Толуол он менял на конфеты-подушечки. У бандитов. Сейчас подушечки не делают. Из подрывного взвода его исключили. Как отстающего в развитии.

– Ты что-то сказал? – переспросил Харитон. – Ло сьенто (Мне очень жаль)…

– Буэнос тардес! (Добрый день!) «Шквал» – это переименованный легкий крейсер «Сьюдад де Тарагона». Не узнаешь?

– Ну и что? Да какой он в жо… крейсер? (по-русски). Старая галоша.

– Ты совсем плохой? На нем нас везли из Испании в Одессу! Ты там о…сал всю каюту.

– Не может быть?

– Ты не можешь о…сать, Хуанито?

– Не может столько лет плавать пароход.

– А он и не плавал, он был штабным судном дунайской флотилии, стоял в пресной воде, потому и сохранился.

– Где стоял?

– Ты совсем дрова. Жалею, что забрал тебя из дурки.

– Иди-ка ты, фрайер мутной воды, к … (уже по-русски)!

* * *

Невезение усугубилось и осложнилось в Дакаре, «Шквал» ошвартовали далековато от «Борея». И наступило… затишье. Новый экипаж почему-то не спешил переселяться на «Борю». Или их не пускали. По слухам, кто-то из новичков сдал перед отходом кровь на реакцию товарища Вассермана, и анализ через неделю показал положительную пробу. Правда, сифилис, как говорится, дело наживное.

Но извините, при чем здесь сифилис? Если русские могли бы давно выгрузить провизию. Ведь шипшандлеры и агенты (морские, не эмгэбэшные) от «Шквала» никак не зависят. Тогда почему их маринуют, не разгружают? Почему так наплевательски игнорируют? Унижают, в конце концов. Опять эти дурацкие принципы, распоряжения в пику логике рынка! В результате нагадят себе. Отвыкать стал от абсурда.

Наконец из трюма «Шквала» извлекли растопыристый рояль, и пассажирский помощник Заяц-Крикун уже опробовал его прямо на причале. Играл облегченное попурри. Под попурри и Ободзинского вирали ящики, мебель и неизвестное никому барахло. Харитоша приседал на уши, пошел поближе слушать (хотя лучше слушать издали и в филармонии). Ему нравился Ободзинский.

– А «Море» могешь? – заказал Харитон.

– Харитон Батькович, тебе море еще не надоело? – съязвил Заяц. И исполнил «Эти глаза». Он пел «эти глаза не против». Все смеялись. Хуан-Харитон удивлялся, что их рассмешило.

– Молодец! – похвалил Харитон. – Или тебе уже говорили?

«Сейчас матросы расколют мудака на курево», – прикинул Миша Родригес. Он пошел следом и раздал желающим халявщикам пачку америки.

Стали нервно смеяться и копаться. Что-то из добра, добытого в трюме, покатилось и забренчало.

– Хорош небрежничать! – кричал из глубин трюма, как из преисподней, боцман Катеринка.

* * *

Мишин спаниель облаивал преимущественно темнокожих.

В африканской стране это неосмотрительно.

– Роберто, хорош гавкать! – приструнивал ушастого Харитон. – А то получишь по жопе.

Беспомощный «Балканкар» наконец приземлился на причале. Как неисправный космический корабль. Погрузчик был не очень новым, но громоздким. Допотопным. Правда, балканкаровским, из поколения выработавших ресурс. Возможно, где-то на Усть-Илиме или музыкальной речке Бирюса. Якобы душевно позаботились об облегчении морякам погрузочно-разгрузочного геморроя. Но, увы, балканчик был не на товсь. Что-то не довезли из комплектующих. Или аккумулятор похоронили в другом трюме, чуть ли не на дне. И пока трюм глубиной с шестиэтажный дом не опустошат, погрузчик не оживет.

Собралась толпа мастеровых мужиков. Ротозеев и советчиков. И Харитон тут как тут.

– Если высокопарно и высоколобно, то невезение, когда погрузчик не везет! – некстати сострил третий электромеханик Николайчик.

Вместо облегчения усилий только прибавил работы, включая и волок его самого. Весил он четыре тонны. Но это только подзадорило. Кар поддевали трубами-вагами, мешая друг другу.

Под ногами путались добровольные волонтеры из тралового флота, не выдержали. Есть такая неистребимая черта у рашенских трудящихся, рабочая солидарность. Артельная работа за-

жигает. Ну никак труженик не может смотреть, как неправильно уродуются. Хватается за лом или вагу. Хотя формально рыбачки, которые объявлены дважды моряками (и на здоровье!), подчинены совсем другому ведомству, министерству рыбной промышленности.

– Лыпнуть, – заметил боцман Катеринка, – як мухы до гивна!

Но не прогонять же! Градоначальник Дюк Ришелье тоже мог вспылить. Вырывал у нерадивых лопату и демонстрировал, как копать лунки под заморские саженцы акации. И «матерь вашу» к месту употреблял. Как же без нее?

– Их, падлюг, за такие проказы хорошо бы вот на эти самые вилы, – заметили. Имелись в виду кованые вилы-рога погрузчика.

Миша Родригес тоже порывался подважить под погрузчик испанский домкрат, но его послали на три буквы.

– С таким колхозом хорошо говно хлебать! – резюмировал Миша. Без акцента.

Харитон тоже не смог преодолеть такелажного искушения и пошел помогать смотреть.

– Иди сюда, идиот, тебе катетер оборвут! – крикнул Харитону.

Но Харитон упорно лип к погрузчику.

– Этого мудака к такелажным работам не подпускать! – потребовал Миша от боцмана Катеринки. – Он – инвалид.

– Дитя войны? – уточнил боцман.

– Двух войн.

– Миша, ты стиралку привез? – спросил из ласт-порта директор ресторана Гудзь. – Я пришлю матросов, сейчас они раз-два – и стиралка в лузе!

Прислал двух официантов, которые даже волынили с отвращением.

Африканская жара делала свое. Мясные туши были утрамбованы в мятые ржавые контейнеры. На жаре они стали подтекать и проседать, у лужиц сукровицы уже суетились чайки. Мухи тоже не зевали.

Стали принюхиваться к провизии и срочно наладились майнать мясо слабосильным грузовыми стрелами «Горизонта». Все своими силами, с советами под руку и неприличным паром.

Хотя в десятке метров скучали башенные портальные краны «Либхерр».

В разгар такелажного столпотворения Харитон заметил, что какой-то неопознанный доброволец поволок из общей кучи лист бакелизированной фанеры. Которая водостойкая, не горит, не плавает, но не заговорена от воров. Причем несун нацелился не на «Борю», а на рыбоморозильный траулер-завод типа «атлантик-тропик». Промысловик взгромоздил тяжеленный лист чудо-фанеры на горб, запарился, и ветром его мотало по причалу, как морского змея. Факт такой вызывающей прилюдной кражи Харитошу перепахал. Он снова осознал себя проснувшейся ячейкой Амиго и взял след. За змеем Харитоша еле поспевал. Слалом завершился у слипа траулера. Харитон потянул лист на себя. От удивления промысловик отпустил добычу.

– Я тебе, жидовская морда, смазь сотворю! – пообещал похититель и пробным прицельно-прикидочным ударом промеж глаз сразил иностранного морского агента.

– Финеру тырят! – пискляво крикнул Харитон.

На базар подоспел боцман «Бори» Катеринка.

– Ты знаешь особиста? – спросил Харитон у Катеринки. Строго официально.

– Особист и есть для того, чтобы его не знали, а он все знал, – Катеринка уклончиво поставил на место спящего агента Харитона (Амиго).

Когда Миша Родригес вернулся к машине, в пикапчике забористо зашибало селедкой. Спящий агент после ранения спал. Миша брезгливо развернул промасленную газету «Водный транспорт». Селедка была жирной, порционной, ньюфаундлендской. Выяснилось, что боцман Катеринка выменял бочку селедки у траулерного боцмана Вакулыча на бакелизированную фанеру. Харитошу о чендже не оповестили. Когда боцман Катеринка презентовал тормозком с селедкой Харитошу, тот озадачился. Харитоша догадался, что Катеринка хочет заткнуть ему рот взяткой. За бартер. Он решил предъявить вещдок особисту (пока взятку не съели). Харитоша был неподкупен.

* * *

Глаз, который ему подбили, у Харитоши был наметан, вора он безошибочно вычислял в толпе. Потому что сам был вором. Еще до коллектора-распределителя (на Французском бульваре) Харитон был шнифтером, форточником. Мальца запускали в форточку (шнифт), а он уже изнутри открывал домушникам дверь.

Когда Харитошу взяли с поличным, оперы уголовки озадачились. По-русски короед говорил плохо, вообще языки ему не давались.

– Тебе светит немалый срок, – сказал следователь. Харитон блаженно улыбался. Будто обожрался белого хлеба.

– Но энтьендо! (Не понимаю.)

– Он по-русски понимает? – спросил следователь у женщины по борьбе с малолетками.

– Ни хрена не понимаю? – огорошил всех очень русским ответом Хуан-Харитон.

– А он нормальный?

– Отстает в развитии.

– Он не отстает, по-моему, оно у него просто прекратилось.

– Но я же иностранец! – нашелся Харитон.

– Ты политэмигрант и политэвакуируемый. Два в одном.

– Я буду жаловаться.

– Куда ?

– В Коминтерн, четвертый Интернационал.

– Так я коминтерновец, – доверительно признался следок. – Можешь мне жаловаться. Пор фавор эскрибало. (Пожалуйста, напишите все это.)

Улыбочка у соотечественника была соответствующей. Как у палача-любителя Ганса Поппельмана.

Пацаненок всем надоел. Хотели сбагрить его с рук долой, из сердца вон. Связались со школой юнг и чистосердечно предупредили:

– Он заикается.

Морских это не смутило, сказали:

– У нас все заикаются. Дети войны…

– Он еще и писается, – стращала милиционерша по борьбе с малолетками.

– У нас такие недержальщики – каждый второй, – подбодрили моряки. – Это наш клиент.

Школу юнг грозились расформировать (поток сирот иссяк), и воспитатели-надзиратели могли остаться без места, потому и набирали юнг.

В школе юнг висела «слепая» карта с кружочками населенных пунктов, нужно было угадать название. Возле карты томился малец. Преподаватель в морской форме тыкает указкой в точку (до дырки дотыкался), а малолетний моряк корячится. Искажается, выворачиваясь наизнанку:

– К-к– каа-э, к-а…

– Калуга! – не выдерживает географ…

– Калуга, – невпопад попугайничает Харитон.

Юнги (дети капитана порта) углубленно изучали английский. Это было слишком. Харитон толком не знал испанского и слабо владел русской феней. Выгнать же иностранца из школы юнг не имели права. Учитель-англичанин стал трезвонить в районо.

– Что-то делайте с ним, мэм, плиз, – сказал.

– Но у нас же нет школы для юнг с отклонениями в развитии, – чесали затылки в районо.

– Определите меня в школу троцкистов, – предложил Харитон. Все в головке перепуталось.

По строгому ходатайству милиции определили в цирк к факиру Авокадо (для непосвященных – Адвокато). Факир дружил с зеленым змием и был на крючке у милиции. Потому и взял. На должность полена. Хуан-Харитон залезал в ящик, а факир его распиливал лучковой пилой. Потом Харитон победно выскакивал и провозглашал:

– Салуд арманте!

Наэлектризованная публика удовлетворенно аплодировала.

– Рот фронт! – кричали солидарно.

Правда, была опасность, что Адвокато под мухой может его распилить всерьез.

Харитон подрос (на два сантиметра) и устраивался сам, где придется. В котельной учили пить денатурат. Его стошнило, и он испортил вахтенный журнал.

Для него было важно не что лучше, а что хуже. Скажем, команда «Динамо» или «Реал» (Мадрид). В историческом матче он, конечно, болел за «Динамо». Причастность к органам секретной службы не обязывала, но мобилизовывала. Вместе со всеми истошно кричал:

– Старшинова на мыло-о-о!

Динамовцы проиграли. Этнические испанцы Амиго намяли бока. Хуана-Харитона отбила конная милиция. Политэмигранты стали воспринимать Амиго стукачом, но теперь не приставали, шарахались.

В течение долгой жизни на полторы формации Хуан-Харитон попадал в разные передряги, но из своего горького опыта выводов не делал. А к потрясениям просто привык, притерпелся (в испанском языке нет аналогов) и не городил из неудач трагедии. Теперь он терпеливо уже несколько суток (!) ждал, когда выгрузят вино, спал в раскаленном, как душегубка, пикапе. И смотрел во сне Аркадию.

Он не хотел возвращаться в Испанию. Лучше уехать в Аркадию. Хотя ничего не якорило. Он никогда не был женат и не стремился изменить несемейное положение. И родными могилами не обзавелся. От этого невнятная его привязанность к стране проживания в целом без конкретики только усилилась. Никакой партии он не симпатизировал. Даже партии анархо-коллективистов имени Михаила Бакунина. Не критиковал и Франко не поносил на безопасной стороне. Это Миша, братан, забрал его из интерната. Для умственно отсталых инвалидов.

– Камараде Родригес, поедете на историческую родину, – объявили доктора. – Вам надо поехать.

Интернат был переполнен, не вмещал всех убогих.

– Мне не надо поехать! – ответил он, проявив характер.

Пригрозили электрошоком, и он поехал, куда не надо. На Лубянку. Там подняли из архива личное дело с псевдонимом Амиго.

– Спасибо за службу! – сказали.

– Служу Советскому Союзу! – отрапортовал, как учили.

– Уже не служите!

– Как так?

– Вы становитесь спящим агентом, – объяснили шепотом. – Ячейкой.

– Это оскорбуха! – одернул дознавателей Хуан-Харитон.

Он воспринял новое свое положение как «лушпайку».

– На время. Мы вас найдем там!

Когда спящий агент (или ячейка) вышел, уполномоченный покачал головой:

– Дрова! Совсем дрова!

Он, по сути дела, всегда и был спящим агентом. Пользы от него не было никакой. Но геморроя выше крыши. Только тронь.

В Испании ему все не нравилось. Еще больше. Писать по-испански он не умел. Иммиграционная служба снова не знала, что с ним делать. Он послал письмо товарищу Черненко, чтобы вернули назад. Но Черненко, как известно, помер.

* * *

На «Боре» в гаражной палубе была небольшая кран-балка, которую чуть не сломали. Но колесную недвижимость все-таки подняли.

– Здесь «Балканхрен» и умрет! – провозгласил общее желание боцман Катеринка. – Приказано плоское тащить, а круглое котить!

А как катить? Неуклюжие высокие контейнеры на хлипких колесиках. Эти капризные колесики заедают, крутятся, поворачиваются не вовремя и не туда, противно пищат. И обреченно отваливаются. Они предназначены для переходного периода, чтобы, скажем, выставить контейнер на пандусе, обеспечить подход к нему, а дальше стропить к крану или везти цивилизованно исправным погрузчиком. Лучше фирмы «Катерпиллер». Чтобы контейнер никого не расплющил.

Власти предлагали свои транспортные услуги, техника для этого имелась в ассортименте и дразнила неподалеку. Как на выставке достижений сенегальского хозяйства. Власти объяснили доступно по-русски, слава богу, толмачей хватало, порт был ориентирован на советский траловый флот. Командование «Борея» твердо, но стыдливо от такелажных услуг отказалось. Даже рас-

сердилось. Местные другого расклада и не ожидали. К нашей неосмотрительной скаредности привыкли, только фыркали вслед.

Перемещали контейнеры с помощью… известного пара. Пара и пар рабочих рук. Рук и ног было в избытке, выше критической массы.

– Заноси корму ему! – командовал боцман Катеринка. – Корму, сказал, юзом, юзом…

– Что-о-о?

– Не елозьте!

– Мы же котим!

– Все равно шкрябает!

Из проема ласт-порта высовывается пассажирский помощник Заяц-Крикун (он уже не музицирует) и говорит под руку:

– Нет, не успеем!

– Вас придется за упаднические настроения уволить, – натужно обещает боцман Катеринка. Он сидит на корточках, подваживает бревно. На носу висит капля.

– Сорвем круизы! – обреченно паникует пассажирский. Пораженец.

Боцман показывает ему кулак и роняет бревно. На ножку доктору Гриве. Доктора поставили дежурить и следить за безопасностью погрузки, а он, советский труженик, не выдержал и стадно кинулся к рычагу второго рода в виде бревна березы. Нигде в мире нет таких берез и таких беззаветных докторов.

– Тралмастеру Селедке прибыть в рыбцех! – требуют по трансляции с БРМТ-481 Мурманского пароходства.

– Дамскому мастеру товарищу Олему срочно сдать обходной лист, – это уже с «Бори». Фамилию О'Лем иногда пишут с апострофом на ирландский манер, хотя у барбера молдавские корни. Обходной лист у него выкрало заинтересованное лицо, мужская парикмахерша Кисса. Чтобы он, О'Лем, не возвращался в семью.

С отстраненным сочувствием к какофонии жадно прислушивается из фургона-грузовика шипшандлер Миша Родригес. Белый человек. Ему приятно внимать. Он снова среди своих. Если кто-то из поставщиков возмущается, он с удовольствием ставит его на место. Кроме вина и стиралки Родригес привез для парохода какую-то мелочевку, срочную и не шибко,

канцпринадлежности, скрепки всякие для разгону. И ждал разгрузки почти с наслаждением. Он привык к очередям в Стране Советов, где не просто вырос, а где фактически жизнь промелькнула. Он просто продолжал жить в очереди. Правда, здесь номера на ладонях не писали.

Бурлакам-волокушам надо было преодолеть метров триста. Асфальт, конечно, не выдержал, его повредили. Все участники были густо перепачканы мясной кровью, будто затеяли жертвоприношение. Темнокожие власти боялись замараться, плевались издали и категорически запретили издеваться над покрытием. Наши огрызались, «демонстрируя расизм» (если озвучивать претензии без купюр). Рыбаки с местными особо не церемонились. Когда большую часть объемов с мучениями перетащили, сенегальцы принялись принудительно грузить своими техническими средствами.

Руководил рейдерской перегрузкой высокий статный негр в полувоенном хабэ, то ли из портнадзора, то ли из карантина.

– Они вам счет вломят, учтут перегрузку всего объема, – заметил по-русски шипшандлер Миша Родригес, он знал порядки.

Негр обернулся и молвил очень по-русски:

– А хули? Конечно, вломим! – стивидор закончил Одесское объединенное командно-инженерное училище.

Счет выписали с лихвой, он перекрыл даже маячившие штрафы, власти гуманно не стали настаивать на штрафах за порчу имущества и настроения.

* * *

Все бы ничего, но в трюмах обнаружили и вовсе чужое имущество, видимо, по ошибке доставленное в Африку (!). На ящиках (генеральных грузах в генеральной таре) обнаружили бирки «т/х «Феликс Дзержинский». А «Феликса» давно передали Дальневосточному пароходству. Такая вот шарада.

Заблудившиеся ящики разбрасывали небрежно и злобно. Но старпом Ложный случайно обнаружил на одном генеральном тюке еще адрес «т/х «Моздок». «Моздок» давно потонул, получается, приняли сдержанный привет с того света, и это Ложного

насторожило. Радиостанция на стоянке была опечатана, но дотошный Ложный все-таки через посольских связался по правительственной связи со службой МТС (не машинно-тракторной станции, а материально-технического снабжения). Пароходства.

– Зачем нам гардероб с покойника? – оскорблялся по радио Ложный.

– У вас уже покойник? – спросили строже и деловитее.

– Нам доставили запчасти для «Моздока», который давно утонул.

Там объяснили, что все, предназначенное «Моздоку», «Феликсу» (и остальным живым и мертвым) в последний момент переадресовано «Боре», который все-таки на передовой круизного фронта. А потом переуточнили:

– Так у вас покойника нет? – прямо настаивали.

– Будет! – пообещал от отчаяния (шутя) старпом Ложный-Сложный. Будто накаркал.

– На «Боре» покойника откопали! – передали по морскому телефону бурлаки.

Миша Родригес проверил наличие личного состава в личном транспорте. А Харитоши след простыл. Хорошо если пошел качать права за нокаут на «атлантик-тропик». А если отлучка его не вызвана потребностью реванша? А вдруг Хуан вообще отмучился? Сначала Миша насторожился, потом всполошился. Потом пошлепал обходить акваторию. Больше ему делать нечего.

– Жмура не видели? – в лоб спрашивал у рыбаков.

– У нас в каждом рейсе жмур, – отшучивались. – То тралом размозжит, то волной кого смоет… То ядовитая рыба укусит. Работа такая.

Нашел Харитошу на судне-снабженце «Механик Висловухов». Братан в длинные нарды с рыбачками гулял, игру особо популярную в исправительно-трудовых учреждениях. Играли на интерес. За ходом поединка наблюдали чайки с лееров и марсовые матросы с марсовой площадки. На мачте. На локаторной площадке устроились бакланы. У них зрение хорошее, они рыбу на глубине четырех метров различают.

– Стопарик потянешь? – спрашивает Харитон миролюбиво. Он выпивши, причастился у рыбачков фундадором.

– Какие новости? – интересуется Миша Родригес у братана.

– Плохие или хорошие?

– Плохие, конечно, хороших не помню.

– На «Шквале» нашли труп, – докладывает Хуан-Харитон брату. – Будем здесь вялиться до второго происшествия.

– Где нашли?

– В трюме отдыхал.

– Что, в трюме нашли жмура? – спросил для проверки Миша Родригес у боцмана Катеринки.

– Пока нет, но скоро найдут…

* * *

Все добытое и добитое подавали на гаражную палубу «Бори» кран-балкой, а оттуда грузовыми лифтами на склад или в машину, или в медблок. Куда кому. Из-за стесненности внутри парохода волокли снова вручную, все равно никто не видит.

Экипаж «Борея» стал возить на ручных тележках суррогатное шампанское. Которое в отместку капиталистам продолжали упрямо именовать в коносаментах советским. Иностранцы пиратское шампанское, как известно, изыском не признают, но халявно пьют за милую душу.

Причащались, но не злоупотребляли. Кто-то показывал страшные рожи зеркалу и таранил германской работы зеркало с усиленной амальгамой в коридоре люксов палубы «Орион». И, естественно, смылся с места аварии.

Вдоль коридора по маршруту движения стояли с интервалами, как линейные на параде, рабочие склада. Их привилегированность была нелогичной, им бы в силу незамысловатых обязанностей самим горбатиться, а лодыри пристроились контролерами. Бугор грузчиков Степа Дрын заметил, как кативший тележку рефмоторист Афанасий Де-Тилонг (потомок в энном поколении голландских мореходов) вынул из ящика зубами бутылку шампани и опустил за пазуху своего комбинезона. Харитон тоже заметил. Финт был ему знаком еще с цирка, когда работал с пьющим факиром Адвокато. Забавно, что все фигуранты дивертисмента – и Харитон, и Степа Дрын,

и Де-Тилонг – были непьющими. Степа Дрын сделал стойку, метнулся к Де-Тилонгу, изъял у потомка из-за пазухи бутылку, водрузил ее в ячейку коробки, оскорбленно вырвал тележку и сам покатил.

Грузчики (по судовой роли рабочие склада) были обособленной производственной ячейкой, форму не носили и не требовали, работали скрытно ниже ватерлинии, где размещался склад. Среди этой деклассированной публики попадались малограмотные, которые писали печатными буквами. Учет перенесенного груза они производили электронными арифмометрами, потому что таблицы умножения не знали.

Казалось, эти носильщики-тянульщики прибилась откуда-то с Привоза, взяли подряд на шабашку и при этом не обещала рвать пупки.

* * *

Бочки с вином из гаража к складу грузчики спускали с разгона по деревянному желобу. Чтоб не перетрудиться. Внизу на финише скоростного спуска примастырили для умягчения и амортизации многострадальный диван. На этом диване иногда отдыхал бугор Степа Дрын.

– Трымай! – крикнули с грузовой палубы и катнули бочку на триста литров по бобслейной трассе. Матрос на складе заботливо убрал диван Степы Дрына (якобы чтобы не размозжить в щепки), бочка с ускорением врезалась в пиллерс (стальную стойку). Затрещали вековые дубовые доски, потух свет. Матросы в потемках остервенело доламывали бочку, цедили вино. Вино с мусором сливали прямо в нержавеющие поддоны, запасались впрок.

На судах работали люди в активном возрасте, когда хочется новых ощущений и грех не выпить на халяву. И организм еще не изношен. И добавить. Все эти сержанты и старшины попали в загранку после уставных ограничений и каботажного безденежья. Что им бочка? А бочка-то знатная. Труп Нельсона в такой бочке с ромом везли с мыса Трафальгар в Англию. Предъявить королеве. И хлебнуть из бочки ромика на посошок.

Миша Родригес прислал разбираться стивидора Харитона, он поставщик вина. Харитон Родригес увидел, как раскурочили бочку, сел на проваленный диван… и заплакал. Потом прилег. И закрыл глазки.

– Какой позорняк! – горько резюмировал боцман Катеринка. – Бочка-то с выслугой, можно сказать, фамильная.

Кликнули по трансляции доктора Гриву. Грива, хотя сам был легко ранен «Балканкаром», приковылял с лечебным костылем, послушал больного, сделал укол в вену и рекрутировал матросов с носилками.

– Вызовите скорую! – приказал доктор Грива.

– Йямэ а-унанмбьюансья! – перевел для полицейского Заяц-Крикун.

– Вот варвары! – возмутился Миша Родригес. – Той бочке триста лет, она в три раза больше стоит, чем сам шмурдяк! Какая глупость!

– Вся наша жизнь состоит из глупостей, – философски углубил отчаяние пассажирский помощник Заяц-Крикун. – Зачастую приятных…

Степа Дрын закатил пострадавшую бочку в провизионную камеру и дверь запер на убедительный висячий замок. Из другой камеры напротив кто-то бренчал.

– Стучат! – напомнили Степе Дрыну, хотя тот и так слышал.

– Не спортится! – процедил Дрын. – Не будет больше тырить!

Степа воспитывал запертого минут двадцать.

Когда отпер дверь, из камеры вышел слегка посиневший рефмашинист Де-Тилонг (тот самый, который стырил бутылку шампанского). Вышел в шортах и фуфайке. Рефы напяливали дежурный ватник, когда шли в камеры. Якобы ремонтировать батареи. Но в провизионке регулярно пропадали королевские креветки.

– Степа, ты – фашист! – припечатали. И плюнули. И разошлись.

* * *

После выпивки, как водится, полагается закурить. Лучше тоже на халяву. Матросня, которая под занавес не собиралась идти на рекорды, кучковалась возле «вольво» Миши Родригеса.

– Стиралку прокрутили? – спросил Миша у Зайца-Крикуна.

– А обмыть? – напомнили.

– Уже обмыли, – заметил матрос Вертлюга.

* * *

Эмбьюлансная тачка не смогла проехать к борту, матросы еще с полкилометра несли больного вдоль пирса.

– Кажись, не дышит, – сказал один из них. – Отдуплился.

* * *

Через месяц «Борей» снова пришел в Дакар. Степа Дрын выкатил порожнюю бочку из камеры и поставил для обозрения. После пристального ремонта бочка сияла свежим лаком и новыми медными обручами. Подходили, щупали.

– Степа – супермайстер! – сказал в бочку матрос Вертлюга.

– Да ты, Степа, еще и по бондарному делу понимаешь? – хвалили.

– Поживешь, курва, в деревне, все будешь понимать, – хмуро парировал лесть Степа Дрын.

Бочка действительно была реставрирована на совесть и проверена на герметичность. Дубовый материал выделил боцман Катеринка. Добро дал помполит Тупиков.

– Что я могу сказать? – заметил Николайчик. – Муй бьен! (Очень хорошо!) Вернем в лучшем виде. Так и должно быть между порядочными партнерами. В час добрый! Во вторую бочковую жизнь. Или третью. Тем не менее трудно представить, что поставщик захочет иметь с вами дело.

– А ведь Харитоша и не поставщик был вовсе, – заметил боцман Катеринка. – Так, на подхвате. Дедушка на побегушках. Грех говорить, но вовремя помер. Хозяин бы ему голову снес напрочь. В совке его фонтанская шпана метелила в 39-м, в эвакуации в Казахстане местные. По амнюхе уехал в Испанию… Приехал, сказал: «Здрасьте вам!» – а на него смотрят как на нахлебника, которого давно списали. Он же не на фешенебельном Гран-Канария поселился, а на другом острове,

на Тенерифе. Или Лансароте. А там тоже все хлебные места заняты. В совке ко двору не пришелся и здесь лишенец. К «Боре» добирался с бочкой на пароме, тратился, хотел копейку срубить…

К борту Миша Родригес не приехал. Кровно обиделся.

* * *

Когда матросы не очень аккуратно волокли носилки (полагали, что несут уже жмура), Харитону снился слепящий игольчатыми огоньками тоннель. Путь туда. Все его проходят. Ритуальная традиция. Так бывает. Но в тоннеле к нему подбежала крыска, усатая, добрая. Почему-то в фартучке. Харитон ее погладил по головке. У испанцев к крысам нет отвращения. Как и пиетет у них не прорезается, если без соплей. Это индусы обожествляют петухов.

Испанским детям хулиганить на Тенистой нравилось. Рядом сточная канава, где полно крысок, и в катакомбах крысятник. В прибрежных штольнях испанцы жарили усатых на костре и кушали. Такая вот вековая традиция у народа. Закусывали крысами и в эвакуации в Куня-Ургенче. Там арыки кишат грызунами. Чего греха таить, Харитон знал изнанку жизни. И смиренно поспешал за усатой. А зачем она вела его? Для раскаянья? Никто не ведает. Это она знает. Всем нам этот путь уготован, кому раньше, кому завтра…

* * *

Снова через месяц пришли в Дакар, а на причале скучает пикап Родригеса. Из пикапа выходит… дедушка Хуан-Харитон (!). Убедительно живой. И машет им.

– Ола! – истошно кричат ему.

Вроде просачковал и вернулся. Все остолбенели. Боцман Катеринка перекрестился. Для общего смеха и торжества дальнейшей жизни. Харитон Родригес прикатил с братаном Мишкой Родригесом за бочкотарой, испанская сорока донесла до них новость о регламентном ремонте бочки…

* * *

А дальше (если вернуться к предсмертному мультику) крыска все вела Харитона по тоннелю. Он прикинул: «Раз крыска бегит, может, это отсрочка обломилась, может, загробная амнюха маячит, обойдется?».

Крыска вывела Харитона из подсвеченного диодами тоннеля к ведомственному пляжу. Хотя по всем показателям он был полноценным кандидатом туда. В один конец. В живописной укромной бухточке был солярий санатория имени товарища Дзержинского. Жены чекистов с ромбами загорали на нем неглиже. В основном в возрасте и полные. Хуан-Харитон стал через дырку от сучка подсматривать за ними, как в детдоме. И возбудился. И ожил. Воскрес по всем канонам.

* * *

В матросской каюте левого борта надрывался магнитофон, вывешенный из иллюминатора. Так принято гулять в нашей кантри. Музыкальная гласность с восторгом и опаской воспринята провинцией. При этом монотонно забойную музычку включают в знак протеста. В каюту уже из коридора стучит, ломится начальство, зондеркоманда Зайца-Крикуна. Но хозяин каюты ее предусмотрительно запер и наблюдает за хипежем с причала. Ключ у него в кармане. А сам он клянчит сигареты у шипшандлера Миши Родригеса. «Марльборо», конечно, без акцизных марок, контрабандные.

Обычно в кафешку, что в Одессе у Горсада, приходит скиталец морей, заказывает шипучее красное и небрежно швыряет на стол пачку «Марльборо». Чтоб видели. И заинтересованные фемины сразу делают стойку. Шмалить америку на рыбном причале Дакара – дурной тон. Как пить водку помимо пива. Или слушать под одеялом классический блатняк?

– А гости стали фрейлехс танцевать, – резюмировал Заяц-Крикун.

– Вы бы не шибко расслаблялись, ребята, – заметил Миша Родригес. – Нельзя терять бдительность. Это Дакар, а не Жмеринка!

Шипшандлер Миша Родригес расчувствовался, разорвал картонную коробку, заказанную старпомом, и щедро угостил

матросню. Разумеется, за счет старпома Ложного-Сложного. Тоже в наших нерушимых традициях. Все-таки рогатые (матросы) как подчиненные старпома заслужили американского дымка.

Харитона-Хуана обнимали и тормошили.

– Хуан воскресе! – провозглашали. – Жалеешь, что уехал за бугор по амнюхе, тореадор? – приставали. – Ты же свой пацан, Хуанчик, наскрозь ватник. А ватников легче дурить.

– А хули жалеть, – отбояривался Хуан. – Поезда ушли… Нас же никто не выгонял силком. Да и вы здесь под боком… Дело привычки.

– Это как привыкаешь дышать испорченным воздухом, – переобъяснил на полупальцах матрос Вертлюга.

– За ОГПУ! За тебя, Хуанчик! – боцман Катеринка поднял двухлитровую рюмку (из пластиковой бутылки со срезанным донышком) и передал по кругу. – При прежней власти такого варварства бы не допустили.

– Ты что, женился, Харитон? – интересуются. – Расписался?

– Я что, больной? Мы гражданским браком живем.

– Невеста с города?

– А… С села… С кишлака…

– Значит, местная? Хорошо!

– Не, не местная. С Мавритании…

Невесту Харитон взял особо темнокожую.

Принесли тулку-трехрядку.

– В тумане скрылась милая Одесса-а-а, – Миша Родригес растянул меха… – золоты-я-я агоньки-и-и, – Хуан-Харитон пел с настроением, предъявляя беззубый рот.

– Миша Родригес, ты стиралку привез? – перебил гала-концерт из ласт-порта директор ресторана Гудзь.

– Деньги за бочку! – дерзко приструнили ресторанщика.

– Аста пронто! (До скорого!) – отбоярился тот.

– Миша, тебе за демпинг стиралок харю намылят, – поостерег матрос Вертлюга.

Из-за плеча ресторатора высунулась голова в бигудях, как в бутонах. Которые пока не распустились.

– Ты сегодня, Ноля, как Коко Шанель, женщина-миф, – подбодрил Заяц-Крикун зеленщицу Нольку Годыну.

– Вы мне? – с недоумением и ломовым кокетством. – Хуан Мигелевич, вас можно поздравить с браком?

– А… пора уже…

– Что, жинку держать?

В вопросе Харитон усмотрел издевку.

– Я – долгожитель! – гордо заявил всем. – Миша, как думаешь, в чем секрет моего долголетия?

– В том, что ты из меня кровь пьешь.

От Харитона пахло селедкой.

2021, март

Виктория Колтунова

Азамаха

Солнце, поднявшееся над Иудейской пустыней, осветило бронзовое зеркало, прислоненное к парапету, ограждавшему край обрыва, извлекло из его глубины золотистое сияние. Зеркало принесли и поставили здесь вчера два черных нубийца, слуги военачальника Элиэзера Бен Яира для его жены Наамы. Наама примеряла новое платье из зеленого шелка, но оно слишком обтянуло ее живот, всего три новолуния оставалось до рождения ребенка. Азамаха помогала ей одеться. Платье, недавно сшитое, не годилось уже, и вряд ли сгодится после родов, когда увеличится налитая молоком грудь. Подумав, Наама протянула платье Азамахе, своей юной рабыне. У девушки заблестели глаза: какой нежный шелк, какая роскошь! Она и мечтать не смела о таком. Правда, Наама обещала дать ей вольную, когда Азамахе исполнится семнадцать лет, а это будет очень скоро, примерно тогда, когда родится шестой ребенок Элиэзера. В честь его рождения Наама дала обет сделать богоугодное дело, отпустить на волю рабыню Азамаху и даже пообещала выдать ее замуж за свободного иудея, с хорошим приданым. Мало кто из свободных евреев согласится взять в жены бывшую рабыню, но она родилась в доме уважаемого всеми знатного человека, Элиэзера Бен Яира, а это много значит. И большое приданое тоже сыграет свою роль.

Азамаха не могла пожаловаться на свою госпожу, Наама всегда обращалась с ней хорошо, девушка не было обижена ни едой, ни одеждой, ни отношением. У евреев рабы находились на положении младших членов семьи, и даже когда хозяева предлагали им волю, а это по иудейским законам происходило каждые шесть

лет нахождения раба в доме, некоторые отказывались, давая проколоть себе ухо на пороге дома в знак того, что данный раб принадлежит этому семейству и остается в нем добровольно.

Но Азамаха уйдет обязательно. Она мечтает о свободе, о собственном хозяйстве, муже, детях. Ранним утром она прибежала к зеркалу, оставшемуся у парапета, чтобы примерить перед ним новое платье. Легкий шелк охватил ее фигуру, оттенил зеленые глаза и ярко-рыжие волосы. У Азамахи захватило дух, когда она увидела в зеркале свое тонкое гибкое тело, по которому струился зеленый шелк, свое лицо, которое было так красиво. Она прибережет это платье до свадьбы, выйдет в нем замуж за свободного человека!

Снизу потянуло дымком, защекотало ноздри. Это римляне, осадившие крепость, развели утренние костры, чтобы готовить на них себе завтрак. Дым от костров отрезвил Азамаху, напомнил, что римляне осаждают Массаду уже три года, и конца и края этой войне не видно. Хоть бы все окончилось до ее семнадцатилетия, тогда они спустятся с горы в Иерусалим, снова будут жить в своем богатом доме, все потечет по-прежнему, гости, застолья, отъезды Элиэзера по своим делам и приезды, когда начинается веселая суматоха, радостный визг детей, беготня служанок с подносами, полными инжира, фиников, винограда, орехов…

Как Азамаха любила эти дни, когда возвращался из поездок господин, и вся огромная семья, свободные слуги и рабы выбегали навстречу, кроме Наамы, которой не приличествовало бегать и суетиться. Она ждала мужа в своих покоях.

Азамаха загрустила, вспомнив свою мать, рабыню Нимейру, белокожую берберку с такими же рыжими волосами, как у Азамахи. Нимейра умерла два года назад от сильной простуды, не помогли ни горячее питье с шафраном, ни разогретые на очаге и уложенные на грудь и спину глиняные таблички. Ни даже заговоры старой повитухи Шулы.

Именно Шула рассказала ей историю ее появления на свет.

А было так.

В тот день в доме Элиэзера принимали гостя, финикийского купца из Берита, приехавшего в Иерусалим по своим торговым делам. После ужина гость отправился в свою комнату и вскоре

прислал к Элиэзеру слугу, который передал, что гость жалуется на холод и просит затопить камин. Зима в Иерусалиме бывает и холодной. Хозяин распорядился затопить камин, отнести гостю покрывало из верблюжьей шерсти и заодно для развлечения и большего тепла отослал ему на ночь рабыню Нимейру, в знак гостеприимства, словно кусок халвы на подносе.

Утром гость попрощался с хозяевами, а рабыне Нимейре кинул дешевенький медный браслет с изображением льва и львицы.

От заезжего финикийского гостя понесла Нимейра свою будущую дочь, свою будущую копию с рыжими волосами и зелеными глазами, Азамаху, и родила ее без единого стона, легко и быстро. А легкими родами обошлась потому, считала Нимейра, что тот медный браслет со львами стал ее амулетом, от львицы, считала она, обрела силу женскую, а ото льва – силу духа.

И перед тем как отойти в вечность, Нимейра сняла со своей руки и надела на запястье Азамахи браслет, который должен был придать ее дочери женскую силу львицы и силу духа льва.

И сейчас Азамаха заметила, как красив медно-красный браслет на фоне зеленого блестящего шелка платья, не могла отвести глаз от своего отражения в зеркале и думала, что когда окончится война, она выйдет замуж и никогда-никогда не снимет амулет, который приблизит к ее ко львам.

Азамаха и мысли не допускала, что война может не кончиться или кончиться плохо для иудеев. Да, три года назад пал Иерусалим под ударами войска императора Тита, в Иудее окончательно и полностью воцарилось римское владычество, тысячи евреев, попавших в плен, были вывезены в Рим и позорно проведены в цепях под триумфальной аркой. А тем, кто не пожелал такой участи, пришлось бежать в горы, горстке канаимов – еврейских воинов, их жен, детей и пожелавших бежать с ними слуг, а всего воинов было 1000 человек. Они обосновались в древней крепости царя Ирода и держали оборону, поливая сверху римлян кипящей смолой и забрасывая их камнями. Римляне насыпали с западной стороны гору, подходившую почти до самого верху Массады, и за день успевали пробить в крепостной стене брешь, но за ночь евреи восстанавливали стену, и утром римлян снова встречал поток смолы и камней.

Пятнадцати тысячам римских хорошо вооруженных и обученных легионеров противостояла всего тысяча евреев, но в крепости было достаточно запасов продовольствия и воды благодаря хитроумным акведукам, подававшим воду из двух ближайших ручьев.

Азамахе было все равно, кто правит Иудеей, еврейские цари или римляне, она всегда считала, что ее положение в доме Элиэзера Бен Яира не зависело от высшей власти. Если победят римляне, значит, их станет еще больше на улицах Иерусалима, вот и все, что она понимала в войне.

Мимо пробежало несколько канаимов – еврейских воинов, они спешили в сторону главной площади крепости, а со стороны лагеря римлян донесся ровный гул идущих во множестве ног и скрип телеги, на которой воины тащили наверх по насыпи таран.

Со всех сторон гора Массада неприступна, высота ее тридцать метров от земли, по восточному склону вьется узенькая почти отвесная «змеиная тропа», отсюда крепость взять невозможно, но римляне расположились лагерем с западной стороны, более пологой, и с той стороны соорудили насыпь до самой вершины Массады.

Подул сильный ветер – и в воздухе закружились тонкие, почти невесомые частички гари. Что-то произошло, тревожно подумала Азамаха и поспешила домой. У дверей ее встретила старая Шула, которая, раскачиваясь от горя и плача, рассказала, что римляне тараном пробили внешнюю каменную стену и подожгли внутреннюю деревянную. Стена пылает, и вскоре враг будет здесь. Все кончено, причитала Шула.

Элиэзер собрал на площади воинов и держит речь, сообщила она, лишь три десятка храбрецов отбивают пока вход в крепость, им помогает огонь горящей стены, но скоро она прогорит и…

Внезапно Шула перестала плакать и поманила к себе Азамаху корявым иссохшим пальцем.

– Послушай, девочка, там, в развалинах дворца царя Ирода, есть тайный вход в его сокровищницу, о которой говорила мне моя мать. Я сказала Элиэзеру, что мы можем все сдаться в плен римлянам, а потом за эти сокровища выкупить себя из рабства, так позволяет римский закон.

– И что?

– Он ответил, что убьет меня, если я кому-нибудь скажу об этом.

Шула вновь зарыдала.

Азамаха, оставив плачущую старуху, бросилась на площадь.

Там скопилось много народа, в центре мужчины, а женщины, державшие на руках детей, позади. Элиэзер стоял на возвышении и, протянув правую руку в направлении людей, говорил громко и внятно, так, чтобы каждое слово было понятным и доходило до собравшихся.

– Евреи, мы свободный народ, – говорил он, – ибо нет над нами иного господина, нежели Всевышний. Нет и не должно быть никого, кто мог бы управлять нами, кроме наших царей и самого Господа Бога над ними. Римляне пришли на нашу землю в числе многих легионов, пять месяцев воевали за наш Святой Город и взяли его, когда там окончилась еда и люди стали умирать от голода, и разрушили Храм наш, и глумились над нашими святынями. И тысячи тысяч наших собратьев и жен иудейских увели в плен и подвергли глумлению, и продали их в позорное рабство язычникам. Разве вы хотите такой участи, евреи?

И толпа загудела: нет!

И Элиэзер продолжил.

– Нас только тысяча воинов собралось здесь, и пятнадцать тысяч вооруженных и закаленных в боях римских воинов, два легиона, за которыми стоит мощный Рим, а нас только горстка. Но мы выстояли тысячу дней, столько же, сколько нас всего, по дню на воина. Три года мы держались тогда, когда к римлянам подходили все новые силы, а наши только таяли. И вот настал день, когда сопротивляться стало бессмысленно. Но разве мы покрыли себя позором, разве не показали пример мужества и стойкости, разве нам стыдно за себя, евреи?

И толпа загудела: нет!

И Элиэзер продолжил.

– Через два часа враг будет здесь, будет насиловать и бесчестить наших жен, а детей уведет с собой и продаст на базаре язычникам, и они будут рабами, и забудут свою кровь и святую

веру. Но я знаю, как спасти нашу честь и не дать врагам торжествовать над нами.

Идя сюда, мы были готовы к смерти, примем же ее сейчас, ибо лучше смерть, чем позорное рабство. Римляне не проведут нас в цепях под триумфальной аркой, войдя в Массаду, они застанут только мертвых ее защитников и женщин. Готовы ли вы, евреи, умереть, но не достаться в виде добычи врагу?

И толпа загудела: да!

И Элиэзер продолжил.

– Наша вера запрещает нам самоубийство. Потому я решил так. Каждый воин своим мечом заколет свою жену, детей и слуг. Потом десять воинов, отобранных по жребию, заколют всех остальных, а один из них, выбранный по жребию, убьет девятерых, а сам покончит с собой. Мы сожжем все наши одежды и утварь, чтоб они не достались врагу как добыча, но оставим запасы продовольствия и воды, чтобы враг знал: мы умерли не потому, что у нас кончилось продовольствие, а потому что не хотим дать ему насладиться победой. Мы умрем сейчас не рабами, а свободными людьми. Вы согласны, евреи?

И толпа загудела: да!

– Несите глиняные таблички для жребия, – крикнул Элиэзер.

Азамаха стояла пораженная. Вот как, значит, окончится ее жизнь, не будет ни свадьбы, ни возвращения в родной Иерусалим, о котором она так мечтала. Еще полчаса – и ее поразит меч, разорвет ее одежду, а потом кожу, проникнет в сердце. Это больно? Будет очень больно?

Но ведь она не еврейка, почему она должна умирать? Это их еврейская война, это они хотят лишить римлян законной добычи, а она берберка, какое ей дело до их чести? Через три новолуния ей исполнится семнадцать лет – разве это возраст для смерти? Римляне лично ей ничего не сделали, они захватили столицу Иудеи, но она не иудейка, не еврейка, ей все равно, кто правит в Риме, кто в Иудее, она просто хочет получить вольную, обещанную ей госпожой, и выйти замуж за свободного человека, как обещала Наама, а теперь из-за принципа чести евреев она должна умереть. Как это несправедливо!

Элиэзер руководил сожжением имущества обитателей крепости, велел засыпать камнями ход в сокровищницу царя Ирода, золотые и серебряные слитки, драгоценные камни не должны достаться врагу. Засыпать так, чтобы не было видно, что там был вход. Запасы еды снесли на площадь: смотрите, римляне, мы здесь ни в чем не нуждались, кроме нашей свободы!

Затем он отправился в свой дом, где ждали его беременная жена и дети.

Наама встала при его приближении.

Он посмотрел ей в лицо, опухшее от беременности.

– Прости меня, Наама.

– Мне не за что прощать… старшие дети, они…

– Да.

– Коли меня прямо в живот, чтобы одним ударом… Иначе я умру, а ребенок еще будет мучиться внутри меня…

– Да. Так будет правильно.

Они обнялись, и Элиэзер нежно поцеловал жену.

Она прижалась к нему всем телом, потом отстранилась, выпрямилась и закрыла глаза…

Азамаха сбежала с площади и забилась в угол между стеной самого заброшенного дома и каменным парапетом, ограничивающим обрыв плато Массады. Ее тошнило от страха, от запаха крови, доносившегося изо всех дверей, от стонов умирающих женщин и пронзительных криков детей. Она вся тряслась и повторяла, словно уговаривая себя: «Я не еврейка, я не должна умирать с ними, это не мое дело, не моя война».

Внезапно она сообразила, что находится в ненадежном укрытии, римляне легко найдут ее тут. Надо спрятаться в доме Элиэзера, в дальней части есть маленькая кладовка, куда сбрасывали ненужные старые вещи, может быть, солдаты не заметят неприметную дверь.

Азамаха пробежала через двор, стараясь не глядеть на мертвые тела, распростертые на залитых кровью плитах, и вбежала в дом. Вот эта низенькая темная дверца, ее почти не видно. Аза-

маха влетела внутрь, закрыла за собой дверь и села на опрокинутый вниз горлышком кувшин, обхватив голову руками.

Когда все кончится, она выйдет ночью, сейчас светит полная луна, и она легко найдет выход на змеиную тропу. Спустится вниз и пойдет искать людей, что будет дальше – неважно. Лишь бы остаться в живых.

Когда римские солдаты, извергая рев из тысяч глоток, в восторге и упоении победы ворвались на плато Массады, их встретила гробовая тишина. Лишь налетавший порывами ветер из Иудейской пустыни метался между тридцатью семью сторожевыми башнями крепости, издевательски завывая и хохоча. Двери всех домов были открыты, но дома были пусты. На главной площади лежали тела иудейских воинов, но следов борьбы не было видно, то, что гибель их была добровольной, не оставляло сомнений. Во дворах, также в спокойных позах, лежали женщины и дети.

Открыто и насмешливо на главной площади высилась гора сушеного мяса коз, фрукты и глиняные кувшины с зерном. В каменных цистернах была вода.

Более никакой добычи, ни будущих рабов, ни красивой одежды, ни золотых украшений, ни дорогой утвари, лишь на восточной стороне огромное пожарище, где слились в единый запекшийся, черный от копоти ком бронзовые блюда, покореженные меноры, медные застежки сгоревшей одежды, источавшие дурной запах обгорелые остатки кожаных сандалий и даже женские щипчики для удаления лишних волосков.

Потрясенные, растерянные, солдаты разбрелись по Массаде в надежде отыскать хоть какую-нибудь мелочь, чтоб принести ее в качестве законной добычи своему полководцу Флавиусу Сильве, но ее не было.

Азамаха напряженно прислушивалась к тому, что происходило снаружи, вне ее маленького убежища. Она слышала топот ног римских солдат, обыскивающих дом, их недовольные возгласы и грубую речь. Рожденная уже в эпоху римского владычества в Иудее, она хорошо понимала латинское наречие, столь отличное от иврита. Вот уже уходят, подумала было она, когда дверца

в кладовку распахнулась. Солдат заглянул внутрь. Азамаха почувствовала крепкий отвратительный запах мужского пота.

– Здесь ничего нет, – крикнул он.

Второй солдат заглянул тоже.

– А вон там куча тряпья, гляди, – сказал он.

Он подцепил копьем старые вещи, под которые забилась Азамаха, и стащил их с нее.

– Гляди, девка!

От ужаса Азамаха не могла даже вскрикнуть.

– Вот это да! Хоть что-то нашли. Наша добыча. Наверно, служанка. Сейчас мы ее…

– Погоди, – сказал первый солдат. – Тут что-то не то. Видишь, как она роскошно одета? Платье из настоящего шелка, так слуг не одевают. Ворот расшит жемчугом. На руке браслет с красивым рисунком. Не простая девка. Наверное, она любимая дочь военачальника, и он спрятал ее здесь. Ведь это дом самого Элиэзера Бен Яира. Ее надо отдать Флавиусу. Дочь побежденного полководца принадлежит полководцу-победителю.

Какое счастье, подумала Азамаха, какое счастье, что Наама подарила ей утром это платье, и она не успела его снять. Это платье спасло ей жизнь. Она прекрасно знала, что было бы с ней, если б не дорогой наряд. Солдаты изнасиловали бы ее, а потом закололи копьем. Но сейчас они отведут ее своему начальнику и скажут, что она дочь Элиэзера. Это шанс спасти свою жизнь. Дочь побежденного полководца не может быть отдана солдатам, ее отвезут в Рим, закуют в цепи и снова продадут в рабство, но дорого, как знатную женщину, а это шанс на жизнь. И купит меня не простой гражданин, а человек богатый, у простого не хватит на меня денег. А дальше будет то, что подарит мне судьба. С ее красотой возможно еще получить вольную, выйти замуж за свободного человека. Придется пройти через это жуткое унижение, когда ее будут провозить под аркой, но она вытерпит его, все вынесет, главное – остаться в живых. «Да, сегодня утром моя госпожа своим подарком спасла меня».

Азамаха выпрямилась и дерзко взглянула на солдат.

– Я Азамаха Бат Элиэзер, – сказала она.

Три года, три года, тысячу дней два отборных легиона, закаленных в боях, осаждали эту крепость, теряли своих людей, а в результате пшик, ноль. Кого протащить в цепях под Триумфальной аркой – трупы на повозке? Смешно. Весь Рим будет потешаться над ним, думал Флавиус. Ни рабов, ни золота, ни еврейских менор как символов побежденного народа. Когда пал Иерусалим, император Тит провез на повозке огромную двухметровую менору из чистого золота и еще четыре повозки, доверху груженные золотыми изделиями, серебряной посудой, шелковыми тканями и специями, награбленными в Иерусалиме. Народ просто ревел от восторга. А что провезет он?

Нет, ему даже нельзя садиться на белого коня и возглавлять триумфальную процессию, это стыдно. Вся добыча – дочь побежденного полководца. Хорошо хоть это нашлось. Но не сам полководец, как надо было бы для нормального триумфа. Ни его приближенных, ни его войска.

А народ требует зрелища, народ требует добычи, граждане Рима хотят знать, на что тратились их налоги в течение трех лет.

Что делать? На коня нельзя садиться, начальник двух легионов на белом коне с плюмажем ведет за собой всего лишь девку. Позор! Какой позор…

Правда, результат есть, Иудея пала окончательно, взятие Массады завершило Иудейскую войну. Война длилась семь лет, расходы, потери в живой силе, а он ее закончил. Да, вот это его заслуга, нельзя было оставлять в сердце Иудеи этот непокоренный клочок горы. Оттуда снова распространилась бы зараза неповиновения. Но если учесть, что вся Иудея по сравнению с могучим Римом тоже крохотный клочок, чем гордиться? И без трофеев – что за триумф? Какой стыд!

Можно, конечно, вообще отказаться от триумфа, это его законное право, но тогда не будет поставлена законная точка в Иудейской войне, война не получит традиционного завершения, будет считаться как бы продолжающейся, то есть римляне не будут признаны победителями. А этого нельзя допустить. Нет другого способа объявить свою победу. Проклятые евреи, как они

подвели его! В какой угол они его загнали! Единственный выход – не садиться на коня, установить около Триумфальной арки высокий помост, на котором он будет восседать в кресле, принимая почести, и провезти под аркой эту… как ее… такое варварское имя, он никогда не мог запомнить имен этих дикарей.

С утра на улицах, ведущих к Триумфальной арке, начал собираться народ. Рабы тащили кресла и опахала, устанавливали поудобнее, грызлись между собой из-за места, ведь потом, когда придут их господа, они могут наказать за малейшую провинность. Граждане попроще располагались на ступенях домов, мальчишки висли на деревьях. Между рядами людей сновали водоносы с кувшинами воды, бедняки на подносах разносили сладости в надежде заработать на дневное пропитание для своих детей.

Для Флавиуса Сильвы был установлен отдельный помост, покрытый красными коврами, по четырем углам украшенный золотыми кистями, на нем резное кресло из ливанского кедра.

Солнце вздымалось все выше, стало припекать, показались носилки, на которых слуги несли важных римских матрон, богатые граждане разыскивали свои кресла, установленные с утра рабами, толпа радостно гудела в предвкушения развлечения и удовольствия.

Флавиус со вчера раздумывал, стоит ли пустить впереди повозки со своей жалкой добычей ликторов со связками лавровых прутьев и трубачей, но все-таки решил, что толпа может не одобрить отступления от традиций.

Сейчас он сидел в своем роскошном кресле, мрачно глядя перед собой, ожидая, когда закончится этот праздник для толпы и мучение для него.

Наконец в конце дороги за прошедшими ликторами и трубачами, возвещавшими о победе, показались быки, влекущие за собой позорную повозку поражения. Азамаха стояла в ней, прикованная цепями к двум копьям, которые держали по сторонам от нее солдаты. Ее зеленое шелковое платье разорвалось на плече и сползало вниз, но она не могла его поправить. Грубая цепь на правой руке прижимала к запястью ее амулет, браслет со льва-

ми, который, как она верила, спас ей жизнь, привлек счастливую долю, не дав снять дорогое платье, благодаря чему она приобрела новый статус дочери знатного человека. Недаром мать сказала ей перед смертью, что этот браслет посвятит ее львам.

При виде дочери поверженного врага толпа возбужденно загудела. Вот символ покоренной Иудеи, мелкой, ничтожной страны, посмевшей сопротивляться! Крупные государства покорялись великому Риму и жили под ним, разве Рим плохо ими управлял? Разве угнетал их, запрещал исповедовать свою религию, навязывал свой язык, свои традиции? Такое гуманное правление, в их же, варваров, интересах только поискать. Неблагодарные!

Но вот она, юная красивая еврейка, здесь, на повозке поражения, символ покорности в разорванном платье, а ее отец убит. Правда, по Риму ходят гнусные слухи, что он убит не славными солдатами легионов, а покончил с собой, и все остальные восставшие тоже умерли не от римских копий и мечей, а убили друг друга и своих жен и сожгли свои ценности, лишь бы не дать Риму вкусить сладость победы. Как же ненавистны им эти евреи!

Толпа возбуждалась все больше и больше.

Простолюдины, проталкиваясь через передние ряды почтенных граждан, старались подойти поближе к повозке, чтобы разглядеть Азамаху и крикнуть ей в лицо что-нибудь обидное. Пожилых матрон поразила и разозлила ее красота, вместо мускулистых обнаженных воинов с цепями на руках и шее они должны лицезреть эту девку, такую стройную, словно зеленое деревце весной.

– Дочь шакала, смерть тебе! – крикнул кто-то.

– Твой отец Элиэзер валяется сейчас дохлый, твоя мать Наама лежит со вспоротым животом, всем вам пришел конец, подлые евреи! – кричали в лицо Азамахе со всех сторон.

Мальчишки принялись швырять в нее огрызки яблок и мелкие камни. Прикованная к копьям, Азамаха не могла прикрыться руками, в нее полетели плевки, и кусок пережеванной чесночной лепешки ударил ее по лицу.

Поднялся всеобщий громкий смех.

– Так будет со всеми евреями, мы уничтожим вас, ненавистное племя! – доносилось до нее.

– Твой отец шакал, твоя мать еврейская шлюха!

– А где твои братья и сестры, ведь у твоего отца была куча детей? Тоже валяются дохлые? Хорошо хоть тебя доставили к нам, чтобы позабавить честных граждан Рима.

Грязные ругательства, оскорбления сыпались на Азамаху со всех сторон.

Невольно она выпрямилась, чтобы противостоять крикам, не показать своего страха и обиды.

– Вы только посмотрите на эту гордую еврейку, дочь полководца, ее везут в кандалах на потеху и утешение Риму! Слава великому Риму, смерть подлым евреям! – рвалось из толпы.

И тут Азамаха вскинула голову и закричала так громко, как могла:

– Нет, я не дочь полководца, я не дочь храброго Элиэзера, я рабыня, незаконнорожденная, дочь одной ночи, вот и вся ваша добыча, гордые римляне! Вы торжествуете победу над жалкой рабыней. Я не еврейка: посмотрите на мои рыжие волосы и светлую кожу, разве такие бывают у евреек, смуглых и темноволосых? Я берберка, рожденная вне брака, плод похоти, моя мать была взята без ее согласия проезжим чужеземцем. Славная добыча для вашего триумфа! Ни одного плененного еврейского воина вам не досталось, ни одной честной еврейской жены, только бесплеменная рабыня. Я смеюсь над вами!

Солдаты, державшие копья, к которым была прикована Азамаха, растерялись. Толпа ошеломленно и грозно загудела. Один из ликторов бросился к Флавиусу сообщить о происходящем.

Азамаха продолжала кричать.

– Два легиона лучших воинов осадили иудейскую крепость, чтобы захватить в плен одну незаконнорожденную рабыню. Три года осады, чтобы получить такой жалкий плод победы, как я. Позор вам, римляне! Позор! Ваша победа ничтожнее поражения! Победители не вы! Победители там, мертвые, на своей родной земле, на не сдавшейся Массаде!

Флавиус, багровый от гнева, наливался злобой, слушая ликтора, вскочил на ноги.

– Смерть ей, этой девке! В клетку ее киньте, ко львам! Мои домашние львы давно не ели свежего мяса. Ко львам ее!

Солдаты подняли копья, и Азамаха повисла на них, на цепях, но продолжала кричать и ругать римлян, и смеяться над ними.

Ее так и понесли на копьях, а она изгибала спину, чтобы не выглядеть склоненной, и зеленый шелк струился по ее телу и развевался, как знамя, и сверкал на солнце, а солдаты поднимали ее все выше и выше, и она плыла над толпой туда, в конец колонны, где везли на другой повозке клетку со львом и львицей, купленными Флавиусом у марокканского торговца по дороге из Иудеи на потеху своим домочадцам и приглашенным на празднование победы гостям.

7 марта 2021 г.

Анатолий Контуш

Искусство правильно читать книги

Записки путешественника

Одесса. «Одесские рассказы»

Все получалось слишком удачно, и мне, наверное, нужно было быть осторожнее, но я был уверен, что в конце концов разобрался, в чем причина всех этих историй. Теперь я знал, что можно извлечь из книг, кроме вложенных туда когда-то высохших цветов и бумажных денег, знал и мог использовать это в своих целях. Несколько самонадеянно я считал, что мне удалось разгадать, какой скрытый смысл может таиться за привычными росчерками букв и черточками знаков препинания. Мы твердо убеждены, что в книгах спрятаны самые важные знания, накопленные человечеством в течение столетий. Не случайно в древней университетской Коимбре неоценимая библиотека Жуанина располагается на самой вершине холма, вздымаясь выше кафедрального собора, так, чтобы при нападении на город она была бы захвачена в послед-

нюю очередь. Нам кажется, что для извлечения этих знаний достаточно лишь чтения, и мы не задумываемся над тем, что читать можно по-разному. Мое открытие состояло в том, что обстоятельства чтения важны не меньше описываемой истории, и что если правильно их выбрать, можно пережить то, о чем в иных случаях остается только мечтать.

Поэтому я был совершенно спокоен, когда открыл «Одесские рассказы»* на пляже Черноморки через два дня после твоего приезда: волны накатывали на песок, чайки скользили в небе, и мы лежали рядом на купальном полотенце «Vent du Sud»**, которое ты привезла с собой из Франции. Жаркий порыв ветра налетел на глинистый склон, и солнце в голубом оцепенении повисло над берегом.

– Mais la mer est très belle***, – сказала ты, поднялась и пошла к воде.

Мы посидели на пляже еще немного и поехали в город, так и не поднявшись на дачу.

Ты остановилась в небольшой гостинице на Осипова, номера которой были переоборудованы из старых квартир. Твой балкон второго этажа выходил в узкий двор, и оттуда было отлично видно все, что происходило во флигеле напротив. По вечерам почти все окна были освещены, и четкие фигуры то и дело бесшумно появлялись в желтых проемах и так же бесшумно исчезали, как на театральной сцене. Мы пили шабское вино на балконе в густеющих сумерках посреди листьев винограда, а утром шли завтракать в одно из кафе на Пушкинской. Все было замечательно, и только однажды, возвращаясь домой в темноте, я заметил, как по площади перед собором прошел человек в валеных сапогах, странных для августовской жары. Человек легко шел через площадь на раздутых ногах, и в его истертом лице красно-черным блеском горели оживленные глаза.

До твоего отъезда оставалось три дня, и я еще мог отложить книгу, но не подумал об этом; мы гуляли по городу, ездили на пляж и ужинали с друзьями, а потом бродили по темным улицам,

* Книга Исаака Бабеля, действие которой происходит в Одессе.

** «Южный ветер» (фр.).

*** Но море очень красиво (фр.).

заглядывая в парадные и заходя во дворы. Ты была в восторге, ведь во Франции такое развлечение исчезло много лет назад. В одном из домов на Гоголя за первым, обычным, двором мы обнаружили второй, таинственный, тесный, заросший розами и виноградом; дверь в парадную была открыта, и мы поднялись по старой деревянной лестнице до последнего этажа, разглядывая старую мебель на площадках, допотопные звонки на дверях и неприличные надписи на стенах. Ночи были жаркими, и ты ненадолго включала кондиционер перед сном и шла в душ, а потом сидела в широкой постели с влажными волосами, что-то читая на русском.

В последний день мы съездили на Фонтан, нырнули с пирса, доплыли до волнореза, постояли на скользком, обросшем водорослями камне, глядя на пыльные склоны, прогулялись вдоль моря и вызвали такси: до самолета оставалось еще шесть часов. Солнце как раз добралось до середины блистающего неба, и далеко за нашими спинами море накатывалось на Пересыпь изумрудной водой Одесского залива.

Когда мы поднялись наверх, машина уже стояла перед спуском.

– Быстрей, быстрей, вы что, не знаете, что происходит?! – вместо приветствия нетерпеливо проговорил водитель.

– Нет, а что? – спросил я.

– Ну как: все разваливается! – воскликнул он. И не задумываясь, добавил: – Наконец.

Машина рванула с места; я оглянулся: ты пристально смотрела в окно на уходящий к дачам переулок, который был желт и пустынен.

На подъезде к десятой станции мы оказались в пробке. Со стороны города доносился неясный гул, похожий на отголоски бури. Шоферы отчаянно сигналили, заезжали на тротуары и пытались выехать на встречную, но из города навстречу нам шел необычно плотный для летнего дня поток автомобилей.

– Бегут, – зло проговорил водитель. – Было бы только куда.

Перед пятой станцией движение практически остановилось. Далекий рокот стал сильнее, разделившись на отдельные удары, как при строительных работах. Когда мы наконец выехали

на перекресток, в многоэтажке на Черняховского справа от нас с грохотом обрушился балкон. Мы увидели, как люди побежали с площади в прилегающие улицы. Водитель грязно выругался, вывернул руль, выскочил на тротуар и понесся в сторону города, распугивая редких пешеходов.

На четвертой станции заторов стало меньше, и мы быстро проскочили Среднефонтанскую, но перед самым выездом на Привокзальную площадь снова остановились в окружении десятков машин. Шум за окном усилился до такой степени, что заглушил гудение автомобилей. Слева от нас, на тротуаре перед зданием вокзала, полицейские с трудом сдерживали рвущуюся внутрь толпу.

– Последний поезд на Киев в 21:50, – проговорил водитель. – Говорят, что завтра никаких поездов больше не будет.

На улице было совсем светло. Я посмотрел на часы: стрелки показывали 18:40.

Мы наконец пересекли Пантелеймоновскую, свернули с Пушкинской на Троицкую и уже через три минуты открывали дверь твоего номера. Ты принялась быстро складывать чемодан, забрасывая туда мокрые вещи вперемежку с сухими, а я, чтобы не мешать, вышел на балкон, присел на стул и открыл книгу. Уже расстреляли Колю Лапидуса после допроса, длившегося недолго, и старуха с мохнатой бровью и в мужских штиблетах, перевязанных бечевкой, зашла во двор, но я все читал и никак не мог остановиться. Ты захлопнула чемодан, щелкнула замком, и мы кубарем скатились с лестницы, прыгнули на заднее сиденье и через несколько секунд уже поворачивали на Большую Арнаутскую.

Вся улица была наполнена хрустом, треском, пением разлетавшейся штукатурки. На левой стороне молодой мужчина в жилете едва увернулся от рамы, вылетевшей с верхних этажей дома Гольдштейна. По правой стороне пробежала женщина с распалившимся красивым лицом, проворно лавируя между изломами уличных фонарей. Тротуары во многих местах были завалены грудами камней, из которых выглядывали доски, трубы и остатки арматуры. Вдоль стен было невозможно пройти, и прохожие жались к краям мостовой, с опаской поглядывая на полуразрушенные здания. Ровная плоскость фасадов то и дело нарушалась

разломами, сквозь которые виднелись разнообразные интерьеры – искореженные гостиные, разоренные спальни, облупленные коридоры.

– Si ça continue comme ça, demain il ne reste rien ici,* – проговорила ты, не отрываясь от стекла. Ты уезжала навсегда, и навстречу тебе из окна бежали проститься прямые улицы, исхоженные моим детством и юностью.

Мы выбрались на Госпитальную, объехав несколько завалов посреди мостовой, завернули на Степовую и наконец понеслись к аэропорту по широкому шоссе. Здесь дома стояли вдалеке от проезжей части, асфальт был чистым, и машины шли под восемьдесят, подскакивая на выбоинах, сигналя и обгоняя друг друга. Я на несколько секунд открыл книгу, чтобы не видеть, как ты все все время отводишь глаза, избегая моего взгляда. Нищий тающий дым поднялся из кухонь над Молдаванкой, и Фроим Грач вошел в здание Чека на Екатерининской площади.

Все пространство перед аэровокзалом было запружено автомобилями, и мы вышли метров за сто, тут же смешавшись с отъезжающими. Вокруг здания бушевала толпа, и внутрь было невозможно войти, но ты крикнула охраннику что-то по-французски, и он отступил, открывая проход, в который вслед за тобой ринулись случайно оказавшиеся рядом, но полицейские уже закрывали дверь с другой стороны. Ты оглянулась и внимательно посмотрела на меня сквозь стекло, как будто зная, что будет дальше, я помахал тебе рукой, отвернулся, чтобы ты не увидела мое лицо, и начал проталкиваться обратно. Далеко за летным полем, там, где кончалась земля, сияющий глаз заката падал в море, и края неба уже розовели над темнеющей степью.

Когда я спустился на причал, было за полночь, и четырехугольник Пегаса мерцал высоко над темным заливом. Я прошел по дороге мимо затихших куреней, поднялся по ступенькам на дачу, зажег свет над деревянным столом и открыл последнюю страницу. Фроим Грач с гримасой движения на лице лежал под брезентом на черном дворе у стены, увитой плющом, и два красноармейца курили над его трупом.

---

* Если так будет продолжаться, завтра тут ничего не останется (фр.).

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

154 **Владислав Китик**
В преддверье листопада

159 **Татьяна Мартынова**
Счет ведет календарь

163 **Константин Ильницкий**
Искусство или ремесло?

169 **Юлия Пикалова**
Мифы и правды

Владислав Китик

В преддверье листопада

* * *

Волей осени расставлены точки.
Только с нею можно так. Только с нею…
Как в тумане, расплываются строчки,
Но зато что между строчек – виднее.

Рассмотреть подробней мир бесконвойный, –
Не случилось?
Может быть, и не надо!
Все равно перед окном беспокойно
Листопады шелестят. Листопады…

И того преобладает значенье,
Что сказали. И о чем – не сказали.
Постепенно ухудшается зренье.
Но становятся заметней детали.

* * *

С чего бы? Но все же не устану
Всегда просыпаться в грядущем,
Где белые свечи каштанов
И белой акации гуща
Ни разу не пообещали,
Что будут со мной откровенны,
Где в тон этой душной печали

Покрытые известью стены,
Проулок кривой, как коряга,
И кухонный запах укропа,
И голубь, как амфора с влагой,
Забывшей о волнах потопа,
Забывшей, как вестью счастливой
Из клюва упала когда-то
Зеленая ветка оливы
С обсохших высот Арарата.

* * *

Визитка двух веков – одесские дворы,
То молчаливы, то сварливы…
Но – добры!
И мой пристроился у кромки тротуара
Чуть сбоку, чуть с припеку от базара,
Как серый ослик у ядреного овса.
А время движется, меняя адреса,
Его синоним – жизнь.
Под ветром заоконным
Не переспорит твердолобости бетона
Ракушечник, имея мягкий нрав.
Еще стоят, носы щербатые задрав,
Мои дворы,
Хранят преданья и скворечни.
Но даже что любимо, то не вечно.

* * *

Взрослую жизнь проказенив, сбежим
В небыль вчерашнюю.
Прописи, перьев наклон и нажим
В детстве дурашливом,
Зимняя сказка, волшебный фонарь,

Книжка с рисунками,
И виновато закрытый букварь,
В ящик засунутый,
Близость характеров и адресов,
Окна с гардинами,
Прѝмусов, или точней: примусòв
Свет аладдиновый,
Лавочка счастья, где счет не в деньгах,
Дух керосиновый,
Радость без повода, небо в глазах
Синее-синее.

* * *

Прохладой лечат тополя,
Растущие вдоль серой трассы,
И звоном яблочного Спаса,
Как светом, залита земля.

Поля, цветочные ковры,
Гор низкорослые массивы
В своем убожестве красивы
И нищетой своей щедры.

Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманною Савранью,
Коней саврасых табуны.

Там время дремлет на цепи,
Живет непуганое слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.

Листопадное

Оборвется, а там и забудется речь листвы,
Будет некому вторить – замрет в подворотне эхо.
Лишь проникнешься просьбой: «Да полно, оставьте вы…» –
И уже расхотелось куда-то спешить и ехать.

Выйдя, уши замкнешь, и помех посторонних – нет:
Тишина стоит, словно в пустом танцевальном зале,
Где в углу пианино, и вытоптанный паркет
Вместо стертого лака сверкающим солнцем залит.

Но опять возвращаешься, чтобы начать с азов:
Ночь – итогом, звенящий рассвет – недосыпом.
В перебранке клаксонов, тушуясь под визг тормозов,
Листопад переходит на шепот, и сыпет, сыпет,

Со спины подбирается, в ногу с тобою идет,
Наполняется музыкой той, что ниспослана свыше.
Он, как внутренний голос, который и в малом не врет,
Но шумами забит, и поэтому еле слышен.

* * *

Нас в прошлое не возвратят
Ни улицы ревнивый оклик,
Ни облупившийся фасад,
Не приобретший новый облик,
Ни однострочное письмо
На поднятом листке кленовом,
Что по ветру летит само…
Чернильных слов подтек лиловый
Зальет и адрес, и число,
И где посланье это, если
Так много листьев намело
Под лестницу в твоем подъезде…

* * *

Ю. Михайлику

Давняя молодость бродит в степи.
Вечное море у камня рябит.
Шлюпка на привязи. Рыжий от солнца
Якорь тоскует, как пес на цепи.

Голые ребра, в груди синева.
Лишь ожиданьями память жива.
Доски с бортов на растопку жаровен
Порастащила давно пацанва.

Свистнув сквозь дыры в карманах пустых,
Ветер умчался дурачить других.
На косогоре за яхтенным клубом
Дремлет маслина. И флюгер затих.

– Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.

Лодка лежит на песке тяжело.
Годы движенья сточили весло,
Стерся канат, парусина истлела.
Прежде болело.
Потом отлегло.

Татьяна Мартынова

Счет ведет календарь

Дорога к морю

К морю – мы! Ведь туда и обратно!
Так проносятся летние дни.
Эта жизнь, эта жизнь, вероятно, –
Ненадолго, иди, не тяни.
Ненадолго – и эти трамваи,
Ненадолго – присел воробей.
И вопросом мелькнет: «Вам понятна
Нелюбовь к умножению дробей?»
Стриж исчезнет из города с криком,
Но никто не поднимет главы.
Это может быть кто-то безликий?
Это, может быть, я – или вы?
Сокращение сил и усилий,
Бесконечно мгновенный рассвет.
Расцветает средь осени – лилия,
И жасмин, и сирень, и ранет…
Все возможно – на глинистых склонах?
Помешались цветы, дерева…
Мелким кустиком – отдыха зона
Поросла, пробивает трава…
Ты лежишь и тоскуешь в ракушках.
Закрываешь, тоскуя, глаза,
И всерьез размышляешь, что пушка
Может бахнуть. Живешь полчаса…
Ты – обычное население.

Все осилишь. Ну кто как не ты.
Пробивается солнце осеннее.
Небоскребы дошли до черты…
И вглядишься: такая Одесса.
Кто ж скользит по извивам тропы
Меж коттеджных заборов и леса
Новостроек? Конечно же, ты.

* * *

У каждого был врач.
И собственный профессор.
Окно и пыль в окне,
косая глубь двора.
И хриплый Блок, в вине
намывший соль прогресса,
Захватанный Сергей
с допитым полведра.
И – с пушкинской любви,
со сладкого здоровья,
с шипучего Аи
мы начинали путь
в искристое, как ключ,
веселое злословье,
в российский дальний путь,
в несчастия свои.

Перед одной из революций

Тепло еще. Одесса дремлет.
До бунтов есть еще – недели…
Бушлаты выдали. Под землю
Спустили ружья, порох, кремний.
Сухой попыхивает краской
Лист «дикаря», беря балконы
В полон, и с колокольни звоны

Слышнее. Небо крестит наспех
Прошедшие в тень батальоны.
Мы в октябре вдыхаем море,
Мы ищем силу в транспарантах,
Мы даже ватники надели
И подключили дождь к гидрантам.
И свет пролег от Черноморки
К Пересыпи, потом обратно,
Чтоб выгоревшая вся, до корки,
Одесса ожила бы завтра.

* * *

Михаил Афанасьевич в люльке,
Антон Палыч на пешей прогулке,
Все спокойно в России, как встарь.
Но увы, счет ведет календарь.
Подобьет календарь нам итоги,
Век двадцатый уже на пороге.
Призывной скоро грянет оркестр
Для готовых во вдовы невест.
И Волошин в стихах напророчит,
Кто с Россиею скоро покончит,
Кто ее пролузгал, проплевал,
Кто на площади мерз и кричал
Кто вопил: «А не надо ль землицы?»
И взлетал, и взвивался, как птица:
Все берите, свобода свобод!
Мы граждàне! Не надо нам царства,
Из особого шика, ухарства
Рвал рубаху. Вязал его – взвод.
Есть певцы и дельцы, и крестьяне.
Есть казацкая удаль по пьяни,
И червонцы в любом чемодане,
Хоть германец бери, хоть монгол.
Это удаль несметного люда,
Что не знает ни меры покуда,

Ни цены своих дивных богатств.
Все как сон, все исчезнет на раз.
Будет спущено все: Украина,
Офицерство, попы и раввины,
И паненки, и дочки портних,
И железный забудется стих…
А пока улыбается Чехов,
Между вишен проходит со смехом.
Накрывает сестрица в саду.
И воспитанный в скромности гений
Кофе ждет. И с вишневым вареньем
блюдце тоже сейчас подадут…

* * *

Посвящение Борису Рыжему

Талантливых гробит
Земная мелочь порой.
Красивый умный мальчик, поэт, герой
Нашего времени сволочного…
Родись в каком-нибудь он другом…
Был разорван бы в Персии
На ковре дорогом.
Или замерз в окопе,
Сжимая томик де Сталь.
Или шел по Европе:
«Мама, вот он, Рейхстаг!»

Но… Улеглась Россия
Под берцами наглых братков,
Сипло дозу просила,
Била своих дураков,
Чтобы чужие боялись.
Чтобы спокойно спать.
Сила – она ведь сила.
Такую-то твою мать…

Константин Ильницкий

Искусство или ремесло?

* * *

Жизнью своей никому ничего не доказывал.
Не было нужно, ведь правил судьбу интерес.
Из путешествий морских, наполняясь рассказами,
я возвращался, как будто спускался с небес.

Эй, на Земле, все ли целы, здоровы ли дети?
Вечный скиталец виновен – упреки не зря.
Но не сидится никак, ведь у нас на планете
суши лишь треть, а две трети, представьте, моря!

* * *

Никогда не перееду
в ту страну, где круглый год
величайшим людоедом
восхищается народ.

Потому что поздно ль, рано –
и никто не запретит –
у преемников тирана
обострится аппетит.

Та же жажда поголовья,
но размах уже иной,
где прожарить могут с кровью
и тебя, и шар земной.

Есть место, где мы боги

Хотя нас очень много,
не видно исключенье.
Есть место, где мы боги, –
в своем воображенье.

С божественной-то силой
рвануть с женою в Ниццу,
получше выбрать виллу,
объездить заграницу.

Отправить на год тестя
в пансионат для нервов
и в потаенном месте
лимон запрятать евро.

От пандемии средство
найти угодно богу
и трахнуть наконец-то
соседку-недотрогу.

На рынке снизить цены,
от радости напиться…
Ну а насчет Вселенной –
не стоит торопиться.

Божественная воля.
Вопрос, который мучит.
Решает наши доли?
Иль человек покруче?

Ведь боги с небесами
по фактам их рожденья
относятся и сами
к плодам воображенья.

Первомай

Это впрямь стариковское счастье –
ностальгический дух первомая.
Когда видно согражан участье,
что места уступают в трамвае.

Словно всхлип пионерского горна,
где товарищи мы, не мещане.
И трудились хоть тяжко, но гордо,
и за всё нам воздать обещали.

Не нашлось. Ничего не воздали.
Только память жива первомая.
Может, блеск юбилейной медали?
И места уступают в трамвае.

Игуана

Украшенье ворот зоосада,
поактивней его пропиарь.
Но глядит немигающим взглядом
разноцветная гибкая тварь.

Укусить бы и толику яду.
Извините, ей так невтерпеж.
Но потом будет ждать сколько надо.
Сколько надо – пока не умрешь.

Поиск чуда в мире слов

Искусство или ремесло?
Здесь споры бесконечны,
когда гончар вершит замес
ума, души и чувств.

Но поиск чуда в мире слов –
поэзия, конечно,
давно занесена в реестр
по линии искусств.

У стихов волшебная сцепка.
И тогда уже головы кругом,
когда буквы, обнявшись крепко,
начинают любить друг друга.

И тогда уж мы сердцем с ними.
А расчувствуемся – навзрыд.
И гори она пламенем синим
иерархия – алфавит.

Если буква сольется с буквой,
рифмы выровняв заподлицо,
это Бог простирает, друг мой.
обнимающих рук кольцо.

В каждой букве под оболочкой
тлеют угли его огня,
красотою удачной строчки
в несказуемое маня.

Качели

Нелепые порывы,
как в кинофильмах ретро,
у моря над обрывом
раскачиваться с ветром.
Кроссовок отпечатки
травмируют песок,
качнув с носка на пятку
и с пятки на носок.

Расправив шире плечи,
чтоб парусность опорой,
направлюсь я на встречу
с ветрами из Босфора,
а может быть, из Истра,
Гипаниса чуток.
То медленно, то быстро,
то пятка, то носок.

Как новости к газете,
причем свежи на диво,
ветра тысячелетий
слетаются к обрыву.
Времен ушедших запах
смешает ветра ток.
Качнешься – это Запад,
обратно же – Восток.

Все было. Столько было.
Оборванные боли.
Погосты и могилы,
курганы в Диком поле.
Бездонные глубины:
античность, неолит...
Но сквозь любые длины
ушедшее болит.

Все прошлое – как тризны,
живем мы на земле,
где мириады жизней
размешаны в золе.
Нужна такая память?
Срок давности истек.
А может быть, стихами?
И вновь скрипит песок.

Обманывает Запад,
войной идет Восток,
а я сегодня занят –
то пятка, то носок.
Глупейшие заботы,
и сам, как идиот.
Но, может, где-то кто-то
впервые не умрет?

Юлия Пикалова

Мифы и правды

Сон антрополога

«Едва замкнется дверь времен грядущих,
Умрет все знанье, свойственное нам».
Данте

мы любили тепло того что у вас называют солнцем
мастерили дудочки из костей
но потом уступили планету вам кроманьонцам
почему? у вас есть ученые пусть они и скажут вам без затей

так мол и так маловата лобная доля
ни общиной осесть ни приручить волков
вот и осталось слабым убраться с поля
был такой планетянин – и был таков

наши останки по разным местам покоясь
иногда отыщутся вот теперь вы будете их беречь
у нас тоже была подъязычная кость гортань и голос
но никто ничего не знает про нашу речь

и когда настанет и ваш черед поглотиться другими
или вовсе убраться с лица усталой земли
не останется никого кто вспомнил бы ваше имя
только волки если бы говорить могли

ах у вас есть письменность биб-ли-о-тека
и как правильно – серверы? сервера́? ну да
вы же сами сказали от всего человека
остается… забыл… никогде? никогду? никогда?

Миф о мифе: Орфей

дыханьем жарким на щеке разбудишь –
и будет *мы*, не станет *я* и *ты*.
а дальше ты – избудешь, ты – забудешь,
ты – выберешь забыть! ты темноты

ослушаться не сможешь, не посмеешь.
о, поначалу это будет ад!
но день за днем – и память ты развеешь,
тут главное – не взглядывать назад.

теперь, когда в пергаментах истертых
мой облик проступает все скупей,
ты спустишься за мною в царство мертвых?..
ведь есть же миф! верни меня, Орфей!

Миф о мифе: Пигмалион

томясь ли чем, мечтая ли о ком,
или болея виденным во сне –
я проверяла мрамор молоком,*
и он теплел и отзывался мне.

теплел и не желал назад, во тьму,
и в жилках зарождался кровоток…

* Так скульпторы выбирают мраморные блоки, проверяя их на целостность.

я поддалась. азарт меня увлек.
я отдала дыхание ему.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

потом осталась мраморная плоть,
что не способна петь или пылать.
зачем ты наделил меня, господь,
умением напрасно наделять?

и почему, найдя однажды вновь
неявленный в людское бытие
прохладный камень, прячущий любовь, –
опять отдам дыхание свое?

Миф о мифе: Лорелея

мой дом на скале голубой
    и волосы рыжи.
зовут лорелеей, судьбой,
    сбиваются ближе.

а что мне? в высоком дому
    тягучи столетья,
и нет среди этих, кому
    хотела бы спеть я.

молчу, и прохладен мой лоб
    (века все длиннее),
до сумерек думая: кто б
    напел лорелее.

Миф о мифе: Икар

я – Икар.
я испытывал крылья.
я на перьях и воске – летал!
человеком, обретшим всесилье,
я стучался в небесный портал.

я был сброшен.
не сразу, не сразу.
не берут, вероятно, безнал.
сохранили и тело, и разум
человеку, что небо познал.

но когда
семисотые сутки
плачет память, полеты храня, –
как мне выжить при здравом рассудке?!
    обезумьте меня!

Миф о мифе: Калипсо

Сегодня все сплываются ко мне:
На острове моем сегодня праздник.
Качаются свечами на волне
Под небом в искупительном огне
Суденышки – не сосчитаешь разных!

Когда же фейерверк окончен мой –
На грани неприличного, галопом
Они несутся от меня домой
Не глядя, задыхаясь, по прямой
К заждавшимся за вечность пенелопам.

Концерт: Тезей

зной застилает веки. что еще
грозит Тезею?
и зал, стозевное чудовище,
из тьмы глазеет,

и долг – зайти и покорить его,
и выйти живу,
и льется звук кроветворительный
в тугие жилы,

и зал ревет, сдаваясь истово, –
тоска в зените,
когда Тезей, добив на бис его,
уйдет по нити.

Лилит

Как ослепительна Лилит! –
И как бледна последыш-Ева.
Да, плакать гордость не велит,
Но эти слезы – слезы гнева.

Миф о мифе: Фауст

Ах, это ты?
Спасибо, что зашел.
Я сам давно не наношу визиты.
Не узнаешь? Ну что же, хорошо –
Теперь мы квиты.

Не надо,
Ничего не говори.

Я знаю: я и наг, и безоружен.
Но столько совершается внутри,
Что стало безразлично, что снаружи!

Маргарита

1.

Налетело,
Жарким ветром накрыло,
Понесло
И волосы растрепало,
Взгляд зажгло,
Расправило крылья
И забросило в самую гущу бала!

Там пылал Шопен, рокотал Бетховен.
Там Прокофьев щурил глаза с сарказмом.
Там – детектор правды: и тот греховен,
Кто на свой порыв отвечал отказом.

Там гулял и Пушкин: не вреден север,*
Если жаркий ветер не знает меры
На балу
В квартире
В ионосфере
В XXI веке не нашей эры.

А всего-то было: в руке мимоза.
А всего-то жизнь изнутри стучала…

– Получай! Не сдохни от передоза.
Распишись! – Вот счастье: живи с начала.
Не молчи – взорвешься! Когда отхлынет –
Вот тогда и переведешь дыханье.

* «Там некогда гулял и я, но вреден север для меня».

На скамье рассохшейся – Старший Плиний…**

– Как? Уже? Но я начала стихами
Лишь сейчас! Я ветер люблю горячий!
Я – могу! Верните его обратно!

– Нет. Сумей сама. Научись иначе.
Ты сама есть ветер, упрямству кратный.

2.

Сдвинув брови, думает Маргарита:
Был ли Мастер? или сама я Мастер?
Третий час под локтем тетрадь открыта.
Ветра не замечает, что ей подвластен.
La diritta via era smarrita.***

Варенье

Когда-то мы были внове
На этой чудной планете.
Глазели кругом с восторгом
И все хватали руками,
Ну чисто малые дети –
И вещь не прятала сути.
И в рифму мы не умели,
Но речь сейчас не об этом.

** В финальных двух четверостишиях «Писем римскому другу» лирический герой вдруг исчезает. Это похоже на смерть.

*** Дословно: «Прямой путь был утрачен». Из «Божественной комедии».

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura
che' la diritta via era smarrita.

Когда-то сны были вещи: Коперник на космодроме.
Вообще, что нужно от вещи, ее познания кроме?
Но дальше…

От вещи – пищи / духовной, ненасытимой / не всякий вообще-то ищет: / желудок сперва хотим мы / наполнить. Еще нам надо / вещами – владеть. В итоге / из яблок райского сада / варенья варим потоки.

И женщин бывшего рая мы богу выдали: вот, мол, они с познаньем играли, а лучше б яблочки – в подпол, в кадушки, банки, бочонки, чтоб нас зимой прокормило. Ну что с них возьмешь? Девчонки! Прости нас, бог, и помилуй с заоблачного портала: тебе там, поди, не видно, как Ева нам плод достала… А мы из него – повидло!

Теперь все будет как надо, а плод в пищевой цепочке. Тебе ведь узнать – отрада, что Фаусты – одиночки, что все Мастера – в больнице? К чему нам их озаренья? Но мы не жжем их страницы – накроем банки с вареньем! Спокоен будь за живое с рожденья и до надгробья.

А бог качал головою:
«По образу и подобью…
Но был я сюрреалистом».

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Первые шаги

177 **Феликс Кохрихт**
Одесса: юные экскурсоводы приглашают

183 **Никита Герус**
Как мир прекрасен...

Одесса: юные экскурсоводы приглашают

В предыдущем номере член президентского совета Всемирного клуба одесситов, писатель и краевед Анатолий Горбатюк рассказал о том, как нелегко было членам жюри определить победителей Шестого Литературного конкурса среди одесских школьников на лучшую работу, посвященную истории родного города. Причем представить ее на суд не привычным образом – в форме доклада или статьи, а провести экскурсию для соучеников и учителей, жителей и гостей Одессы.

Конкурс посвящен памяти нашего замечательного земляка, заместителя директора Всемирного клуба одесситов Аркадия Евсеевича Креймера, проходит при поддержке мэрии, органов народного образования, ВКО.

Все эти годы (начиная с 2014) в подготовке и проведении конкурса самое действенное участие принимает вдова Ф.Е. Креймера Нина Ивановна Бондаренко, преподаватель «одессаведения» в Ланжероновском лицее.

– Нина Ивановна была среди тех, кто создавал учебник по этому предмету, – рассказывает директор лицея Наталья Владимировна Савельева. – Она обладает даром и навыками, позволяющими не только привлечь внимание ребят к истории Одессы, но и увлечь их, что дает прекрасные результаты. Ее питомцы занимают призовые места на многих конкурсах, в том числе и литературном-2021.

Впрочем, и педагоги, и ребята, да и члены жюри единодушны: суть не в победе, а в участии в общем столь важном и интересном деле.

Приглашаем наших читателей принять участие в экскурсиях, которые подготовили для нас участники Литературного конкурса – питомцы Нины Ивановны Бондаренко.

Феликс Кохрихт

Ігор Ковальов, 10-Б клас

Прогулянки Фортечним передмістям

Історія вулиці Маразлієвської та її будинків

Сьогодні я запрошую вас на екскурсію одною з найфешенебельніших вулиць дореволюційної Одеси, названої на честь видатного одеського міського голови Г.Г. Маразлі. Маразлієвська з'явилася у 1820 році. Тоді вона називалася Новою. Це була невибаглива вулиця поряд із Карантином, здебільшого відведена під склади та підсобні приміщення. Нова була вулицею бідняків, з пустирями та старими будиночками, в яких селилися переважно працівники порту.

Ця вулиця незвичайна вже тим, що її непарна сторона налічує всього сім будинків, тоді як парна має 64 номери. А вийшло це тому, що вулиця була закладена в одному зі старовинних передмість, Фортечному, яке протягнулося від Карантинної гавані до початку Малофонтанської дороги.

Ми з вами пройдемо вулицею, подивимося на її будинки, адже деякі – це перлини архітектурної творчості. Знала ця вулиця й тяжкі роки, коли там була будівля НКВС. У цьому будинку вершилися криваві розправи, тут були вбиті сотні одеситів. А за часи окупації там розміщувалася комендатура.

Ось так ми з вами й дійшли до останнього будинку з непарної сторони – будинку № 7, де розташовано Всесвітній клуб одеситів, президентом якого був, є та й буде Михайло Михайлович Жванецький.

Анастасия Иноземцева, 8-А класс

Путешествуем по Одессе с героями скульптора Александра Токарева

Сегодня мы с вами совершим небольшую, но очень интересную экскурсию по Одессе и познакомимся с ее историей, людьми, жившими в разное время и оставившими в ней свой след.

А поможет нам в этом замечательный скульптор Александр Токарев и его произведения.

За тридцать с лишним лет жизни в Одессе Александр Токарев создал много памятников. Пожалуй, главное, что он сделал, – вернул Одессе ее героев, тех, чьи имена овеяны легендами, чьи имена с любовью произносят одесситы. Он вернул их в городскую среду, вывел на улицы города, в толпу, в уличное оживленье. Это памятник Апельсину, или, как его называют, памятник взятке, и «Похищение Европы», памятник Атаману Головатому, А.С. Пушкину, Вере Холодной и Жене моряка, Леониду Утесову, Сергею Уточкину, Давиду Гоцману, множество мемориальных досок выдающимся одесситам.

Роберт Пить, Никита Запорожец, Илья Якименко

«Воспоминания о будущем»

Экскурсия по Музею специализированной артиллерийской школы № 16, Музею школы-интерната № 2 и лицею «Ланжероновский». Посвящается 75-летию родной школы и 20-летию музея.

Экскурсия начинается предположительно на том месте, где граф А.Ф. Ланжерон повелел разбить первый в Одессе ботанический сад. Сегодня здесь находится лицей «Ланжероновский».

А раньше тут была спецартшкола № 16, выпускник которой Петр Вернидуб получил звание Героя Советского Союза. В лицее есть замечательный музей, с экспонатами вы ознакомитесь в ходе экскурсии.

Затем в этих стенах разместилась школа-интернат № 2 с углубленным изучением иностранных языков, давшая стране переводчиков, ученых, востоковедов, послов и даже актера и режиссера Николая Губенко. Экспонаты еще одного музея – Музея интернатского братства – расскажут о дружбе на века. Мы расскажем вам о традициях школы-интерната, а сегодня – лицея «Ланжероновский».

Никита Герус, 9 лет, 3 класс школы № 64

Как мир прекрасен...

Заря

Сверкало солнце на заре,
И был рассвет прекрасен.
Когда слетались мотыльки
Под свет ненастный солнца.

Когда сбываются мечты –
И вдохновенье сразу,
И я тогда пишу стихи,
О том, как мир прекрасен!

Лінь

Чоловічок купив лінь,
Щоб відпочивати.
Грає з котиком ця лінь
І сумує хата.
Що робити?
Що за лінь?
Як її прогнати?

Хата то говорить нишком
Й розмовляє швидко.
Чоловічок ліг на ліжко та й відпочиває.
Хата з лінню бореться,
Лінь її вбиває.
Хата не вмирає.

Хата впоралась, та й лінь
Геть біжить з той хати!
Хата та сміється,
Чоловічок радий.

* * *

Как я люблю писать романы,
Когда сижу я за столом.
И в городе моем туманы,
Когда звенел последний гром.
Зажжется свечечка тихонько
И за окном растопит снег.
Ее дыхание легонько
Согреет двадцать первый век.
В тумане ласточка, порхая,
Все рвется к солнцу в вышину.
А солнце лучик ей пускает,
Туда-сюда, вперед, в длину.
Пришла весна, запели птицы,
Подснежник вылез вечерком.
И рифма с легкость ложится,
Когда сижу я за столом…

Ива

Наклонила ива
Ветви у ручья.
Мол, с косою дива,
В зелени стоя.
Ветви те ласкает
Быстрый ручеек.
Словно с ней играет –
Зажурчал поток.

И всегда под ивой
В зелени роса,
Наклонило косы –
Дерево-краса.

Незнакомка

Сидит, вздыхает незнакомка,
На ней играет запах тонкий,
Она людей ворует ловко,
Она несчастная воровка!

Она блондиночка в веночке,
Вокруг нее царят цветочки.
И есть морщина на щеке,
Деньга в ослабленной руке.

С полицией играет в прятки,
Мужей меняет как перчатки.
Перчатка виснет на ладони,
А называют ее – Соня.

История морская

Разрезая моря воды,
Вдаль уходят пароходы.
В плаванье уже пора,
Экипаж кричит: «Ура!»

Плавать в море очень трудно
И бывает даже нудно.
Длинно тянутся года,
Моряки плывут туда.

Вам историю одну
Поскорее расскажу.
Было в море как-то дело,
Корабли сели на мели.

Ну а здесь все было так.
Раз потух большой маяк.
Нет надежды, только шторм.
Не найти без света дом.

Сын матроса наш Максим,
Сам себе он говорит:
«Папа мой сейчас утонет.
Он, наверное, уж тонет».

Но Максимка не орал,
Тихо он сидел и ждал.
И подумал минут пять.
«Надо папу выручать!»

Свечку взял, через овраг
Побежал он на маяк.
Раз с десяток спотыкался,
Но на тот маяк взобрался.

Еле свечечка горела,
Но погаснуть не успела.
И Максим зажег маяк!

Свет бежит через овраг,
Долетает до морей
И до дальних кораблей.

Свет отец его заметил,
И Максима как раз встретил.
«Ты, Максимка, молодец!» –
Похвалил его отец.

«Ты, Максим, теперь герой,
За тебя стоим горой».

И в тот вечер на весь мир,
Был известный ясный пир.
А максимовский маяк –
Он сияет все же так!

Самая яркая звезда

Сколько зим, сколько лет
Виден в небе тусклый свет.
Этот свет добра и ночи,
Этот свет дают нам звезды.

В небе звезды – светлячки,
Не поймают их сачки.
Помогают морякам,
В поле светят ярко нам.

Звезды освещают путь
Лучше всех, но не забудь,
Ярче всех на белом свете
Это же, конечно, дети!

Освещайте всем дорогу
Очень ярко, очень долго!

Твой путь

В этот мир приходишь ты –
И вокруг тебя мечты.
Наблюдаешь с высоты

Маяка высокого.
Этот мир узнаешь ты
В будущем далеком.
В мире этом облака,
Ярко светит солнце.
Света солнечна река
Льется к вам в оконце.
В этом мире будешь жить,
Но, пожалуй, не забыть:
«В этом мире поживешь,
Но когда-то ты уйдешь…»
Жизнь всего одна,
Выбирать пора.
Как ты проживешь
Богом данный дар.
Можешь стать героем,
Подвиг совершить.
Или стать бандитом,
Своровать, убить.
И ведь в этом мире
Только два пути.
Выбирать тебе,
Куда идти.

Первая учительница

Ольга Николаевна – милая моя,
Первая учительница, яркая звезда.
Ты мой спутник в жизни,
Ты мой проводник.

За тобою следовать я всегда привык.
К знаниям дорогу показала ты.
Хоть и ошибались, но учились мы.

Путь наш был непрост,
К цели мы пришли,
И во 2-А смело перешли!

Спасибі, мово!

Дякую тобі, рідненька мово,
Ти колись нам це подарува.
Дякую тобі за дар чудовий,
Те, що я висловлюю слова.
Дякую за те, що розмовляю,
Дякую за те, що я пишу.
Дякую за те, що пам'ятаю
Та рідненьку мову бережу.

Пушкину

Спасибо, мол, тебе за дар могучий,
Что в жизни этой я пишу стихи.
Своим виденьем разгоняю тучи,
Хоть славы мировые далеки.
В ненастный день меня ты вдохновляешь,
Как в темном небе первый солнца свет,
Но в этом мире я не забываю,
Что ты – неизменяемый поэт!

От редакции. Получив стихи Никиты Максимовича мы удивились тому, что в свои девять лет он не только уже умеет находить рифмы, но и выбирает темы и интонации, обычно присущие поэтам, мягко говоря, постарше. Разумеется, захотелось побольше узнать о нашем новом авторе. Поначалу решили поговорить с его школьными педагогами, соучениками, членами жюри поэтического конкурса. но все же обратились к матери Никиты. Вот ее рассказ о сыне.

Биография Геруса Никиты Максимовича

Родился 02.08.2012 года в седьмом роддоме города Одессы. В год и два месяца уже говорил несложными предложениями. С самого детства обладает невероятной памятью. С пяти лет начал сочинять первые стихи. Сочиняет их внезапно, вне зависимости от времени и места. Первый стих – «Пиратский остров», постепенно арсенал стихов начал пополняться. Стихи с каждым разом становятся более зрелыми.

С двух до пяти лет ходил в детский садик № 239. В школу пошел с семи лет. В шесть лет начал заниматься айкидо и скрипкой. В семь лет был зачислен в музыкальную школу № 8.

Увлекается старинными вещами, любит историю и чтение. Лучшее место для прогулок – Староконный рынок. Многие продавцы с ним уже здороваются и не удивляются, что ребенок его лет может рассказать историю монет, медалей, значков, знает, что такое сургуч, рубель и граммофон.

Сейчас учится в начальной школе № 64 в 3 классе.

В школе на его способность писать стихи обратила внимание его учитель Золотарева Ольга Николаевна, которая рекомендовала отправить стихи на конкурс «Море талантов».

Прислушавшись к учителю в последний день конкурса, заявку все же подали. В июле 2021 года стало известно о том, что Никита прошел в победители, но только в августе на вручении премии выяснилось, что он занял второе место на Корнейчуковском фестивале «Море талантов». В анкете на участие в конкурсе была графа «Наставник», по незнанию и отсутствию какого-либо опыта в литературной сфере было указано просто – муза. Ни родители, ни ближайшие родственники к искусству никакого отношения не имеют (моряки, юристы, экономисты, столяры и просто рабочие).

По стечению обстоятельств «Море талантов» занесло юного поэта во Всемирный клуб одесситов и открыло для него совершенно новые, неизведанные горизонты.

Со всей любовью, мама – Герус Оксана

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

192 **Любов Ісаєнко**
Відгомін життєвої дороги Володимира Гетьмана

204 **Петр Гейбер**
Путешествие оптимистки

213 **Ольга Тангян**
Жена художника

235 **Елизавета Кузьминская (Полихрониди)**
Греческий след в судьбе Анны Ахматовой

246 **Елена Галинская**
«Белеет парус одинокий». К 85-летию книги

256 **Юрий Калмыков**
Неизвестная фотография Георгия Шенгели

265 **Феликс Кохрихт**
Бархатный сезон в одесском оперном.
«Кармина Бурана»: «O Fortuna!»

271 **Юрий Дикий**
Филармонии – 90 лет

279 **Елена Каракина**
Отпечаток его характера

Любов Ісаєнко

Відгомін життєвої дороги Володимира Гетьмана

Говоріть, українці, українською мовою,
Бо настала для нас остання година:
Чи бути нам нацією і мудрою, і здоровою,
Чи пощезне з лиця землі Україна.

Володимир Гетьман

Відома істина, що творчість митця майже завжди несе в собі відгомін його життєвої дороги. Кожне покоління прочитує по-своєму печать життєвого досвіду письменника, бо він вертається пам'яттю в юність, веде щиру розмову з сучасниками про складність нашого сьогодення, долю суверенної України. А про риси вдачі талановитих неординарних людей можна довідатися з їхніх творів, зі статей, рецензій учених, критиків-літературознавців та спогадів друзів.

Так, відтворюючи образ Володимира Петровича Гетьмана, звичайно, хочеться наголосити на органічному поєднанні в його характері душевної делікатності, м'якості та безкомпромісності, але разом із тим і твердості духу.

Спонукало до написання цих роздумів про художника слова декілька цікавих збігів обставин: 2011-й рік – 90-річчя від дня народження поета та 60 років, як він закінчив філологічний факультет. Коли я думала, про кого з випускників-філологів, які стали членами Спілки письменників України, я змогла б ще сказати-написати, символічно, що з книжкової полиці взяла саме книжку Володимира Гетьмана, і це сталося 8 грудня. Розгорнула її, а там підпис: «Добродійці Любові Миколаївні Ісаєнко – козацьких зви-

тяг, віри, творчої радості від діда В. Гетьмана, учасника Днів Козацької Слави 1990 року – 8.12.1996 р.». Це стало імпульсом, щоб я рівно через п'ятнадцять років написала кілька слів про цього багатогранного українського поета. Зараз 2021 рік… Поету влітку виповнилося б 100 років.

Допомогли мені й благословили на написання есе мої шановні старші колеги: Панас Юхимович Данилко – однокурсник Володимира Гетьмана по філфаку, та Володимир Михайлович Гаранін, який зразу ж запропонував усі збірки поета для прочитання (обох моїх Навчителів уже немає на цьому грішному світі, але почуття вдячності є свічкою пам'яті та молитви за них до Господа).

По-справжньому мене схвилювала остання прижиттєва збірка автобіографічних етюдів «Наймолодший куркуль Союзу Радянського» (2001), які писалися протягом значного часу, бо те, що наболіло, ті драматичні події минулого й спогади, як пише поет, він пам'ятав усе життя. Це книга-звинувачення, де сталінські репресії проти українського селянства зображені з великою художньо-викривальною силою, це книга-сповідь, якою поет відзначив своє 80-річчя.

Народився Володимир Гетьман 10 червня 1921 року в придністровському селі Маяках на Одещині в хліборобсько-рибальській родині. Наддністрянські квітучі села здавалися майбутньому поетові найпривабливішими куточками землі, їх він оспівав пізніше у своїх поезіях:

Із Наддністрянщини випливу в світ, із Маяків-села.
Мимо Біляївки, озера Білого,
Мимо дитинства свого пропливу, –
Світу єдиного, розквіту милого,
Мимо усього, що щастям пізніш назову.

Дитинство його минуло в краю, освяченому козацькою історією народу, й було встелене колючими тернами. Рано залишився без батька, але вітчим Кирило Лазаревич Геращенко (робітник водогінної станції «Дністер», колишній партизан, інвалід громадянської війни) зумів допомогти не озлобитися проти світу,

а виховував у любові та взаємоповазі до людей. На станції Дністер (с. Біляївка) закінчив початкову школу.

Із книги автобіографічних етюдів дізнаємося, що у восьмирічному віці його з матір'ю та вітчимом 19 грудня 1929 року кидають у вантажні вагони на станції Єреміївка – як куркулів – і вивозять у Росію, до табору аж під Вологду, де знаходилося близько 90% українців. Заслання для малого Володі Геращенка (Гетьмана) тривало чотири місяці, а для батьків – шість місяців. Неможливо перелічити тих жахів, які бачив, відчув і пережив у таборі Спасо-Преображенського монастиря хлопець. Багатьом дітям, висланим разом із дорослими до різних таборів за межі України, присвячена книга «Світлої пам'яті засланих дітей, що захолонули у вологодських снігах у 1929-1930 рр.». Поет пише: «Куди не йду, а ніби наді мною жаріє те тавро…».

Про те, що це було несправедливе й незаконне рішення, свідчить промовистий факт: родина була «освобожденная от высылки» з поверненням на місце колишнього проживання – у с. Біляївку. Згодом обставини змушують переїхати у с. Маяки, а пізніше, у 1932 році, – до Одеси, де юнак закінчує середню школу.

Володимир Гетьман із благоговінням згадує своїх рятівниць – маминих сестер Лідію Василівну Герастовську, яка приїздила до Спасо-Преображенського монастиря й забрала малого племінника до Москви, та Марію Василівну Бойченко – свою хрещену матір, у сім'ї якої він проживав деякий час. Із шкільних учителів особливо вдячний І.М. Парпурину та В.І. Костенко, від яких він почув, що його прізвище Гетьман – красиве, козацьке, та що воно зобов'язує «гордитись своїми дідами-орлами до скону». Але найсвятіші почуття жили у серці поета до рідної матері, яка всю свою волю, силу, енергію, любов віддала синові. Рядки: «Мамо! Матусенько! Скільки Вам років, / Вашому горю і Вашій журбі?» – це приклад шанобливого звертання до матері, що було характерне для українських сімей.

Володимир Гетьман почав друкувати свої поетичні твори в 1939 році в періодичних виданнях. Його вірші були навіяні народною піснею, яка увійшла до життя юнака з дитинства, коли рідна мама, молода вдова, співала зі своєю подругою, такою ж безталанною вдовою, пісні «Така її доля», «На городі коло броду» та багато інших.

В. Гетьман згадував: «Пізнання кожної нової пісні Кобзаря було подією в житті мого дядька – наймолодшого батькового брата Гаврила Кіндратовича, вихованця Одеського університету, котрий жив і дихав поезією Тараса Григоровича і виховував у племінників побожне ставлення до поета. Особливо любив дядько читати Кобзаря, стоячи на високій дністровській кручі, звідки розгортався безмежний світ… Узагалі у багатьох хатах нижніх подністровців – мешканців мого рідного села Маяки та сусіднього Яськів, а також Біляївки, Овідіополя – були портрети Кобзаря, які обов'язково прикрашалися рушниками».

І стелився, й стелився життєвий шлях… Восени Володимир Гетьман був призваний до лав Червоної армії у Донський козацький полк. Із перших днів Великої Вітчизняної війни брав участь у бойових діях. Під містом Гродно (Білорусь) потрапив під вогонь ворога та в німецький полон, побував у кількох таборах, звідки двічі виривався з-за колючого дроту й двічі, через допити й тортури, повертався до нього, аж поки остаточно не був визволений навесні 1945-го американськими військами з табору військовополонених в Обергаузені. Наш земляк одним із перших в Україні розповів про пекло фашистських таборів, важку долю бранців-полонених у книзі гуманістичного спрямування «За дротом».

Ще певний час (до 1946-го) служив у Радянській армії, відзначений урядовими нагородами. Працював на будовах, пізнаючи мирне буття, мріючи про справжню відбудову країни.

У 1946 році Володимир Гетьман став студентом філологічного факультету Одеського державного університету. У роки навчання на філфаці з'явилася його перша збірка поезій «Рибальське щастя» (1950), яка навіяна спогадами заплавного дитинства та пройнята красою дністровських світанків, димами рибальських вогнищ, нерозвійним запахом «потрійної» вечірньої «юшки в тагані».

А поезія «Далеко, далеко від рідного краю…», яка присвячена китобіям, нагадала мені святкову картину зустрічі на Одеському морському вокзалі славної китобійної флотилії «Слава» та «Радянська Україна» (на китобійці «Беспощадный» плавав капітаном мій зять – Попов Віталій Петрович, і ми з родиною завжди зустрічали китобіїв, а ще з однокурсницею Валентиною Очколас

плавали на китобійному судні до Севастополя). Це відважним трударям моря присвячені рядки:

На промислі труднім і в сиву негоду
Уперто змагаються праці герої.
На славу Вітчизні, на радість народу
В Антарктики води пливуть китобої.

У літературу вводив його Степан Іванович Олійник. Український сатирик працював тоді в газеті «Чорноморська комуна» та вів літоб'єднання, до якого входив поет-початківець. Саме Степану Олійнику завдячував Володимир, що став письменником.

Етюди-спогади з років дитинства та юності – це потік асоціативних зв'язків пережитого, що виникали в пам'яті поета. У засобах масової інформації автора було названо «українським буржуазним націоналістом», але ректор університету професор Прокопій Леонтійович Іванченко відстояв добре ім'я студента.

У статті «Поетичний осуд злочинів 30-х років» про книгу «Наймолодший куркуль Союзу Радянського» П.Ю. Данилко написав: «Деякі епізоди, очевидно, не включені до книги; відсутні, наприклад, фрагменти про ректорів Одеського університету в роки нашого навчання в ньому – професорів Савчука Миколу Панасовича та Іванченка Прокопія Леонтійовича, названих автором у переліку добродійників «ангелами-спасителями».

Здобувши в 1951 році вищу освіту й отримавши диплом філолога, Володимир Петрович певний час учителює. Однак істинне покликання літератора та наставника проявилося в ньому на редакторській роботі в Одеському республіканському видавництві «Маяк», якій він віддав понад чотирнадцять років життя (1954-1968 рр.). Десятки молодих літераторів півдня України увійшли в літературу чи пізнали радість першої книжки з благословення його незаздрісного, незрадливого редакторського олівця.

Більшість критиків, літературознавців, поетів-побратимів, хто писав про Володимира Гетьмана, не відносять його до плеяди «шістдесятників», хоча майже всі наголошують, що спалах його

могутнього таланту, визнання його як поета національного, державницького гарту припали саме на шістдесяті роки, коли крім численних публікацій у періодиці одна за одною з'являлися збірки поезій: «За дротом» (1958), «Ранкові зорі» (1960), «Подорож до обрію» (1963), «Іскри з-під молота» (1964), «Побачення з квітнем» (1965), «Жар-птиця» (1966), «Вогник» (1967), «Білі крила вітрил» (1969). Тоді ж окремі твори поета перекладалися російською, білоруською, казахською, узбецькою, єврейською, абхазькою, угорською, болгарською мовами.

В.П. Гетьман брав активну участь у громадському житті Одеси, обирався депутатом міської ради. Брав участь у Днях української літератури в Молдові, Казахстані, Туркменістані, Узбекистані, Абхазії та Дагестані. Часто зустрічався з читачами рідного Причорномор'я, інших регіонів України. Підтримував листування з корифеями вітчизняної літератури М.Т. Рильським, О.Т. Гончаром, П.М. Вороньком, С.І. Олійником.

Найбільшою подією в його житті залишилося листування з незабутнім Максимом Рильським.

«Максима Тадейовича багато літ люто й незаслужено критикували, – згадував Володимир Гетьман. – А я його настільки любив, що не побоявся написати йому листа, вислав йому свою збірочку «Рибальське щастя» й висловив свою підтримку великому поету. Незабаром одержав від нього листа. Він писав: «Ваші вірші мені сподобалися. Чую в них повів моря. Особливо подобається «Другу рибалці». Вірші передаю до журналу «Україна».

Мені приємно було дізнатися, що цей лист вміщений зараз у повне зібрання творів Максима Рильського».

Творчі набутки поета відзначено Почесними грамотами Президій Верховної Ради України та Абхазії. Помітним визнанням його внеску в розвиток української літератури стало й присудження обласної літературної премії імені Івана Рядченка за 2000-й рік. За станом здоров'я Володимир Гетьман не міг бути присутнім 26 січня 2001 року в Золотій залі Одеського літературного музею, й текст листа виголосила внучка поета Оля (тоді студентка філологічного факультету). Подія для поета була несподіваною. Він зізнавався, що ніколи не думав, що на старості літ стане лауреатом премії свого найкращого друга. У свій час він був

редактором чотирьох поетичних збірок Івана Рядченка – «Первая любовь» (1955), «Наследники победы» (1958), «Когда уходят корабли» (1965), «Шаги» (1967). Про свого друга казав, що той мав якийсь західний шарм, високу культуру, ввічливість, терпимість і такт. «Керувати письменниками – справа нелегка. Здебільшого це люди зі складним характером. Для мене залишилося загадкою, як він міг з усіма ладити», – згадував Володимир Петрович (Іван Рядченко більше десяти років очолював Одеську організацію Спілки письменників України).

Володимир Гетьман двічі побував у шевченківському краї, декілька разів уклонявся Кобзареві у Каневі – могилі творця й величі духу українського народу. У Казахстані, на півострові Мангишлак, уклонився місцям, де відбував заслання геній України, звідти привіз в Одесу гілочку верби та посадив у парку імені Тараса Шевченка. І сьогодні над Чорним морем росте розкішна верба, яку викохував і доглядав наш поет до тих пір, доки вистачало сил. Біля верби люблять фотографуватися гості нашого міста. Таку світлину приніс мені Олег Олійників: біля молодої верби ще теж молодий поет-одесит. В одному з віршів В. Гетьман писав:

Вже здавалось не раз,
що зненацька погасне життєва зоря,
Що розтопчуть, зрубають чужинці червону калину.
Та, конаючи, неня свята породила тоді Кобзаря
Й окропила снагою Дніпра молоду Україну.

Митець майстерно використовує образ калини, щоб досягти виразності й особливої мистецької привабливості. Автор розбудовує композицію вірша за допомогою рослинного образу-символу калини, який органічно пов’язаний з ментальністю українського народу, реальним життям та історичними подіями. Калина – надзвичайно дорогий для українців образ – символ вогню, сонця, неперервності життя, роду українців; України, батьківщини, дівочої честі та вроди, краси й гармонії життя; символ нескореності українського козацтва; єдності нації, незрадливої світлої пам’яті, духовного потягу до свого рідного краю, до рідної землі.

55 років тривала активна поетична творчість нашого видатного земляка. З-під його пера вийшли 20 книжок поезій. «Це багато?» – запитав у ювілейному інтерв'ю Антон Михайлевський. Відповідь була лаконічна: «Я ніколи не думав про кількість. Омар Хайям залишив нам усього 1400 рядків, а став всесвітньо відомим. Справа не в кількості написаного, а в якості». Володимир Петрович не випускав із рук пера до останніх днів (відійшов у вічність поет 11 березня 2003 року): онука передруковувала солідний томик нових восьмивіршів, а поет долучав до рукопису все нові й нові сторінки творів… Писав часто вночі, коли всі спали й стояла тиша. Мабуть, видати «Вибране» Володимира Гетьмана було б на часі, бо він був і залишається у своїй творчості справжнім патріотом, у серці якого жила велика любов до рідного слова, до України. Коли поета запрошували до Америки, він відповідав: «Мені не треба ніяких америк. Яка вона не є, наша Україна, а я щасливий, що у ній живу…»

Про поетичний світ Володимира Петровича Гетьмана написані статті його побратимами-письменниками, однокурсником, кандидатом філологічних наук доцентом Панасом Юхимовичем Данилком, критиком-літературознавцем, професором Євгеном Миколайовичем Прісовським. Хотілося б, щоб і молоді дослідники долучалися до спадщини митця, який відчував музику українського слова, його чарівність, звукову мелодику.

Цікавим залишається художній світ Володимира Гетьмана й для сучасника. Зізнаюсь, наступало якесь хвилювання, коли тримала збірки, в яких є авторські помітки, виправлення, як, наприклад, у книзі «Святкую молодість». Поет у дарчому підписі наголошує, що це четвертий варіант збірки, яка була підписана мудрою одеською цензурою 1977 року до друку (автор називає цензуру 1977-го – «шанувальниками святої поезії», особливо наголошує поет на значенні вагомого слова й лицарів захисту – Василя Фащенка та Анатолія Колісниченка). А потім «розпочалась катавасія-веремія», бо «потолочені рядки бульдозером» видавців його збірки, «обпалені отрутою сміхунця-кобри», «порубані обухом тупим». З етичних міркувань не називаю імен і прізвищ, які зазначені в автографі. На останній сторінці обкладинки автор написав поезію «Болгарським

товаришам». Пройняті глибоким болем спогади про оцінку творів: «За цей «шедевр» і молотили, душили, топтали (це був лише початок катування!) мене духоблуди, пудофети… Земля загойдалась…» Ці слова, можливо, – крик душі поета, їх він написав вірному другу.

У цій книзі вміщений перший акровірш «Вечірній сніг», у якому поет приховав від пильного ока цензури та «друзів-критиків» вираз «Слава мові Шевченка, слава мові рідній», але що цікаво: у виданні немає останньої строфи, вона дописана рукою автора. Написаний вірш у далекому 1975 році.

Дату написання твору вказала не випадково. Справа в тому, що 70-ті роки були позначені в історії української літератури черговою хвилею репресій, посиленням заборон та обмежень. Останні стосувалися тематично-проблемного спектру літератури. Зокрема, небажаними стали теми українського патріотизму, запорозького козацтва, української мови.

Названі теми були загнані «в підпілля», але це не значить, що вони зникли в нашій літературі. Свідченням їхньої живучості та нескореності поетів і є, зокрема, вірш «Вечірній сніг».

Назва вірша мала відвернути увагу цензора й редактора, налаштувавши їх на сприйняття пейзажної лірики.

Акростих благословили до друку, не завваживши, на щастя поета й читачів, основного, висловленого першими літерами кожного рядка…

У книзі поезій «Розмова з коханою», яку підписав мені поет, «Перемог, Добра, (на роздум, див. стор. 101, 257), Успіхів – Любові Миколаївні Ісаєнко від діда В. Гетьмана», на вказаних митцем сторінках вміщені акровірші «Любімо Україну всі» та «Вечірній сніг». Це поетів дороговказ для майбутніх поколінь.

Особливо актуально звучить нині поезія «Говоріть, українці, українською мовою» зі збірки «Євшан-зілля» (1990), хоча її полум'яні слова лягли на папір ще в грудні 1979 року:

Говоріть, українці, українською мовою
Із батьками своїми, із дітьми своїми.
І вважайте це єдиножиттєвою основою,
І поміж рідними – не будьте чужими.

Говоріть, українці, українською мовою
В Академії наук України, говоріте, повсюди,
Не будьте вторинні, без зерна – половою, –
Ви ж такі лицарі духу,
Ви ж таки – Люди.

Говоріть, українці, українською мовою
І навчайте землян – і щоднини, й щомиті,
До Дніпра призволяйте
Думою веселковою, –
Ви ж такі добрі, як ніхто в цілім світі.

Говоріть, українці, українською мовою,
Бо настала для нас остання година:
Чи бути нам нацією і мудрою, і здоровою,
Чи пощезне з лиця землі Україна.

У книзі «Проміння Перемоги» (1995), підписаній мені автором, зазначені сторінки на прочитання. Це теж акровірші, а їх у книзі – 23, і в усіх повторюється вираз «Україна вічна». Цими творами Володимир Гетьман утверджує ідею невмирущості віками плюндрованої, але незнищенної України.

Справжня поезія майстра слова народжується з великої любові чи такої ж великої нелюбові, навіть ненависті. Як відомо, шедеври створюються на вищих точках духовних злетів чи зламів. Тоді, коли душа співає від щастя чи плаче від тяжкого болю, кожен поетичний рядок стає дивовижною коштовністю:

О земле! Вогником калини
І гіркотою полину,
І срібним голосом пташини,
Що провіща для всіх весну.

Мені ти люба і жадана,
На віки вічні дорога…
Пливу з безсмертя-океану
Пісень і сила, і снага.

Міцний космотворчий український ланцюжок: крапельки крові – народження – Україна – Відродження. Епітетами «люба, жадана» передається синівська любов до рідної землі, яку сходив поет.

В. Гетьман, прагнучи збагнути всю багатовікову історію свого народу від сивої давнини, ставить довічні риторичні питання, які мучать поетове серце, й на які не завжди є відповідь:

І навіщо ви, руси, напали на тих угро-фінів-москву,
Полонили народ, пригорнули до себе навіки;
Віддали діалект – свою мову – духовну живу булаву,
Що з'єднала чужі племена, племена невеликі.

Тернистий історичний шлях України, понівечені душі на всьому шляху боротьби українського народу проти турецько-татарських загарбників, але його вірні сини й доньки, «побратими волі», зможуть помститися за сльози людські:

«Ти лети, мій коню», – пісню, як почую,
Ніби на роздоллі знову заночую…
Товариство кревне, побратими волі
Кров'ю присягали в наддністрянськім полі…
Скаженіють турки і тремтять татари:
Буде їм відплата за війну-пожари!

Хіба можна уявити українську душу без історичної пісні, пісенної творчості В. Гетьмана?! Ця пісня – слово поета, який відчуває гордість за свій народ, прагне досягти творчих злетів у житті:

Блакитним зором світ лиш гляне
І затремтить доріг струна, –
І серце тане, смутком тане,
І тане смутку далина.
І вже стріляє цвітом першим
Цей дивовижний юний день
І я, в передчутті завмерши,
Німію в одзвуках пісень.

Володимир Гетьман сприймав красу слова, мелодику його звучання, дбав, щоб слова несли розмаїті психологічні заряди.

«І я живу для вічного народу», – писав майстер слова та чародій лірики. Він вірив, що прийдуть кращі часи й відродиться нова Україна:

Відродимся! Не може бути, мати,
Щоб голос твій – з прадавності – помер!
Твоє покликання в віках звучати.
Ти не мовчи! Відроджуйся тепер!

Планета слухає твоє звучання.
Планета слухає твоє єство.
Ти народилася не для заклання:
І віра наша, й наше божество!

Творчість нашого земляка багатогранна, як саме життя, а пізнати її та поміркувати над прочитаним може зацікавлений читач. Глибоко переконана, що ознайомлення з творчістю В. Гетьмана сприятиме осмисленню значення полум'яного слова поета для виховання нинішніх і майбутніх поколінь нашого народу на найкращих взірцях його поезії, оспіваних ним традиціях і святинях України.

Петр Гейбер

Путешествие оптимистки

Памяти Екатерины Николаевны Вильмонт

16 мая этого года ушла из жизни Екатерина Вильмонт, замечательный литературный переводчик с немецкого, автор 80 книг беллетристики, ясный теплый человек. В неизбежное осознание этого факта еще не верится. Не сесть уже за ее гостеприимный стол, на котором стоит старинный графинчик, запотевшие рюмочки и всякие разносольные лакомства, а в воздухе разлито ласковое поле ее добра. Сколько людей сквозь годы и континенты пропало по длинной мере жизни, а вот Катя Вильмонт все равно осталась и останется столько, сколько отмерено веком.

Сначала немного о ее семье. Мать Кати Наталия Семеновна Ман была классиком советского литературного перевода с трех языков – немецкого, французского и английского (Гете, Шиллер, Т. Манн, Г. Манн, Борхерт, Сомерсет Моэм, Джек Лондон, Мольер…). Ее совместный с С.К. Аптом перевод романа «Доктор Фаустус» Томаса Манна был назван выдающимся событием в литературе. Была она женщиной властной, острого ироничного ума и рапирного остроумия. Считала профессию переводчика лучшей на свете: в самые страшные кровавые сталинские поры переводила «Будденброков».

Отец Николай Николаевич Вильям-Вильмонт – ученый-германист, историк культуры, блестящий переводчик немецкой литературной классики, автор трудов о Гете, Шиллере, Гердере, Т. Манне, немецкой классической философии, академик ФРГ и ГДР. На полках моей домашней библиотеки стоят дорогие сердцу книги моего старшего друга – «Достоевский и Шиллер», «Гете», «О Борисе Пастернаке» с ласковой дарственной надписью

Николая Николаевича. Формально я никогда не учился у Вильям-Вильмонта, однако я *всегда* учился у этого энциклопедически образованного, блестяще остроумного, мягкого, очаровательного человека, истинного дворянина, и многие вещи в жизни поверял по нему. Мне повезло – он ко мне тепло относился и был щедр на беседы со мной. Это – на всю жизнь!

За столом у Вильмонтов в разное время собирался цвет русской, советской художественной интеллигенции – Борис Пастернак (Николай Николаевич был одним из его душеприказчиков), Генрих Нейгауз, Арсений Тарковский, Мария Вениаминовна Юдина, Александр Твардовский, Станислав Нейгауз, Вильгельм Левик, Николай Любимов, Лев Гинзбург, Олег Чухонцев. В него была безответно влюблена Марина Цветаева. В домашнем кабинете Николая Николаевича была написана Солженицыным его нобелевская речь (мне посчастливилось быть тому свидетелем).

Воспитание в такой атмосфере родительского дома с младых ногтей вошло в Катю Вильмонт, в состав ее крови. Собственно, иначе случиться и не могло. Выросшая в кругу московской интеллектуальной элиты, Катя никогда не витала в эмпиреях, была нормальным, вполне земным человеком. У нас с ней была абсолютная душевная совместимость. Трудно охватить в этом кратком воспоминательном эссе нашу с Катей полувековую близкую преданную нежную дружбу. На помощь приходит Ахматова: «Есть три эпохи у воспоминаний. И первая – как бы вчерашний день». Четко помню, как Катя Вильмонт вошла в мою жизнь – просто и свободно, точно место для нее было уготовлено давно.

Когда смотришь в далекое невозвратное, все оживает; я пишу эти строки и памятью прохожу десятки наших встреч и вечеров.

Однажды, кажется, на улице, Катя подобрала собаку. Для поднятия самооценки этой большой добрейшей бездомной дворняги Вильмонты произвели его в пэры и нарекли Лордом. Собака с возрастом стала болеть, а к старости с ней случился паралич мочевого пузыря. Несмотря на то, что постоянно подпирали редакционные сроки – в те поры Катя активно переводила, – она ежедневно занималась несчастным животным, лечила его, выгуливала. В каком-то смысле это был маленький подвиг, продиктованный свойственным ей добротворством, происходящим

из врожденного благородства. Катя была поздним ребенком – родители были немолоды, и часть домашней работы неизбежно лежала на ней. Иногда ей нездоровилось, а на горизонте была уже новая работа, и необходимо было торопиться… Свободного времени оставалось мало. Впрочем, как у каждой молодой женщины, бывали у нее увлечения, которые подчас переходили в романы, однако личную жизнь она так и не устроила и с уходом родителей осталась одна. Нужно сказать, что к нереализованным возможностям Катя относилась философски и всегда повторяла библейскую фразу: чего нет, того не счесть.

У Кати Вильмонт была феноменальная память. Однажды под мою диктовку она набрала по своему домашнему телефону номер в Лейпциге, которого она до этого не знала. Через год, снова в доме у Кати, стал я искать в своей записной книжке тот же лейпцигский номер. Как же было велико мое удивление, когда Катя сказала мне: «Не трудись!» – и продиктовала его по памяти. Она всегда говорила, что голова у нее – «огромный мусорный ящик, который я не могу почистить».

Переводчиком Катя была милостью божьей. Международно признанный мастер художественного перевода, беспощадно – невзирая на лица – строгая в оценках Наталья Семеновна Ман мне как-то сказала: «Одному Богу известно, как Катька умудряется переводить эту модернягу». В ее русском словарном рационе не было никаких изысков, лишь самое ясное, яркое, точное и необходимое.

Никогда не забуду, как в мой очередной приезд в Москву мы с Катей отправились в Центральный дом литератора, где в клубной программе была назначена читка отрывка из ее последнего перевода. Время было послеобеденное, когда писатели, отяжелевшие от обильной вкусной еды и выпивки знаменитого в ту пору ресторана ЦДЛ, без особого энтузиазма побрели в зал. Первым вышел на подиум Булат Шалвович Окуджава с гитарой, он поблагодарил дирекцию клуба за то, что «между пельменным днем и шахматно-шашечным турниром» им все же удалось найти местечко в программе и для него. Тут мы стали орать «ура!» и хлопать – Окуджава был соседом Вильмонтов по дому и однажды даже позвал нас на чай. Вслед за ним поднялась Екатерина (не

помню точно, что она читала тогда). Совписы поначалу тихонько болтали, и под их тучными телами поскрипывали кресла. Катя, не обращая на них никакого внимания, начала читать свой изумительный перевод, голос ее иногда чуть от волнения прерывался, обретая почти драматическую выразительность. Перед нами был искусный чтец, наслаждающийся музыкой прекрасного текста. Через несколько минут в зале сделалась мертвая тишина, нарушенная аплодисментами, лишь когда было прочтено последнее предложение. Хлопали ей искренне!

У Кати был особый талант общения с людьми. У нее в юности было много друзей, одним из них был ученый-геолог, боксер, гуляка Саша Живкович. Вильмонты его любили и иногда прощали ему faux pas, которые не простили бы другому. Как-то в молодости Саша предложил Кате поехать в экспедицию. В геологической партии ей была определена должность поварихи. (Надо сказать здесь, что она прекрасно готовила.) Катя, не раздумывая, согласилась, оговорив в качестве условия участие в экспедиции личной службы безопасности – любимой собаки Лорда. С собой она прихватила пишущую машинку и книгу, которую тогда переводила. Позже она вспоминала об этом времени как об одном из лучших в жизни.

Мы, поскольку нам позволяло время, гостили у друг друга. Катя очень любила Одессу, где мы тогда жили, и с радостью приезжала к нам «на море». Она говорила, что запахи Черного моря ранним утром рождали в ее душе какую-то тихую умиротворенную радость. Моего отца, коренного одессита, она считала «одним из самых очаровательных людей, которых знала». «Кроме массы прочих достоинств, – писала она, – Игорь Петрович еще и великолепно готовил! В его облике и в манере было что-то раблезианское». Мои родители обожали Катю. К завтраку, как и было принято в нашем городе, на столе среди прочей снеди царили дары моря. Она вспоминает:

«Как-то я гостила у Гейберов в Одессе, и по утрам Игорь Петрович будил меня так:

– Солнце, вставай! Я уже сходил на Привоз и нажарил тебе бычков! Ты любишь бычки?

Из его рук я была готова есть даже то, чего никогда не ела».

У мамы же моей, которая была великолепным кулинаром и кондитером, Катя брала рецепты южных блюд.

Наши отцы были фронтовыми друзьями и очень друг друга любили. «Однажды, – пишет Катя, – когда отцу в очередной раз отказали в заграничной турпоездке, я поняла, что сейчас он неизбежно впадет в депрессию, и сказала маме: «Увези его куда-нибудь!» – «Куда?» – откровенно растерялась мама. – «В Одессу!» – сообразила я». Так и сделали. В нашем замечательном городе в беседах с близким другом Николай Николаевич совершенно отошел. «Жить надо у Черного моря, – говорил он».

Об этом и о многом другом из нашей с ней жизни Катя рассказала в вышедшей в 2006 году книге «Дети Галактики, или Чепуха на постном масле», которую я выше цитировал. Определяя жанр этой книги, Вильмонт писала, что это «взгляд и нечто с гастрономическим уклоном». На самом деле – это, прежде всего, текст о жизни, людях, дружбе.

В 1984 году Катя позвонила мне в Вильнюс и сказала, что закончила очередной перевод книги (если мне не изменяет память, это были «Проделки близнецов» Эриха Кестнера). Она говорила, что грустит, что пришлось расстаться с этой чудной историей замечательного писателя, что скучает и хочет приехать к нам в Вильнюс, где мы тогда жили в затяжном «отказе». Мы с женой обрадовались, тотчас проверили программу джазового кафе «Неринга», где часто устраивал джем-сейшен со своими консерваторскими студентами гениальный трубач и саксофонист Володя Чекасин из легендарного джазового трио Ганелин – Тарасов – Чекасин. Был он известен еще и тем, что один из немногих музыкантов играл на бассетгорне. Однако радоваться было рано.

Вместо того чтобы встречать Катю на вокзале, я утром того же дня срочно вылетел в Москву. Случилось несчастье: Наталия Семеновна, которая к тому времени уже не ходила, заснула в постели с зажженной сигаретой. Результат – страшный: Наталья Ман трагически погибла, а квартира в знаменитом писательском доме со старинной антикварной мебелью, уникальным книжным собранием и бесценным архивом сгорела дотла. К счастью, Николай Николаевич, получив лишь небольшие ожоги, был спасен. Катю с отцом забрали к себе друзья.

В сгоревшую квартиру идти было страшно, но кто-то это должен был сделать, и я, наивно спросив ключи, пошел. Картина была жуткая: перед моими глазами предстало выжженное дупло. Не стану рассказывать, каково было разбирать пепелище этого Дома. Единственное, что сохранилось, – кое-какие книги и (ирония судьбы) шкатулка, в которой лежало 100 рублей. Главное испытание было, однако, впереди. Стараясь отыскать в головешках следы архива, я натыкался на уцелевшие обрывки писем, подписанные поэтами и писателями, составившими славу Серебряного века. Это были бесценные материалы национального литературного наследия. В моей жизни случались испытания, я никогда не считал себя слабым человеком, однако здесь лицо мое было совершенно мокрым от слез.

Голова у Николая Николаевича была перебинтована, но он не жаловался, мужественно переносил обрушившееся на семью несчастье. Помню, утром следующего дня он позволил мне побрить себя. Долго молчал, потом сказал: «Таты уже нет, но я обязан продолжать писать». Катю тогда спас оптимизм и жизнестойкость. Сейчас ей нужно было позаботиться об отце. Она всегда была хронической оптимисткой, умела в самые тяжелые дни своей жизни оставаться верящей в лучшее и не роптать на Бога: «Схожу-ка я на рынок, – бывало, говорила она, – куплю цветочков – и настроение у меня хорошее на целый день». Не напрасно ее первый дебютный «любовный роман» назывался «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры». Позже даже появился термин «вильмонтотерапия».

В 2004 году Катя гостила у нас в Лос-Анджелесе. Все началось с казуса: из самолета вышли уже все пассажиры, затем бортпроводницы, наконец – пилоты и бортмеханики, а Кати все не было. Мы с женой и еще одна пара общих друзей стали звонить ей в Москву, но телефон молчал. Не зная что и думать, я пошел к пограничникам, но они настоятельно порекомендовали мне исчезнуть и не искать приключений… Наконец спустя полтора часа появилась Вильмонт Е.Н., оглашавшая международный аэропорт изысканными образцами русского языка из сокровищницы русской национальной лексики. В тот памятный день Катей мог бы гордиться даже Владимир Иванович Даль. Оказалось, что

в американском посольстве в Москве были взяты недостаточно четкие «пальчики», и нашу гостью проверяли на предмет запланированной инфильтрации в сердце американского Запада. Никакие увещевания не помогли, даже удостоверение члена ПЕН-клуба. Что примечательно, к Катиному приезду мы подготовили целый план путешествий: Монтерей, Сан-Франциско, Кармел, Лас-Вегас, Напа, плотина Гувера… Однако Катя неожиданно сказала, что никуда ехать не хочет, а хочется ей «простонапросто быть с вами, проехаться по Лос-Анджелесу, посидеть на берегу Тихого океана и попробовать лобстер». Мы удивились, но тут наша Катерина утомленно прикрыла глаза и положила, как в старые времена, голову на мое товарищеское плечо. Больше мы к вопросу путешествий не возвращались. Моя жена, врач по профессии, понимала, что у Катюши было достаточно много проблем со здоровьем, включая серьезный диабет.

Катя была щедро наделена богатым воображением, она вообще была фантазерка. Мы сидели с ней в прибрежном ресторане в Малибу, и я поражался неистощимости ее писательской фантазии (за свою творческую жизнь она написала 80 книг!). «На самом деле все просто, – говорила она. – Вот мы сидим тут с тобой, разговариваем, пьем вино, смотрим на океан – все это, считай, уже пошло в еще не придуманную книгу». В этом я убедился, когда спустя полгода мы нашли в почте ее новую книгу «Зеленые холмы Калифорнии».

Человеком Катя была теплым, охочим до добрых, хороших людей, с иронией тонкой и незлой, а в трудные моменты жизненных испытаний умела собраться и держать удар. В лихие 90-е, когда народу было не до художественной литературы, за переводы платили копейки, а сбережения были обесценены, Катя оказалась едва ли не без средств к существованию. Это ударило по ней достаточно сильно: дело в том, что в советские времена художественные переводы всегда оплачивались очень хорошо. Все три Вильмонта были членами Союза писателей, и работа у них не переводилась. Кроме того, им по статусу были положены писательские продуктовые заказы, в которых было все чего душа пожелает. То есть по совковым масштабам это был вполне обеспеченный дом, который всегда велся широко. Однако

к тому времени родителей уже не было в живых, и Катя медленно, но верно оказалась на мели. Мы об этом узнали только тогда, когда приехавшие к нам в гости родственники рассказали, что у Кати начались серьезные финансовые трудности, и она была «готова идти работать в киоск».

Однажды утром в поисках выхода она села за стол, взяла лист бумаги и попыталась сочинить историю о «любви сквозь смех и слезы». Так появилась первая книга «молодой» писательницы Екатерины Вильмонт – ранее помянутый здесь роман «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры», разошедшийся по стране небывалым тиражом. Следующим этапом творческой биографии стали получившие широкое признание детские детективы, после чего Екатерина Вильмонт все-таки вернулась к жанру любовных романов, центральной темой которых был, по ее определению, «роман как любовная связь».

На боковых путях уже не слишком обширной памяти осталось наше с Катей приключение с солженицынским «Архипелагом ГУЛАГ». Один из доброхотов настоял на том, чтобы Вильмонты вынесли из дома весь сам- и тамиздат, предупредив их, что в тот день следовало ожидать «гостей дорогих». К нему якобы эта информация просочилась от какого-то сотрудника тогдашнего секретаря по оргвопросам Московского отделения Союза писателей, бывшего генерала НКВД Ильина. Так случилось, что я накануне прилетел в Москву. Стоял очень холодный, промозглый зимний день. Я спрятал книгу под свитер, мы с Катей напялили пальто и спешно покинули дом. На улице в тот день находиться было невозможно – был жуткий мороз; мы приняли стратегическое решение: взяли такси и поехали в ГУМ. Там было тепло и можно было раствориться в толпах приезжих из провинции. В универмаге мы провели четыре с половиной часа, до самого закрытия. К счастью, информация оказалась ложной – Бог миловал: к Вильмонтам не пришли.

23 апреля 1987 года Катя приехала в Шереметьево, чтобы проводить нас в Америку. Мы обнялись, и она сказала: «Мы, Петька, еще увидимся, но уже никогда – молодыми». Нам тогда было по сорок лет… Спустя семнадцать лет, в 2004 году, Катя приехала к нам в Лос-Анджелес. Она привезла нам в дар одну

из сохранившихся в пожаре книг – авторский экземпляр «Воздушных путей» Бориса Пастернака. На титульном листе – дарственная надпись автора близким друзьям – чете Вильмонтов: «Дорогому Коле и Наталье Семеновне с большой любовью – Б. П.».

Дружба с Екатериной Николаевной Вильмонт, «нашей Катей», – счастливый факт нашей с женой душевной и человеческой биографии. Отсвет ее преданности дружбе лежал и будет лежать на всех нас, по-разному окрашенный, по-разному воспринимаемый, но неизменно драгоценный для сердца и памяти. А большего и не попросишь.

Наступило сегодня, придут и новые дни. В них навсегда останутся дорогие сердцу воспоминания, любовь и память сердца. Спасибо тебе, Катюша!

Лос-Анджелес

Ольга Тангян

Жена художника

Художник Амшей Нюренберг (1887-1979) и его жена Полина Мамичева (1894-1978) прожили вместе более шестидесяти лет. Лично для меня Полина Мамичева была бабушкой, матерью моей мамы, певицы Нины Нелиной, тещей моего отца, писателя Юрия Трифонова. Супруги были тесно связаны с Одессой. Амшей окончил Одесское художественное училище, а москвичка Полина вскоре после свадьбы в 1916 г. переехала в Одессу, где тоже стала заниматься живописью. Она писала натюрморты в новом кубистском стиле и вместе с другими молодыми художниками участвовала в выставках «Общества независимых», включавшего таких впоследствии признанных мастеров, как Фраерман, Фазини, Малик, Олесевич и др. В Гражданскую войну Мамичева помогала мужу в его художественно-общественной деятельности и даже провела несколько месяцев в одесской тюрьме, куда ее заключили из-за мужа, первого одесского комиссара искусств. Именно в Одессе Нюренберги встретили начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941. Приехав накануне, они надеялись провести у друзей школьные каникулы дочери и написать морские пейзажи. Жизнь, однако, распорядилась иначе. Им пришлось срочно уехать, чтобы с группой пожилых художников эвакуироваться в Ташкент.* Последняя прижизненная персональная выставка Нюренберга 1963 г. также состоялась в Одессе. Тогда он впервые встретил журналиста газеты «Вечерняя Одесса» Евгения Голубовского.**

* О. Трифонова-Тангян. Как художники пережили войну. – Журнал «Чайка», 7 января 2019 г. https://www.chayka.org/node/9485

** Евгений Голубовский (р. 1936) – журналист, культуролог, автор многих статей и книг, вице-президент Всемирного клуба одесситов.

Вышло так, что делом жизни Полины Мамичевой оказалось воспитание и музыкальное образование дочери, которая, став в 25 лет солисткой Большого театра, выступала как Нина Нелина. Вместе с мужем, молодым писателем Юрием Трифоновым, незадолго до этого получившим Сталинскую премию за роман «Студенты», Нелина шесть лет делила с родителями квартиру в Доме художников на Верхней Масловке в Москве. Доминирование Полины в их совместной жизни в известной степени определило и дальнейшую трагическую судьбу дочери, и последующую славу Трифонова. Лишь с годами я осознала роль Полины Мамичевой как нашего «семейного менеджера», чему и посвящается эта статья.

* * *

Отец Полины, московский купец Николай Мамичев, начал с того, что мальчиком разносил по домам фрукты. Постепенно он развернул свою торговлю и довел дело до сети фруктовых магазинов, главный из которых находился на Сретенке. Его жизнь шла циклами: сначала он работал, как одержимый, затем безудержно пил в кабаках и гулял с цыганами, потом трезвел и отправлялся в церковь замаливать грехи. От такого образа жизни он рано умер в 1914 году, как тогда говорили, от удара (инсульта).

Мать Полины Неонила Георгиевна пережила мужа на четверть века. Одна из ее внучек (и племянница Полины), Тамара Куколева, написала мне в письме 20 февраля 1999 года:

«Оля, знаешь, что я вспомнила из далекого-далекого прошлого… Вижу, как сейчас, длинную полутемную комнату с голландской печью, с небольшим оконцем (это до революции была монастырская келья).* В комнате стояла массивная деревянная кровать, украшенная резьбой, старинный комод, на котором стояло довольно большое зеркало, стоял дубовый стол на очень толстых ногах, был добротный полированный сундук, шкаф, стулья с высокими спинками, с кожаными сиденьями. Нам, вну-

* Из моего телефонного разговора с Т. Куколевой 8 августа 1999 года: «В Москве существовало Гексехановское подворье. Там были кельи, в которых жили монашки. Бабушка Неонила – купчиха – помогала материально монашкам. Когда монашек расселили, одну из келий предоставили бабушке в пользование, там я ее в детстве и навещала».

кам, разрешалось сидеть на сундуке, а на кровати с подушками до потолка ни в коем случае сидеть не разрешалось. И мы бабушку слушались беспрекословно. Слово «нельзя» для нас очень много значило. Над столом висели два больших портрета – увеличенные фотографии бабушки и дедушки, вставленные в широкие деревянные рамы. Дедушку в живых я не застала: он умер скоропостижно в 1914 году, накануне Первой мировой войны. На этих фотографиях-портретах супруги Мамичевы выглядели очень парадно. До сих пор помню дедушкин котелок (шляпу). Я очень любила навещать бабушку, мне нравилось у нее сидеть подолгу. Это была женщина мудрая, уравновешенная, с широким жизненным кругозором, где-то и суровая. Женщина гордая, с чувством собственного достоинства. она никогда не повышала голоса, не плакала, не жаловалась… С кем-нибудь (лишь бы не скучать) она не общалась. Строго выбирала друзей и знакомых».

Образ жизни отца пагубно отразился на здоровье его десяти детей. Некоторые из них, в том числе Полина, имели неустойчивую психику, страдали повышенной возбудимостью. Как следовало из дневника Амшея Нюренберга, уже в первые годы их брака она устраивала ему маленькие «концертики», а иногда и большие «концерты». Иногда он ласково называл ее «моя фурия».

Семья Мамичевых происходила из старообрядцев, которые отличались непризнанием авторитетов, неподчинением установленным порядкам. Все Мамичевы боролись за «правду», причем самыми причудливыми способами. На этой почве у них часто возникали конфликты. Полина был одержима идеей «справедливости» и больше всего ненавидела «предательство». Думая о бабушке Полине, мне всегда представлялся фанатичный образ старообрядки-боярыни Морозовой с картины Сурикова.

В середине 30-х годов ее сестра, красавица Зинаида Мамичева, вышла на Красную площадь с проклятиями в адрес Сталина, повинного в гибели ее единственного сына, после чего навсегда исчезла в психиатрической больнице.

– «Бывшим» ходу не давали, – жаловалась мне другая бабушкина сестра, Дина (Евдокия).

Дина тоже отличалась мамичевским нравом. Если что-то было не по ней, она рассылала многостраничные письма. Если кого-то

не жаловала, то проклинала его, после чего человек таял, как свеча. В коммунальных квартирах это только множило неприятности. Ее дочь Тамара Куколева умоляла: «Мама, молчи», «Мама, не пиши». Но не так-то просто было заставить замолчать «боярыню Морозову».

Полина, как и все дети Мамичевы, была красивой. На юных фотографиях ее нежное лицо окаймляли каштановые локоны. Позже она делала себе высокие элегантные прически. У нее были светлые, почти прозрачные голубые глаза. Летом бабушка Полина быстро загорала, и они ярко светились на потемневшем от загара лице. Из моего телефонного разговора с ее племянницей Тамарой 8 августа 1999 года:

«Полина была «куколкой». Очень синие глаза. Потом, в старости, ее глаза выцвели, стали, как у рыбы. Я только два раза в жизни видела красивые носики – один из них был у бабушки Полины».

Полина Мамичева. Одесса. 1918

Полина любила экстравагантно наряжаться. Поскольку на нервной почве на ее руках вспыхивала экзема, она и летом носила перчатки, а от солнца защищалась зонтиком. Вспомнился такой эпизод: однажды, когда бабушка была уже преклонного возраста, мы вместе ехали в московском троллейбусе. Она была в обычном для себя наряде, в перчатках и с зонтиком, и один пассажир, взглянув на нее, неожиданно воскликнул: «Какая красивая!». Зонтик бабушка любила носить повсюду. Однажды в коммунальной квартире она села под зонтиком в кухне, поскольку соседка развесила сушиться под потолком постиранные простыни, и капли падали вниз. Соседка как-то со смехом рассказала мне этот эпизод. Возможно, бабушка поступила так, чтобы та не развешивала больше свое мокрое белье на общей кухне?

Полина тяготела к театральности. Она часто заявляла: «Я – купеческая дочь!». А в старости не без вызова говорила: «Я – Пиковая дама!». Подразумевалось, что ее пророчества часто сбывались. Возможно, ее провидческие способности передались и дочери Нине. Неслучайно мой отец утверждал, что «Нина – ведьма». Многие предсказания из дневников Нины Нелиной сбывались. А когда после смерти жены Трифонов издал «московские» повести, то Алла Драгунская даже заявила:

– Это Нина диктует ему «оттуда»…

В молодости за Полиной ухаживал богатый немец, многодетный вдовец, намного старше нее. Она рассказывала мне, как он пел ей модные в те годы романсы: «Капризная, упрямая, Вы сотканы из роз. Я старше Вас, дитя мое, стыжусь своих я слез…», «Вам восемнадцать лет, у Вас своя дорога, Вы можете смеяться и шутить. А мне возврата нет, я пережил так много…». Но Полина замуж за него выйти не захотела и предпочла начинающего художника Нюренберга.

Их знакомство состоялось в 1915 году в Москве. После возвращения из Франции, где Нюренберг провел два года, он отправился в Москву навестить своего друга Виктора Мидлера.* Тогда

* Виктор Мидлер (1888-1979) – живописец, график и искусствовед. Вначале работал аптекарем, потом учился живописи у Нюренберга, затем в Одесском художественном училище у Ладыженского. Старший хранитель отдела живописи Третьяковской галереи. В 1928 году Мидлер был командирован А. Луначарским

Полина и Амшей Нюренберги. Прибалтика. 1960-е годы

и произошла его первая встреча с Полиной. Мидлер был знаком с бабушкиной сестрой Диной и пригласил ее в ресторан, предложив привести свою сестру: «Придет мой друг художник, он только что вернулся из Парижа». Амшей сразу попытался завоевать расположение Полины. Бабушка любила вспоминать, как Нюренберг с первого дня знакомства старался привлечь ее внимание: обмахивался французской шляпой, вставлял в речь иностранные слова, без конца рассказывал о Париже. Она над ним посмеялась, но все же ему удалось пробудить в ней интерес к себе. К тому же Нюренберг был элегантен и красив со своей копной черных кудрей и горящими глазами. В 1916 году они венчались в церкви на Сретенке, неподалеку от магазина Мамичева (мне всегда казалось, что бабушка была очень привязана к своему отцу). По требованию тещи Неонилы Амшей до женитьбы принял пра-

в Париж для отбора картин на выставку в Москве «Современное французское искусство». Явился одним из организаторов МОССХа (Московский областной союз советских художников).

вославие, получив при крещении второе имя – Алексей. Поэтому и моя мама при рождении была записана Нинель Алексеевной, а не Амшеевной.

При соседях по коммунальной квартире она называла мужа не Амшей, а звала: «Алексей! Иди поставь чайник». Она вспоминала, как ее дочь, которой в Большом театре порекомендовали заменить имя и фамилию Нинель Нюренберг на что-то более русское, спрашивала:

– Мама, зачем ты вышла замуж за еврея?

Полина гордилась отсутствием национальных предубеждений и подчеркивала, что, выходя замуж, не думала ни о национальности, ни о проблемах детей на этой почве.

В юности Полина училась на модистку шляпок, а позже в Париже даже получила диплом дизайнера моды. Кроме того, она окончила московскую балетную школу и начала выступать на сцене, но карьера балерины продолжения не имела. Когда она вышла замуж за Нюренберга, то вместе с ним занялась живописью и участвовала в выставках одесского «Общества независимых», будучи в нем единственной женщиной. Сравнительно недавно обнаружились ее четыре натюрморта 1918 г. в стиле кубизма. Они принадлежали меценату Якову Перемену, который в 1919 г. вывез в Палестину на легендарном корабле «Руслан» всю коллекцию одесских модернистов. В 2006 г. под Тель-Авивом состоялась выставка «Одесские парижане»,* лучшие 86 работ которой, включая картины Мамичевой, были в апреле 2010 г. проданы на нью-йоркском аукционе «Сотбис».

После 1917 г. жизнь в стране радикально изменилась. Дед мне часто повторял:

– Полина участвовала в Революции.

То же самое он подчеркнул, подписывая мне свою книгу 1969 г. «Воспоминания, встречи, мысли об искусстве»:

«Дорогая, любимая внучка Олюся! Всегда береги эту книжку. В ней участвуют нежно и глубоко любившие и любящие тебя близкие люди: мама, которая редактировала несколько статей

* Одесские парижане: Произведения художников-модернистов из коллекции Якова Перемена. – Рамат-Ган, Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных, 2006.

«Общество независимых». Одесса. 1918
Сидят: слева – И. Малик, В. Мидлер; справа – А. Нюренберг, П. Мамичева

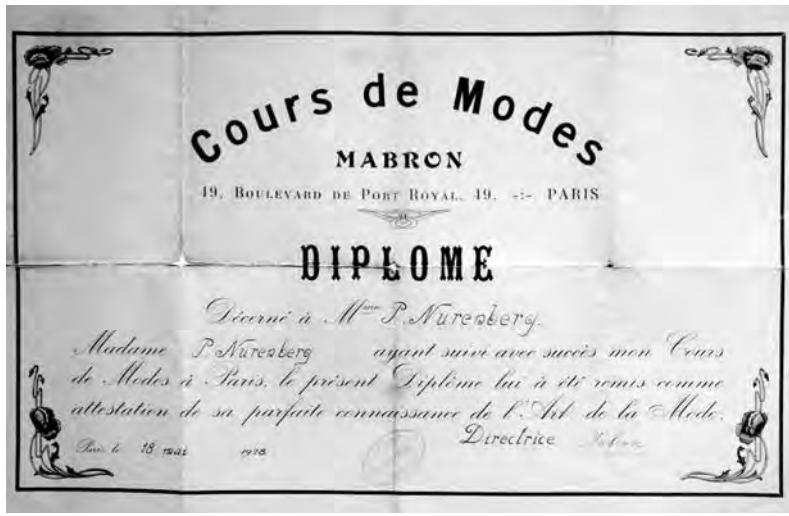
рукописи, бабушка, которая участвовала в Революции, и дедушка, написавший текст и иллюстрировавший его своими работами.

Бабушка Полина и дед Амшей, Москва, 1969 год 1 октября»

Строго говоря, Полина участвовала в первомайском оформлении Одессы в 1919 г. и организации Первой народной выставки в июне того же года. Кроме того, она помогала Нюренбергу, в том числе как председателю одесского Комитета по охране памятников искусства, «брошенных бежавшей буржуазией». Еще бабушка часто напоминала, что «сидела из-за Нюренберга в тюрьме». Участие бабушки в Революции и то, что она сидела из-за деда в тюрьме, казалось мне в детстве полным абсурдом. Лишь позже я поняла, что он имел в виду. В августе 1919 г. белые, захватив Одессу, начали преследовать евреев и красных комиссаров. Нюренберг же был и евреем, и комиссаром искусств. Ему удалось спрятаться в подвале дома своих друзей. Тогда белые схватили мою бабушку, отвели ее в контрразведку и стали допытываться, где прячется

Полина Мамичева. 1918. Одесса. Натюрморты из коллекции Якова Перемена с выставки «Одесские парижане» в Музее Цетлиных. Рамат-Ган. 2006

ее муж, «красный комиссар». Полина отвечала, что «никакой он ей не муж, что она балерина, и что у нее таких мужей много». Три месяца она просидела в общей камере, набитой до предела. Мужа она не выдала (не напрасно же она всегда ненавидела предательство!). Благодаря ходатайствам нескольких уважаемых одесситов ее в конце концов выпустили на поруки. После освобождения она поспешила уехать в Елисаветград (позже названный Кировоградом, ныне Кропивницким), где жили



Cours de Modes

MABRON

49, Boulevard de Port Royal, 49. -:- PARIS

DIPLOME

Décerné à Mme P. Nurenberg

Madame P. Nurenberg ayant suivi avec succès mon Cours de Modes à Paris, le présent Diplôme lui a été remis comme attestation de sa parfaite connaissance de l'Art de la Mode.

Directrice

Paris le 18 mai 1928

Диплом об окончании курса моды, выданный Полине Мамичевой. Париж. 1928

родители, братья и сестры Нюренберга, и куда к тому времени он уже тайно перебрался. Эта история была описана Нюренбергом в его воспоминаниях.*

В 1920 году Полина Мамичева с Нюренбергом окончательно переехали в свой родной город. В Москве жили ее родственники – мать Неонила, сестры и братья. Она помогала Нюренбергу делать трафареты для плакатов в Окнах РОСТА (Российское телеграфное агентство), где он работал под руководством В. Маяковского. Сопровождала его в поездке в Среднюю Азию, куда отправили группу художников для составления реестра исторических зданий Ташкента и Самарканда. В 1923 году, после семи лет брака, у супругов Нюренбергов родилась дочь Нинель (ее рождение потом датировалось 1925 г.).

В 1927 году Нюренберг вторично отправился в Париж. Если в 1911-1913 гг. он занимался там преимущественно живописью

* А. Нюренберг. Одесса – Париж – Москва. – М.: Мосты культуры, 2010, с. 168-170; 216-220. См. также: https://www.amshey-nurenberg.com/NUERENBERG_BOOK_Ed.O.Tangian.pdf, с. 102-105, 110-111.

и перебивался случайными заработками, то на этот раз он приехал солидно: командированный наркомом просвещения А. Луначарским для чтения лекций о советском искусстве и как семейный человек – с женой Полиной и четырехлетней дочкой Нелей. Неля посещала детский садик, после которого Нюренберг забирал ее домой. А Полина уходила утром на курсы по французской моде, возвращалась к вечеру, готовила еду, после чего все вместе ужинали. Жили они тогда в Париже в 13-м округе на улице Барро.

Полина Мамичева. Париж. 1928

Красивая и хорошо танцевавшая Полина легко вписалась в парижскую богему, увлеченную балетными «Русскими сезонами» Дягилева. Встретив молодую жену Нюренберга в Париже, один из его старых друзей даже пошутил:

– Теперь мы понимаем, зачем ты возвращался на родину!

Очарованные французы называли Полину «нашей Катей», а один богатый парижанин уговаривал ее уйти к нему вместе с дочкой. Бабушка обратилась за советом к гадалке. Та ответила:

– Ваш кавалер – легкомысленный повеса. Он удовлетворит свой каприз и оставит Вас. Что Вы будете делать одна с маленьким ребенком без знания языка в чужой стране? Возвращайтесь-ка к мужу.

Бабушка так и сделала, а дед поспешил увезти свою семью в Москву, из-за чего его второе пребывание в Париже оказалось несколько урезанным.

Поспешный отъезд из Парижа в 1929 г. не был легким решением. Луначарский, командируя туда Нюренберга, доверительно дал понять, что тот может там «задержаться». Нюренберг

сознавал, что ему был дан второй шанс, возобновил свои связи и стал участвовать в выставках. Однако начинать в сорок лет все сначала и догонять далеко продвинувшихся товарищей, таких как Шагал, Сутин или Мещанинов, ему, вполне преуспевающему на родине, показалось не вполне оправданным. К тому же его официальный статус и пропагандистская миссия не у всех вызывали симпатии. Полина же, не став к тридцати трем годам ни балериной, ни художницей, наоборот, окрылилась в Париже новыми перспективами. Она блистала в обществе, получила диплом для работы в индустрии высокой моды и вскружила голову богатому французу. Возвращение же в закрывающуюся от внешнего мира Советскую Россию на всех ее чаяниях ставило крест: «Она рассказывала, как возвращаясь на поезде из Парижа в Москву и увидев на перроне деревенских баб с семечками, начала плакать».*

* * *

В течение шестидесяти трех лет брака как у Полины, так и у Амшея случались любовные приключения, сведения о которых так или иначе до меня докатывались. Один раз Полина влюбилась в доктора, который ее лечил. Она несколько раз пыталась рассказать мне о нем, но каждый раз осекалась. Она начинала так:

– Он ходил к нам домой, ходил к нам домой… – но дальше недоговаривала.

Могу только реконструировать историю по отдельным деталям. В частности, среди эскизов Нюренберга попадалась дама на раскладушке в лесу, к которой галантно склонялся доктор с русой бородой.

Дед проявлял выдержку. В повести Трифонова «Долгое прощание» есть эпизод, где старый человек, прототипом которого служил Нюренберг, уговаривал зятя спокойнее относиться к эскападам жены, приводя себя в пример:

«– Гриша, хочу вам сказать… – заговорил вдруг старик, приближаясь тихо. – Мне все едино… вы завтра уедете, я послезавтра помру. Мне что? Ну вот, пятнадцать, не то шестнадцать лет назад

* А. Нюренберг. Одесса – Париж – Москва. – М.: Мосты культуры, 2010, с. 19. См. также https://www.amshey-nurenberg.com/NUERENBERG_BOOK_Ed.O.Tangian.pdf, с. XVIII.

был Валентин… – оглянувшись, продолжал шепотом: – Иванович Скобов. Старший мастер по нашему заводу. Солидный человек. Очень солидный, представительный. В кузнечном цехе. Вместе на рыбалку ездили, гостевали, то, се. И вдруг чую: у Ирины с ним какая-то хреномутия, сохнет баба, любовь, понимаете ли… Ну, не любовь, не знаю, кто ее знает, как хотите называйте. Но что характерно! Был момент, уйти, думаю. Непременно уйти. Девку забрать, уйти, куда глаза глядят…

– Так. И дальше?

– Дальше ничего. Глупость, понимаете? Глупость проходит, а жизнь-то длинная».**

Иногда дед тоже увлекался. Он рассказал моему мужу о своем романе с актрисой Верой Марецкой. По его словам, Марецкая была «чертовкой» и уговаривала: «Брось свою Полинку!». Бабушка очень страдала, даже собиралась разводиться. Ходила жаловаться к самой уравновешенной сестре Леле (Ольге Мамичевой), с которой дружила больше других. Та убедила ее не делать глупостей и набраться терпения. Возможно, время от времени у деда были и другие похождения, о которых мне просто ничего не известно. Всегда возникают вопросы, какие отношения связывают художника с его многочисленными «ню».

Бабушка устраивала деду сцены ревности и в восьмидесятилетнем возрасте, что мне казалось верхом нелепости. Однажды она приревновала мужа к симпатичной сорокалетней соседке по дому, которая приходила ему позировать. Бабушке казалось подозрительным, что дед проводил с ней много времени, а главное, в ателье Союза художников он заказал к зимнему пальто новый каракулевый воротник. В ее глазах это служило неопровержимым доказательством его увлечения. В какой-то момент Полина в отчаянии ударила его чем-то тяжелым по голове. После этого она в панике звонила мне и просила приехать. Когда я приехала, то узнала подробности. Бабушку мучили угрызения совести, она переживала, что ее удар мог оказаться слишком сильным. Сам дед лежал на кровати и театрально стонал, держась за голову. К счастью, все обошлось.

** Ю. Трифонов. Долгое прощание. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 206-207.

Помню, бабушка часто повторяла:

– Я никогда не была в дедушку влюблена.

Меня удивляло как само заявление, так и то, что оно часто произносилось в присутствии деда. К моему изумлению, дед, слыша его, оставался невозмутимым. Мог продолжать что-то есть или подготавливать холсты для картин. Лишь позже я поняла, что имела в виду бабушка. Влюбленность представлялась ей временным и случайным чувством. А она любила деда и заботилась о нем постоянно.

Бабушка с дедом до конца дней нежно относились друг к другу. Он и в старости называл ее «моя девочка», а она его – «мой мальчик». Среди бумаг и писем я нередко обнаруживала их нежные обращения друг к другу. В письме 1968 года бабушка давала мне такой совет: «Нужно искать друга. Вот как мы с дедушкой. Прожили 53 года, помогая и облегчая друг другу жизнь. Тогда не страшна и старость».

Нюренберг однажды высказал следующую мудрость, которую я постаралась вложить в голову своим детям: «Надо выходить замуж не за того, у кого прекрасные голубые глаза, а за того, кто за тобой в старости горшки будет выносить».

Расшифрую для современного читателя. Дело в том, что в студенческие годы я все время влюблялась и рассказывала бабушке с дедушкой про прекрасные голубые глаза того или иного молодого человека. Вторая часть фразы объяснялась тем, что в Доме художников на Верхней Масловке на целый этаж имелся один туалет, из-за чего жители пользовались «ночными вазами».

Из моего детского дневника: «2/1/1966 Воскресенье. Между прочим, уже начался Новый 1966 год. Я собиралась пойти на Новый год с бабушкой в Малый театр, но у нее разболелись зубы. Поэтому встречали Новый год у нас дома. Смотрела телевизор. Бабушка мне сказала, что в этот год они справляют «золотую свадьбу». Она даже заплакала,* а я тоже. Мама с папой встречали Новый год в Союзе,** и мама ничего не знала про «золотую свадьбу». Большое событие!».

---

* От себя добавлю: бабуля могла плакать как от горя, так и от радости.

** Союз – имелся в виду Союз писателей или ЦДЛ.

* * *

Вернувшись из Парижа в Москву, Нюренберг с энтузиазмом приобщился к новому жанру «социалистического реализма» и включился в создание Московского союза художников. Семья поселилась в кооперативном Доме художников № 9 на Верхней Масловке, куда Нюренберги въехали одними из первых, получив мастерскую и две комнаты в квартире с одними соседями, искусствоведом А. Тихомировым и его супругой. Мастерская располагалась отдельно от квартиры; чтобы в нее попасть, надо было пройти по длинному коридору. Трифонов, проживший там шесть лет, писал: «Дом построен в двадцатых годах конструктивистами. Предполагалось, что совместная жизнь, общая кухня, общая ванная – одна на этаж, – общая уборная должны как-то объединить людей, содействовать укреплению дружбы и солидарности. Молодые люди, когда-то въезжавшие в этот дом, давно перемерли, сгинули, постарели, а их дети мечтают уехать отсюда, потому что все, что казалось конструктивистам таким простым и ясным, оказалось чертовски сложным и неудобным».[***]

Полина переключилась со своих дел на дочь и ее образование. Она начала возить семилетнюю Нелю на занятия фортепиано в музыкальный техникум (сейчас музыкальное училище) им. Гнесиных, добившись места в классе самой Елены Гнесиной. Техникум располагался на Собачьей площадке в арбатских переулках, поэтому Полине с дочкой надо было на трамваях пересекать весь город. По настоянию бабушки дед купил и поставил в квартире на Верхней Масловке рояль. Заметив у дочери красивый голос, Полина взялась и за ее вокальное образование. В своем дневнике Нелина писала: «За свой голос благодарю Бога и мать».[****]

Упоминая свою наставницу в Большом театре, народную артистку СССР Валерию Барсову, она неизменно отдавала должное и матери: «Ее советы я берегла в памяти, как советы моей матери».[*****]

Нелина занималась уже и фортепиано, и вокалом. Во время эвакуации в Ташкенте 1941-1943 гг. она брала уроки

*** Ю. Трифонов. Бесконечные игры. В кн.: Ю. Трифонов. Бесконечные игры. – М.: Физкультура и спорт, 1989, с. 159.

**** Нина Нелина. Дневники разных лет. – Личный архив Ольги Тангян.

***** Там же.

Полина и Ольга (я) во дворе Дома художников на Верхней Масловке. Москва. 1955

по обеим дисциплинам у профессоров эвакуированной туда Ленинградской консерватории. После войны Нелину благодаря прекрасным вокальным и внешним данным даже без высшего музыкального образования приняли в четыре оперы – Киевскую, Львовскую, Театр им. Станиславского и, наконец, в Большой театр, где она в 25 лет успешно дебютировала в главных ролях опер «Севильский цирюльник» Россини и «Риголетто» Верди.*

* Л.Д. Рыбакова. Нелина. В кн.: Большой Театр России. Энциклопедия. Под ред. В.Н. Вартанова. – М., 2010.

В начале 1951 г. Нелина познакомилась с молодым, но уже знаменитым писателем Юрием Трифоновым, получившим Сталинскую премию за роман «Студенты» (1950). Они поженились, и Нюренберги выделили молодоженам комнату в своей квартире. Галина Светлаева-Головацкая как жена друга его юности, близко знавшая Трифонова, так рассказывала мне о своем первом знакомстве с Нелиной:

«Однажды в мае 1951 года Юра пригласил на дачу в Серебряный Бор Льва Гинзбурга и моего мужа Светлаева вместе со мной. Мы приехали, ничего не подозревая. Неожиданно Юра сообщил нам, что женился. И вдруг из соседней комнаты выскочила Нина, твоя мама, такое улыбчивое, живое существо в голубом платьице в клеточку. Радостная, как ребенок. Мы удивились и обрадовались за Юру. Рядом стояла его мать – Евгения Абрамовна. Она была одета, как политкаторжанка – в некую робу и тяжелые, грубые ботинки. Бросился в глаза сильный контраст между ними. Сразу показалось, что они были слишком разными.

Чуть позже прошла моя свадьба со Светлаевым. Мы пригласили Юру с Ниной. Нина прекрасно исполнила перед гостями свой коронный номер – романс «Соловей» Алябьева».

Закрепиться на высоте литературного Олимпа у Трифонова сразу не получилось. Сталинская премия скоро иссякла. Он продал купленный на гребне успеха автомобиль «Победа» и отказался от услуг нанятого шофера, но выручки все равно хватило ненадолго. Жить он тем не менее продолжал весьма беспечно: ни в чем себе не отказывал, проводил время в Центральном доме литераторов, встречался с друзьями, ходил на футбольные матчи. Нелина же, будучи главным кормильцем в семье, разучивала роли, ходила на репетиции, выступала в театре, ездила на гастроли и при этом отвечала за домашнее хозяйство.

В доме на Верхней Масловке Трифонов терпел от тещи много унижений. Она подгоняла его, ей хотелось, чтобы молодой отец больше зарабатывал, больше времени уделял мне, своей маленькой дочке. Полина упрекала зятем тем, что тот мало времени проводил за письменным столом, а уходил из дома «пить коньяк с дружками». Нюренберги не понимали и не одобряли его

увлечения футболом, считая походы на стадионы бездельем, пустой тратой времени, совсем не ценя его спортивные репортажи. Они вполне искренне считали, что ему необходимо взяться за «трудовую тему», подталкивали Трифонова к путешествиям по стране для сбора материала. Но Трифонов родился в Москве и очень любил этот город. О пребывании своего альтер эго в Туркмении Трифонов писал: «Мысли его были в Москве, которую он покинул неделю назад и вернуться куда должен был не скоро. Вдруг он понял, что смертельно влюблен и что все дальнейшее путешествие будет мукой».*

Вместе с тещей на Верхней Масловке Трифонов не чувствовал себя в своей тарелке. О времени своей молодости и первого брака с Нелиной много рассказано в киноповести «Бесконечные игры». Из разговора молодых супругов:**

«– ... Я тебя провожу.

– Зачем? Ты устал, побудь дома.

– Не хочу я *быть дома*.

Сериков вдруг:

– Давай уедем.

– Куда? – Маша изумлена.

– Все равно… Хотя бы – на другую улицу».***

Трифонов часто жаловался на отсутствие фантазии. Поэтому в творчестве он весьма узнаваемо воспроизводил многих окружающих его людей. Даря матери Евгении Лурье-Трифоновой только что вышедшую книгу «Долгое прощание», он написал на титульном листе: «С любовью вручаю тебе сию многострадальную книгу, многое из которой ты знаешь по самым первым рукописям, а еще больше – из жизни».****

Трифонов как-то сказал:

---

* Ю. Трифонов. Время и место. В кн.: Ю. Трифонов. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1987, с. 411.

** В повестях Трифонова, как правило, реальные имена заменены на вымышленные.

*** Ю. Трифонов. Бесконечные игры. В кн.: Ю. Трифонов. Бесконечные игры. – М.: Физкультура и спорт, 1989, с. 210.

**** А. Шитов. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества (1925-1981). – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1997, с. 476.

Трифонов, Нелина, Ольга. В гостях у Нюренбергов. Москва. 1962

– Мой тесть художник Амшей Нюренберг – интересная личность. С ним было интересно разговаривать. Теща Полина – оставляла желать лучшего.

Чаще всего Трифонов описывал тещу хоть и иронично, но вполне бесстрастно. Однако иногда проступала и плохо скрываемая неприязнь. Отношения между ними особенно обострились после неожиданной смерти мамы. Хотя Трифонов уговаривал себя: «Нельзя ненавидеть женщину, родившую другую женщину, – ту, без которой нет жизни. Это невозможно, ведь они одно целое, непрерывное. Они – как дерево с ветками. Боль нельзя разделить. Хотела быть балериной и прожила жалкую, садово-огородную жизнь – ну и что же? Нельзя ненавидеть. Человек не замечает, как он превращается во что-то другое…».*****

Вероятно, ирония, с которой писал Трифонов о родителях жены, являлась мягкой формой мести им: «Она сказала затем, что

***** Ю. Трифонов. Долгое прощание. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 179.

ее родители очень гордые люди. Особенно горда и самолюбива Вера Лазаревна. Дело в том, что она всю жизнь ни от кого не зависела, поэтому малейший намек на зависимость воспринимает болезненно. Дмитриев подумал: «Как же не зависела, когда она никогда не работала и жила на иждивении Ивана Васильевича?» – но вслух не сказал, а спросил, чем ущемили независимость Веры Лазаревны… Кончилось тем, что Лена заставила его пообещать, что он завтра же с работы позвонит Вере Лазаревне и мягко, деликатно, не упоминая ни о портрете, ни об обидах, пригласит в Павлиново. Они, конечно, не приедут, потому что люди очень гордые. Но позвонить нужно. Для очистки совести. Он позвонил. Они приехали на другой день…».

Он помнил даже, в каком пальто была Вера Лазаревна, когда приехала на другой день и с видом непоколебленного достоинства – гордо и самолюбиво глядя перед собой – подымалась по крыльцу, неся в правой руке коробку с тортом».*

Примечательны и парные портреты тещи и тестя: «У матери с Георгием Максимовичем всегда была замечательная синхронность. Мать высказывала суждения, а Георгий Максимович кивал подтверждающе, сопровождая кивки фразами вроде «пожалуй что так» или «боюсь, что ты права».**

«Синхронность» проявлялась и в типичной для старых людей недоверчивости. Помню забавную сцену в спектакле по повести «Обмен», поставленном на Таганке Юрием Любимовым: «Что ты мне дал, Иван?» – «Я тебе дал то, что ты просила». – «Ну что, что именно? Произнеси!» – «Ты просила, по-моему, дибазол». – «Ты мне дал дибазол?» – «Да. Дибазол». – «Это точно?» – «А почему ты подняла этот вопрос?» – «Ты покажи, пожалуйста, обертку, из которой ты взял, – мне почему-то кажется, что это не дибазол…»***

Вложив в музыкальное развитие Нелиной все свои силы и амбиции, Полина мечтала о ее успешной артистической ка-

---

* Ю. Трифонов. Обмен. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 43.

** Ю. Трифонов. Другая жизнь. – Там же, с. 229.

*** Ю. Трифонов. Обмен. – Там же, с. 38. Также: Обмен. Пьеса Ю. Трифонова и Ю. Любимова. В кн.: Театр писателя. – М.: Советская Россия, 1982, с. 76.

рьере. Понимая, что Трифонов совершенно не озабочен этой проблемой, да и музыку как искусство ставит невысоко, она недолюбливала его за это. В повести «Другая жизнь» приводится письмо тещи для дочери, то ли существовавшее на самом деле, то ли придуманное Трифоновым и стилизованное под манеру Полины (я склоняюсь, что он копировал оригиналы, настолько все выглядело аутентично):

«Как всегда, теща писала современнейшей прозой, как Дос Пасос, без точек и запятых:

Дура ты дура жизнь тебя ничему не учит идиотка последняя зачем тебе это нужно? Имей в виду я возиться с ним не стану на меня не рассчитывай у меня сил нет мне отца достаточно как бы на ноги поставить ты на него ишачишь мотаешься теперь еще ребенок совсем закабалишься очень скоро постареешь превратишься в клячу как тети Женина Майка ни кожи ни рожи деточки заездили а у тебя талант но ты дура им бросаешься от детей радости нет а есть только горе и разочарование ты многого не понимаешь у тебя детское сознание он тебя эксплуатирует в хвост и в гриву сам сидит в ресторане Националь пьет и жрет за твой счет а ты работай как лошадь если бы настоящий муж тогда бы я не так переживала Николай Демьянович за тобой ухаживал но ты отказалась ради чего? Если ты не пригласишь Алексея Ивановича я не желаю тебя знать живите как хотите на нас с отцом не рассчитывайте земельную ренту налог на строение все коммунальные расходы платите половину телефон на ваш счет нам он не нужен питайтесь в столовых я готовить отказываюсь Верни мне двести сорок рублей которые я тебе одолжила на мех...»[****]

Трифонов назвал ее письмо «полубредом», но был обеспокоен упоминанием соперника, некоего «Николая Демьяновича». Отец вообще был очень ревнивым, хотя всегда это тщательно скрывал.

В письме узнается типично бабушкино утверждение, что отец «эксплуатировал» маму, «заставляя ее много работать, ездить на ночные концерты». Это было, конечно, тенденциозно, но мама

**** Ю. Трифонов. Долгое прощание. Там же, с. 205-206.

действительно часто отвлекаясь на побочные дела и заработки, что приводило бабушку в отчаяние. Из письма следует, что дочь (Неля) собиралась завести ребенка (меня), против чего мать (Полина) бурно возражала. Во-первых, она считала, что зять недостаточно окреп материально. Во-вторых, она надеялась, что дочь расстанется с мужем и найдет себе кого-то, на ее взгляд, более подходящего. В-третьих, ей казалось, что ребенок помешает артистической карьере дочери. Короче, мать требовала, чтобы дочь сделала аборт – пригласила на дом гинеколога «Алексея Ивановича» (тогда аборты были запрещены, и их делали на дому тайно). Стоит ли уточнять, что спор шел о моем рождении?

Окончание следует

Елизавета Кузьминская (Полихрониди)

Греческий след в судьбе Анны Ахматовой

Поэт Анна Андреевна Ахматова родилась в Одессе в 1889 году на 11 станции Большого Фонтана (современный адрес – Фонтанская дорога, 76) в семье потомственного дворянина Андрея Антоновича Горенко и Инны Эразмовны Стоговой.[1] Она была третьей по старшинству из шестерых детей. Сам домик (дача Саракини (Соракини)), в котором они жили в Одессе, не сохранился. Родители будущего поэта приехали в Одессу в связи с работой ее отца, морского офицера в отставке, инженера. В 1970-х годах краевед Р.А. Шувалов разыскивал на Большом Фонтане точное местоположение дачи Сорокини, где родилась А. Ахматова. На старом плане дач Р.А. Шувалов перевел дюймы в метры и составил, таким образом, новый план, который приложил к замерам нынешнего района между 11-й и 12-й станциями. И когда границы бывших дач совпали с нынешними, выяснилось, что ДСК (дачно-строительный кооператив) «Солнечный» – это бывшая дача Сорокини, а ДСК мясокомбината – это бывшая дача Манеси

(греческий негоциант, герой «Филики Этерия»). Между кооперативами осталась узкая полоска земли. Этот участок – единственный узкий, а ведь Ахматова пишет: «Дачка… стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой».[2]

Греческие корни поэта ведут к прабабке со стороны отца. Мать отца Ирина Ивановна, урожденная Воронина, была, по выражению внучки, «наполовину гречанка».[3] Отец ее, поручик Иван Воронин (дед Андрея Антоновича Горенко и прадед Ахматовой) женился на дочери критянина, участвовавшего в летучем морском отряде знаменитого Ламброса Кацониса, средиземноморского пирата, наводившего ужас на турок на островах Архипелага в конце XVIII столетия. Документы в семье не сохранились, но семейные предания сохранили имя и фамилию критянина – Эммануил Героспатьяс, его дочь звали Марияна.[4] Как утверждал в Афинах в своих интервью старший брат Анны, Андрей Горенко, много времени уделявший выявлению эллинских корней семьи, Эммануил Героспатьяс какой-то период служил в балаклавском греческом дивизионе. Тогда же, видимо, он привез в Балаклаву свою дочь Марияну.

Согласно сохранившемуся метрическому свидетельству, 7 августа 1818 года «у унтер-офицера Егерского полка Андрея Яковлева Горенко и жены его Марияны родился сын Антоний».[5] Антон Андреевич Горенко (1818-1891) с четырнадцати лет – юнга Черноморского артиллерийского училища, получил чин унтер-офицера и служил во 2-м учебном Морском экипаже в Севастополе, плавал на военных транспортных судах Черноморского флота, держал оборону Севастополя, был награжден орденами Святой Анны 3-й степени «с мечами и бантами», Святой Анны 2-й степени «с императорской короной», Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й степени, медалями «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853-1856 гг.». В семье деда чтили как героя обороны Севастополя. Один из уважаемых людей города, к 1864 году он – смотритель морского госпиталя, в последнее десятилетие жизни – смотритель портовых земель и садов в Севастополе.

Антон Андреевич Горенко дослужился до звания полковника, получил потомственное дворянство и был внесен во 2-ю часть родословной книги дворян Таврической губернии.[6]

Согласно формулярному списку, он женился на дочери поручика Воронина Ирине, именем которой была названа одна из сестер Анны Ахматовой – Ирина (1888-1892). Родословной Ирины Ворониной, по которой можно судить, действительно ли в ней текла греческая кровь, как утверждала сама Ахматова, пока нет. Однако Ахматова писала и говорила о предках-греках, «морских разбойниках», и о реальной «тетке-гречанке», сестре отца Марии Антоновне, которая говорила по-гречески, водила ее в Севастополе в греческий храм, где Анна была потрясена своими первыми религиозными впечатлениями, повлиявшими на всю ее дальнейшую жизнь.[7] (Родители Анны Горенко религиозностью не отличались.) Ахматова рассказывала и о мифологизированной гречанке-родственнице «тете Фросе», ходившей в плавание вместе с мужем. В одном из дальних рейсов муж умер в море, но тетка сумела вернуть судно в гавань.[8] А. Ахматова жила в Севастополе у тетки Марии Антоновны Горенко[9] (Екатерининская улица, 12). Современный адрес: ул. Ленина, 6. На доме установлена мемориальная доска.

«Квартиру наняли у А.С. Пасхалиди. <…> В конце июля 1905 г. мать Ахматовой Инна Эразмовна Горенко вместе с четырьмя детьми приедет в этот «на въезде в город последний дом». <…> В доме Пасхалиди было четыре комнаты, две из которых выходили на Дачную улицу. Плата была умеренной: 330 руб. в год».[10]

А. А. живет в Киеве у тетки Анны Эразмовны Вакар, сдает экзамены за 7-й класс в Фундуклеевской гимназии.[11]

Греческое окружение юной Анны очевидно: дом Пасхалиди в Севастополе, Фундуклеевская гимназия в Киеве и многие другие моменты, как, например, сотрудничество ее отца в «Одесских новостях» в пору, когда газетой руководили братья Евгений и Александр Попандопуло, сыновья известного в Одессе домовладельца и предпринимателя, и весьма заметные фигуры в общественной жизни города. Е.С. Попандопуло был видным юристом, а А.С. Попандопуло (писавший под псевдонимом «Маленький гражданин») исполнял обязанности казначея Одесского отделения Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.[12]

Сама Анна, которой пришлось в детстве провести в Севастополе две зимы и весну из-за стремлений семьи уберечь

Портрет 20-летнего Андрея Горенко, сделанный еще в Севастополе

девочку от туберкулеза, убившего в Петербурге младшую сестру, с удовольствием гуляла там по Херсонесу, даже умудрилась найти кусок мрамора с греческой надписью, и родные повели ее в местный музей дарить этот мрамор. «Херсонес – главное место в мире. Когда мне было семь лет, я нашла кусок мрамора с греческой надписью. Меня обули, заплели косу и повели дарить его в музей. Вот какое место – где маленькая девочка, прямо так, сверху, находит греческие надписи».[13]

Вернувшись в Петербург, Анна мало вспоминала о своих греческих корнях. Тогда она только начинала поэтическую карьеру, и ее больше интересовала прабабка-татарка со стороны матери, у которой она позаимствовала псевдоним Ахматова.

Братья Анны, старший Андрей и младший Виктор, наоборот, всю свою жизнь посвятили изучению греческих корней семьи.

О предках-греках напишет младший брат Ахматовой Виктор: «Мой отец Андрей Антонович был полурусский и полугрек. Профиль моей дорогой сестры, нос с горбинкой, есть наследство от бабушки гречанки».[14]

Греческая история семьи Горенко получила продолжение в 1920 году, когда Андрей Горенко вместе со своей женой (и кузиной) Марией эмигрировал из страны. Супруги Горенко в 1919 году прибыли в Грецию через Константинополь из Одессы вместе с сыном Кириллом. «Жертвы большевизма спасались от расправы», – писали афинские газеты.[15]

Фотография Ахматовой 1912 г. из архива Андрея-младшего

Андрей-младший (второй справа), майор авиации, в летной школе, где преподавал

Поселились они сначала в Волосе (древнем Иолкосе, откуда начал путешествие в Колхиду корабль аргонавтов), где четырехлетний Кирилл заболел лихорадкой. Затем переехали в дешевую «спальную» гостиницу «Кронион» в самом начале улицы Патисион в районе Нео-Фалиро в Афинах, и там подружились с местным аптекарем Мильтиадисом Сбарунисом. Кирилл от болезни так и не оправился, и скончался в январе 1920 года.[16] Это был год кровавой войны Греции с Турцией в Малой Азии, глубочайшего кризиса турецкой политики и набиравшего силу движения Кемаля Ататюрка – страшный год, последовавший за резней понтийских греков (1919), трагедии, предварившей Малоазиатскую катастрофу, уничтожение греческого населения в Смирне (1922).

14 февраля афинские улицы огласились истошными криками мальчишек-газетчиков: «Двойное самоубийство! Двойное самоубийство русских эмигрантов!».

Самые первые сведения о трагедии, разыгравшейся в гостинице «Кронион» на улице Патисион, были еще сырыми и потому неверными: от укола лошадиной дозы морфия в афинской клинике скончался русский эмигрант Андрей Горенко, а его жену Марию удалось спасти. Более того, в больнице выяснилось, что она беременна.[17] Их сын Андрей Горенко-младший, выросший с матерью в Афинах, так и не выучивший русский язык, стал известным в Греции летчиком, окончил «школу Икаров» – летное училище, воевал, имел боевые награды. В 1965 году он даже смог увидеться со своей знаменитой тетей в Англии, куда она приехала, чтобы получить звание почетного доктора Оксфордского университета.[18] Как рассказывала его жена Лия, Анна Ахматова, едва завидев его, воскликнула: «Андрюшенька, не говори, кто ты, я и так вижу – ты вылитый Андрей!». Тете и племяннику пришлось говорить по-французски.

Андрей-младший с женой Лией

Подробности печальной истории Андрея и Марии Горенко стали известны, по сути, только в прошлом году благодаря двум людям, живущим в Афинах: греческому поэту и филологу Яннису Патилису и русской журналистке Евгении Кричевской (Евстафиу). Они подняли архивы афинских газет за 1920 год и узнали, что эта смерть имела тогда в Афинах большой резонанс.[19] Более того, им удалось разыскать могилу семьи Горенко на Афинском кладбище, а потом – и вдову Андрея-младшего Кондилию Косара-Горенко. Надпись на бордюре перед могилой на первой фотографии: Γκορένκο – фамилия семьи по-гречески. На второй – два имени:

Вдова Андрея-младшего Лия Косара-Горенко передала в дар музею Анны Ахматовой в Фонтанном доме семейные вещи, оставшиеся от родителей ее мужа, привезенные ими в Афины из России и неизвестные до этого исследователям фотографии членов семьи[21]

Тэта и Ανδρεας. Тэтой звали умершего первого сына Андрея и Марии Горенко Кирилла. Ανδρεας – Андрей-младший, их второй сын, родившийся после смерти отца. Он умер в 1976 году. Здесь же похоронены их отец Андрей-старший и мать Мария Змунчилла. Но родители завещали своих имен на могиле не писать.[20]

Похороны Андрея Горенко состоялись 14 февраля, отпели его в русской церкви Святой Троицы на улице Филэллинон, а затем в сопровождении русских эмигрантов, живущих в Афинах и Пирее, гроб с телом Андрея Горенко опустили в могилу, вырытую рядом с могилой его сына, на Афинском (ныне Первом афинском) кладбище. Присутствовать на похоронах с большими опасениями позволили и Марии Горенко, а венки на свежий могильный холм возложил Союз русских иммигрантов в Греции.[22]

20 февраля 1920 года, неделю спустя после смерти Андрея Горенко, один из виднейших журналистов того времени, Павлос Нирванас, посвятит ему большую статью в газете «Эстиа», в которой, в частности, напишет:

«Вовсе не материальные трудности подтолкнули Андрея Горенко, истинного эллиниста и знатока Греции, и его жену к самоубийству. Просто жизнь потеряла для них всяческий интерес после смерти их драгоценного сына. Если бы не эта трагедия, то они,

безусловно, быстро встали бы на ноги. Госпожа Горенко уже довольно хорошо зарабатывала на жизнь уроками французского языка.

Они никогда ничего и ни у кого не просили. Магнит смерти манил их из усыпанной цветами могилы, и они приняли смерть. Как спаслась, как сумела выжить супруга – настоящее чудо…

Несчастный русский прибыл в Грецию, движимый любовью к греческой культуре, греческому языку, греческой истории. Никто не мог и вообразить, какой благородной души, какого аристократического духа был живущий рядом с нами человек. Но если жизнь его оставалась нам чужда, его могила должна быть окружена всеобщей любовью, а память о нем сохранена нами с благоговением.

Пусть напоенная запахами греческая земля будет ему пухом.

Греческая земля, бывшая его великой любовью и навеки ставшая его могилой».[23]

Может быть, история самоубийства Андрея Горенко еще долго оставалась бы достоянием архивов столичных газет 1920 года, если бы издатель афинского литературного журнала «Планодион», греческий поэт и филолог Яннис Патилис, не решил посвятить 45-й, декабрьский номер 2008 года Анне Ахматовой. В него вошли цикл стихов «Белая стая» в переводе на греческий язык Карла Чижека, а также переводы Евгении Кричевской, главного редактора газеты «Афинский курьер», стихов Ахматовой. Одновременно представители греческой интеллигенции Афин принялись искать могилу Горенко. Поэтессе Иро Никопулу это удалось. Могила сохранилась на Первом афинском

Могила Горенко в Афинах

кладбище, и более того, 90-летняя вдова Андреаса Горенко Лия Косара, пока была жива, продолжала за нее платить.[24] 15 февраля 2009 года на могиле Кирилла, Андрея Горенко, Марии Змунчилла и Андрея Горенко-младшего афинская литературная интеллигенция, собранная журналом «Планодион», организовала поминки. Поминальную службу служил священник Первого исторического афинского кладбища. Читались стихи Анны Ахматовой – на русском и греческом языках, а затем певица Мария Милолидаки в сопровождении виолончели исполнила «Тихо льется тихий Дон» Анны Ахматовой, переложенный на музыку афинским поэтом и композитором Харисом Врондосом, написавшим оперу «Анна Ахматова».

Оказалось, что не только сама поэт любима и дорога грекам, но и все то, что связано с ней. Затем в афинскую мэрию была подана просьба могилу Горенко перевести в разряд памятников архитектуры, не подлежащих уничтожению.[25] Просьбу поддержало и посольство России в Греции. Так благополучно завершилась эта история.

Благодарю одесского журналиста Елену Антонову, подсказавшую мне эту историю после посещения в Санкт-Петербурге музея А. Ахматовой, и особенно Евгению Кричевскую (Евстафиу), главного редактора газеты «Афинский курьер», поделившуюся подробностями своего расследования судьбы семьи Горенко в Афинах.

Примечания

[1] Анна Ахматова. Они оставили след в истории Одессы. Биографический справочник. odessa-memory. info

[2] Сауленко Людмила, Шувалов Роман. Задача сошлась с ответом // Вечерняя Одесса. 1973, 9 июля (№ 159 (2994)), с. 4.

[3] Черных В.А. Родословная Анны Ахматовой. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1992. – М., 1993, с. 71-84

[4] В очерке Евгении Кричевской «Тайна склепа семьи Горенко на Афинском кладбище», опубликованном в популярном журнале «Шире круг» (2011, № 4 (26)) со ссылкой на данные, переданные автору очерка К. Финкельштейном и Ж. и Ф. Рюд, упоминается, что «прадедом Анны Ахматовой и Андрея Горенко был грек, критянин Эммануил Геростатьяс» (с. 27).

[5] Дополнительные сведения об Антоне Андреевиче Горенко и его семье содержатся в статье: Шевченко С.М., Ляшук П.М. Род Горенко в Севастополе: Новые данные к родословной Анны Ахматовой // Отечественные архивы. 2003, № 4. Перепечатано в кн.: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество.
Вып. 3. – Симферополь, 2005, с. 153-159. В Севастополе на городском кладбище сохранилось надгробие Антона Андреевича Горенко и его жены Ирины Ивановны. Электронный источник: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-rodoslovnaya-ahmatovoj.htm

[6] Зобнин Юрий Владимирович. Анна Ахматова. Юные годы царскосельской музы. – ООО Рт-СПб., Центрполиграф, 2016.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Державина В.Ф. Имя Ахматовой на карте Севастополя. // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 3. – Симферополь, 2005, с. 171-172.

[10] Катина В. Судьба Анания Пасхалиди // Крымские известия. 10 июля 2004 г., № 125.

[11] Молода гвардия. – Київ, 1984, 17 июля.

[12] Зобнин Юрий Владимирович. Анна Ахматова. Юные годы царскосельской музы. –ООО Рт-СПб., Центрполиграф, 2016.

[13] Анна Ахматова. Воспоминания. Восп., с. 628.

[14] Кралин М. Младший брат // Звезда, 1989, № 6, с. 149.

[15] Евгения Кричевская. Ахматовский след в Афинах. Газета «Афинский курьер». Электронная версия http://www.greekorbis.gr/русское-наследие-в-греции/401-ахматовский-след-в-афинах, 6 марта 2012.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Евгения Кричевская. Тайна склепа семьи Горенко на Афинском кладбище. // Шире круг, 2011, № 4 (26).

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

Елена Галинская

«Белеет парус одинокий». К 85-летию книги

О советском писателе В. Катаеве и французском художнике А. Марке

В 1936 году вышла в свет книга Валентина Катаева «Белеет парус одинокий», с тех пор она озаряет радостью многие поколения читателей, неся в себе, по словам Дмитрия Быкова, «нечеловеческий заряд счастья». Под обаяние этой повести я попала очень рано, впервые услышав ее, да-да, именно услышав, еще в детском саду: воспитательница Евгения Артамоновна читала нам, шестилеткам, о приключениях одесских мальчишек и о восстании моряков на броненосце «Потемкин». Я внимала ей, затаив дыхание. Детские воспоминания, наверное, самые прочные, и это чтение запомнилось мне навсегда!

Механизм памяти, конечно, сложен, но иногда, чтобы его запустить, нужна всего лишь какая-нибудь малость, безделица, незначительная деталь, знакомый запах, вкус, обрывок фразы, песни. Так, герой романа Пруста окунает в чай печенье и словно открывает шлюз для целого обвала воспоминаний. Уверена, у каждого человека имеется свой набор вещей или действий, способных вызвать глубинные воспоминания с массой подробностей, мело-

чей, интонаций… С книгой Катаева я иногда проделываю фокус а-ля прустовское печеньице. От моего детства мало что осталось, но в книжном шкафу до сих пор стоит в твердом коленкоровом голубоватом переплете книга «Белеет парус одинокий. Хуторок в степи» – подарок школьной подруги, и на книжном развороте почерком отличницы – с правильным нажимом и по заранее расчерченным диагональным линиям – написано поздравление с пожеланиями и дата: 16 мая 1958 год.

…Мне десять лет. Впервые на день рождения мама разрешила пригласить не только дворовую шпану и ближайших подружек, но и мальчиков-одноклассников – ожидались танцы парами! С того дня рождения у меня остались бусы из камней «тигровый глаз» – совсем не детский подарок «мальчика из зажиточной семьи», и эта книга, в самом деле – лучший подарок! Прочитав ее, я получила ярчайшее впечатление на всю жизнь. Книга написана с такой узнаваемостью, с такой отчетливостью, так совпадала с красками моего города и детства, что я выучила ее почти наизусть, эпизод за эпизодом. К тому же она подействовала на меня и как некая социальная прививка. Герои повести Петя и Гаврик – это, собственно, Принц и Нищий, и я всей душой понимала, что симпатии мои должны быть на стороне Гаврика, я и сама-то была Гавриком, но все же больше любила Петю. Спустя годы герои Катаева застыли в бронзовой скульптуре посреди маленького сквера на Преображенской улице.

Сегодня о Валентине Петровиче Катаеве и о его произведениях известно все или почти все. Многочисленные исследования, биографии, воспоминания и разговоры воскрешают не только наполненную невероятными событиями жизнь писателя, но и тот феноменальный культурный и исторический контекст, в котором жил он и люди его окружения. Сравнительно недавно я узнала, что любимым художником Валентина Катаева был французский живописец Альбер Марке. Ах, как же мне было отрадно узнать об этом! Значит, наши вкусы совпадают?! Оказывается, советский писатель был лично знаком с французским модернистом, встречался с ним, а один из его морских пейзажей имел прямое отношение к написанию повести «Белеет парус одинокий».

* * *

Художника Марке я узнала еще в студенческие годы, когда штудировала коллекции западного искусства в Эрмитаже и в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Еще в 1923 году в Москве был создан Музей нового западного искусств (ГМНЗИ), основу которого составили отобранные у владельцев знаменитые коллекции картин Сергея Щукина и Ивана Морозова, в том числе пятнадцать картин Марке, приобретенных ими в 1907-1913 годах. Таким образом, ГМНЗИ оказался одним из первых в мире музеев современного искусства, появившись на пять лет раньше нью-йоркского МоМА. Это стало возможным исключительно благодаря коллекционерам Морозову и Щукину, сумевшим по достоинству оценить работы многих современных им западных художников раньше, чем это сделали музеи и коллекционеры других стран.

Небольшие пейзажи Марке, рядком висевшие в музейных залах, изображали «другие берега» – экзотические гавани, неведомые порты и заливы, набережные Сены, виды Парижа, и были чудо как хороши. Тонкие по колориту, наполненные светом, живые, дышащие пространства картин будоражили воображение советских людей и для многих стали «окном в мир»! Кстати, открывшаяся в 2016 году в Москве ретроспективная выставка художника так и называлась: «Альбер Марке. Распахнутое окно». А много раньше об этом пел популярный бард Михаил Кукулевич:

Возьми мольберт, Альбер Марке,
И нарисуй мне Сену,
Туманно-серый Нотр-Дам
И Гамбургский тот порт,
Где пароходик все плывет
Сквозь розовые стены,
Где что ни год – счастливый год,
И тихо до сих пор.

Среди большого количества созданных А. Марке пейзажей примерно половину составляют виды Парижа, выполненные в прозрачной технике, легкими мазками, лаконично, с тончай-

marquet

Картины Альбера Марке

шей градацией цветовых оттенков. С середины 1900-х годов эти пейзажи дали повод говорить о «Париже Марке», сумевшем передать красоту города просто и поэтично. Вторая наиболее частая тема, к которой обращался Марке, это море. И здесь художник тоже проявил себя как настоящий поэт, выразив в маринах мечту о морском просторе, «абсолютность» водной стихии, вечный диалог моря и неба. Морские пейзажи Марке естественны и пленительны, они похожи на стихи лирического поэта. Художник не писал драматические пейзажи, наоборот, он стремился ограничить пространство, сдержать его, заключить в раму. Один из моих любимых пейзажей – «Окно в Ла-Гулетт», где голубая даль моря, одинокий белый парусник на горизонте, желтые цветы на подоконнике… и такой покой, такая тишина, такое умиротворение…

Квадрат окна. В горшке желтофиоль.
Снежинки, проносящиеся мимо.
Остановись, мгновенье! Ты не столь
Прекрасно, сколько ты неповторимо.

Иосиф Бродский

Тихое искусство Альбера Марке приучает вслушиваться в драгоценные паузы, которые дарит нам жизнь. Мне очень близка такая жизненная и творческая стратегия, равно как и стратегия ускользания – Марке любил уезжать к другим берегам… Он объехал полмира!

* * *

Валентин Катаев начинал как поэт и, став знаменитым романистом и драматургом, продолжал пополнять и шлифовать свой поэтический архив до самых последних лет. В этом архиве есть маленькое стихотворение «Картина Марке», написанное Катаевым в 1922-м, когда он переехал в Москву.

Мелким морем моросил
Бриз и брызгал в шлюпки,
Вправо флаги относил,
Паруса и юбки.

И, ползя на рейд черпать
Пузоватый кузов,
Гнал по волнам черепах –
Черепа арбузов.

По всей вероятности, именно в этом году Катаев посетил Музей нового западного искусства (их тогда было еще два – 1-й и 2-й), увидел картины Марке и был ими пленен. Особенно ему понравилась одна, напомнившая любимый с детства одесский черноморский пейзаж, и он как человек решительный попросил знакомого художника сделать для него копию с этой картины. Живописец-копиист блестяще справился с работой, скопировав пейзаж в нарушение принятых правил один в один. С тех пор эта во всех отношениях замечательная картина висела в кабинете писателя на видном месте. А вскоре состоялось личное знакомство писателя и художника.

До начала 30-х годов, перед тем как СССР окончательно закрыл железный занавес и запер всех на самоизоляцию, у советских деятелей культуры еще оставалась возможность выезжать за границу. В 1931 году Катаев прибыл в Париж в связи с выходом его книги в издательстве «Gallimard» и, воспользовавшись случаем, посетил любимого художника в его квартире-мастерской у Нового моста. В ходе этого посещения обнаружилась общность взглядов писателя и художника по многим вопросам и завязалась их дружба. А в 1934 году в Советский Союз приехал Марке.

Вспомним, однако, что в те годы в СССР шла кампания борьбы с формализмом в искусстве, и в число чуждых и вредных направлений зачислили, по существу, все новое искусство, начиная с импрессионизма. Модернистское течение фовизм, к которому причислял себя А. Марке, советское искусствознание тоже отнесло к формализму, что, разумеется, не есть хорошо. Ну а потом, уже после войны, накатила кампания против космополитизма и низкопоклонства перед Западом, в 1948-м постановлением, подписанным лично Сталиным, был ликвидирован Музей нового западного искусства, а его коллекции распределены между Пушкинским музеем и Эрмитажем, где они надолго осели в запасниках, а если и показывались посетителям, то очень дозированно.

И все же те, кто так или иначе были допущены к коллекциям Морозова и Щукина, неизбежно попадали под обаяние и флер меланхолических пейзажей Альбера Марке, так что в своем восхищении французским художником Катаев не был одинок. Популярности, а точнее – большей разрешенности Марке в СССР способствовал активный советский культуртрегер Илья Эренбург, пытавшийся познакомить советских людей с западным искусством: через него многие люди узнавали Запад, многосложный и многокрасочный, не похожий на советский пропагандистский плакат. Где-то в начале войны Эренбург тоже посещал Марке в его мастерской, он тогда преподнес в подарок художнику русскую икону!

Итак, по приглашению ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) супруги Марке в 1934 приехали в СССР. Программа визита включала посещение Москвы, Ленинграда и еще нескольких городов. Следует заметить, что каких-либо особых следов пребывания знаменитого художника в советской стране – ни документальных, ни тем более живописных – нет. Однако центральные газеты освещали этот визит, и 15 августа 1934-го в «Правде» была опубликована статья Катаева «Альбер Марке» с подзаголовком «К приезду в СССР». В этом маленьком поэтическом эссе Валентин Катаев нарисовал литературный портрет своего французского друга и назвал его пейзажи гениальными. Вот как он писал о Марке: «Ведь это он научил художников передавать воду белилами. Ведь это он с необычайной смелостью ввел употребление натурального черного цвета… Ведь это он наглядно показал, что цвет – это эпитет, который может с предельной лапидарной, почти научной точностью определить качество предмета – будь то чугунная ограда Сены, буксирный пароход или куст боярышника на сельской меже». Ах, какой красивый и невесомый катаевский слог. Эссе заканчивалось словами: «Он приехал, Альбер Марке. Привет!».

На правах старого друга Катаев встречал и сопровождал французского живописца на приемах и экскурсиях. В Москве гостей повезли в Музей западного искусства, в котором заблаговременно вывесили его картины, все пятнадцать! А затем Катаев пригласил чету Марке к себе на обед в Лаврушинский переулок. Вот там-то художник и увидел «свою» картину, увидел и удивился:

«Как вам удалось ее купить? Она же очень дорогая!». Катаев все рассказал по-честному, а потом дерзко предложил: «Если копию так трудно отличить от оригинала, так подпишите ее!». И Марке согласился! Быстро сбегали к живущим в соседнем подъезде Ильфам и принесли от них краски и кисточку (жена Ильи Ильфа была художница), и Альбер Марке поставил на холсте свою знаменитую закорючку. Так появилась подписанная автором копия с его собственной картины.

Этот эпизод описан Павлом Катаевым в книжке воспоминаний с запоминающимся названием «Доктор велел мадеру пить…». Мне кажется, эпизод очень показательный, так как раскрывает характеры действующих лиц – Катаева и Марке, – их склонность к авантюризму и импонирующее мне ироничное отношение к жизни. По версии П. Катаева, морской пейзаж, висевший в кабинете отца, дал толчок к написанию повести «Белеет парус одинокий», над которой писатель работал в 1934 и 1935 годах и затем посвятил ее своей жене Эстер Давыдовне Бреннер. Названием повести стала строка из стихотворения Лермонтова, но у книги, оказывается, был еще и живописный эпиграф. В первом издании своей повести в качестве художественной заставки Катаев «процитировал» картину Марке!

«Там, где лиман впадал в Черное море, вода была не синяя, а бурая, грязно-салатная, вспененная ветром, и где-то вдали чуть заметно двигалась лодка под наклонившимся от ветра парусом, шаланда, как подсказал папа, и я сразу же вспомнил странную, волнующую картину, живописное полотно, висевшее в папином кабинете.

На полотне была изображена точно такого же цвета водная поверхность, серый волнолом, мелкие суденышки, на мачтах которых трепыхались цветные флажки.

Конечно же, они были неподвижны, но душа не могла и не желала с этой неподвижностью мириться.

Сквозь чудовищную толщу прошедших лет вспоминаю реплики, которыми обменялись родители.

– Валя, это же Марке! – воскликнула мама, стараясь перекричать ветер.

– А я что говорил! – ответил папа, и родители засмеялись.

Они смотрели в море и смеялись…»

Из книги Павла Катаева

Воспоминания об отце были написаны в начале 2000 годов, спустя много десятилетий после описываемых событий, и, конечно, детские образы могли смешаться с более поздними, сместиться, спутаться. Так какая же картина была у Валентина Петровича? На самом деле многим морским пейзажам Марке подошло бы название «Белеет парус одинокий». Но вот что показательно, на обложку своей небольшой книжки Павел Катаев также поместил иллюстрацию – картину Марке «Порт в Онфлере».

* * *

Ну что ж, пора вернуться к моей старой пожелтевшей книжке «Белеет парус одинокий. Хуторок в степи», феномен которой состоит в том, что когда бы я ни взяла ее в руки, она уносит меня в «прекрасное далеко», медленно и беззвучно, как в немом кинематографе, проплывающее передо мной…

Одесса всегда славилась «лица необщим выраженьем», этой индивидуальностью она в немалой степени обязана Большому Фонтану – очаровательной дачной местности, прилегающей к морю. Своей неизъяснимой прелестью этот уголок вдохновлял писателей, поэтов, художников и прочее творческое население. Помните, отец Пети Бачея снимал дачу на 16-й станции Большого Фонтана: «Тут уже каждый кусочек берега был ему известен до малейших подробностей. Большой Фонтан, Средний Фонтан, Малый Фонтан, высокие обрывистые берега, поросшие дерезой,

шиповником, сиренью, боярышником. В воде под берегом – скалы, до половины зеленые от тины, и на этих скалах – рыболовы с бамбуковыми удочками и купальщики».

Я тоже ежегодно отбывала свое пионерское лето в лагере Автосборочного завода на 9-й станции Большого Фонтана. Путь с Пересыпи, где я жила, до пионерлагеря был долгим, но, как заметил Катаев, «дорога на Большой Фонтан была полна поэзии».

В лагерь мы ехали трамваем. Тогда по Фонтанской дороге ходил удивительный красный трамвай, напоминающий открытую дачную веранду с деревянными перилами на фигурных балясинах, в памяти запечатлелось что-то ажурное и сквозное… Трамвай, звеня, медленно тянулся мимо построенных еще бельгийцами станционных павильончиков (раньше тут ходил паровозик, поэтому остановки по-прежнему назывались – станции), мимо унылых серых домов, мимо садов, мимо низкорослых дачных домиков, увитых виноградом. Можно было встать коленями на скамью, положить локти на перила и высунуть голову навстречу ветру, а в некоторых местах можно было прямо из окна сорвать с дерева листик или шелковицу! Вся прелесть Фонтанской дороги была в ее близости к морю, то скрытому от глаз, то вдруг синей полоской возникающему в окне трамвая, а где-то между 11-й и 13-й стациями море широко открывалось с дороги и от этого каждый раз захватывало дух… Морской ветер, шум волн, запах водорослей пронизывали открытый дребезжащий вагон, и от этого было так радостно, как бывает только в детстве. Этот трамвай, как и вагончики одесского фуникулера, двигавшиеся навстречу друг другу вдоль Потемкинской лестницы, я вспоминаю с особой нежностью и грустью.

Ах, Большой Фонтан! Невозможно забыть таинственные мистерии пионерских костров, самые вкусные на свете твердые неспелые абрикосы, украденные из лагерного сада под стук выскакивающего из груди сердца, тревожные томления в темных аллеях и звук пионерского горна, трубящего отбой – «Спать, спать по палатам…», но воспринимаемый как трубный зов любви. Я закрываю глаза и вижу, как дрожит полоса лунного света на поверхности моря и прожекторы сторожевых судов выхватывают из кромешной тьмы нас, сидящих на камнях… В ту пору на побережье были скалы и камни, поросшие бархатной скольз-

кой морской травой. Мне нравилось смотреть, как море колышет туда-сюда зеленый бархат. Как сейчас вижу, будто под увеличительным стеклом, шоколадные гладкие камешки гальки, матовые, обкатанные морем кусочки бутылочного стекла, ракушки, мидии. И как сейчас физически ощущаю соленую до горечи черноморскую воду, теплую и мутную у берега, холодную и прозрачную на глубине, и раскаленный, обжигающий ступни песок – скорей, бегом к воде, туда, где песок тяжелый и влажный, и стоять на нем можно сколько угодно, и ходить по нему – приятно. Мне вовек не забыть эти скалы и синь неба, весеннюю листву и белое цветение садов, шелест акаций, тонкий аромат сирени и хрупкие, еще зеленоватые свечи каштанов, но главное, везде и над всем непреодолимо притягивающее меня море! Море, лето, детство, счастье – вот что такое Большой Фонтан!

Ассоциативная цепочка мыслей способна объединять бесконечно разные предметы и, наверное, не случайно кривая памяти увела меня так далеко: от любимой книги советского писателя до пейзажей французского художника, а от них к воспоминаниям, над которыми реет белый парус моего детства.

Катаев навсегда уехал из Одессы в двадцать пять. Вслед за ним уехали другие писатели из блестящего поколения одесситов – брат Евгений, Олеша, Багрицкий, Ильф, а еще раньше уехал Бабель. «Они все были абсолютно отравлены миром приморского города неработающего, торгующего, богатого, рыбачащего, культурного», – пишет Дмитрий Быков. И уже в другом месте восклицает: «Зачем они все уехали из Одессы?».

Прошло не так много времени – и из одесситов того прекрасного поколения авторов остался только Валентин Петрович Катаев, одинокий, как парус, но продолжающий писать.

Повесть «Белеет парус одинокий» заканчивается сценой, где художник пишет морской пейзаж (возможно, писателю пригодилось здесь воспоминание того, что он видел в парижской мастерской Марке): «…вот художник набрал тонкой кистью каплю белил и в самой середине картины на лаковой синеве только что написанного моря поставил маленькую выпуклую запятую. – Парус!..».

Тель-Авив

Юрий Калмыков

Неизвестная фотография Георгия Шенгели

Эта фотография была найдена давно, далеко, случайно, а затем много лет пролежала в домашнем архиве. История снимка темна. Ничего не известно о том, при каких обстоятельствах, когда и где он сделан: в Казани ли, или же там только подарен; кто такая адресат дарственной надписи «милая Зоя», почему дата там столь неточна. Есть и другие вопросы. Поэтому нынешняя публикация никак не может быть научной. Это – дело биографов и литературоведов, я же просто читатель, которому повезло. Но портрет настолько хорош и притом редок (возможно, уникален), что понятно желание, не откладывая более, ввести его в пространство культуры. Предложение сделать это на страницах почтенного альманаха было неожиданным и лестным. А поскольку поступило оно из родного города, то еще и тронуло душу, и захотелось в ответ доверительно рассказать немного о приближении к той давней находке и об обстоятельствах ее обретения, которые кажутся занимательными.

О Георгии Шенгели люди моего круга долгое время знали главным образом то, что его якобы собирались побить в конце поэтического вечера в каком-то зале на Пушкинской улице в начале 1920-х годов. Об этом курьезе и немного о самом поэте рассказал Константин Паустовский в автобиографической повести «Время больших ожиданий», радостно всколыхнувшей умы читающей Одессы. Было это больше шестидесяти лет назад.

Красивое имя, привлекательный образ. Конечно же, захотелось почитать стихи. Это оказалось невозможным. Ни книг

(последняя, как выяснилось позднее, вышла в свет в 1939 году, за двадцать лет до смерти поэта), ни публикаций в периодике не было. Возможно, ослабела бы со временем острота интереса.

Но вот спустя лет десять брату моему с другом посчастливилось побывать в гостях у вдовы Г.А. Шенгели Нины Леонтьевны Манухиной, тоже полузабытого поэта. Позволено было снять фотокопии с нескольких машинописных листов со стихами разных лет. Так мы стали обладателями двадцати четырех стихотворений, неизвестно кем («самиздат»?) и по какому принципу отобранных. С ними и жили долгие годы. Некоторые стихи стали не только фактом читательской биографии, но и событием глубоко личной жизни.

Шло время. Друг брата сумел опубликовать два стихотворения в комсомольской газете в Одессе (напечатаны были с купюрами и нелепой редакторской правкой). Мне удалось с согласия Нины Леонтьевны и от ее имени поместить стихотворение «Памяти Грина» в номере журнала «Уральский следопыт», посвященном столетию писателя. Тираж журнала в те годы был немалый: 249 000. Что и говорить, было приятно.

Прошло еще двадцать лет. Мы с сыном приехали в Казань, чтобы забрать нашу странствующую выставку «Дом, который построил Джек», полгода бывшую гостьей Национального музея Татарстана. Разобрав и упаковав ценности (завтра нас доставят на вокзал), шли в гостиницу, усталые и голодные. Был лютый мороз, довольно поздний час. Но увидели свет за окнами антикварной лавки. Ни времени любоваться редкостями, ни денег не было. Но очень захотелось ненадолго в тепло. Для приличия попросили у барышни посмотреть стопку старых открыток и фотокарточек, что лежала под стеклом рядом с подшивкой «Нивы». Вот, собственно, и все. Остальное, думаю, читателю понятно.

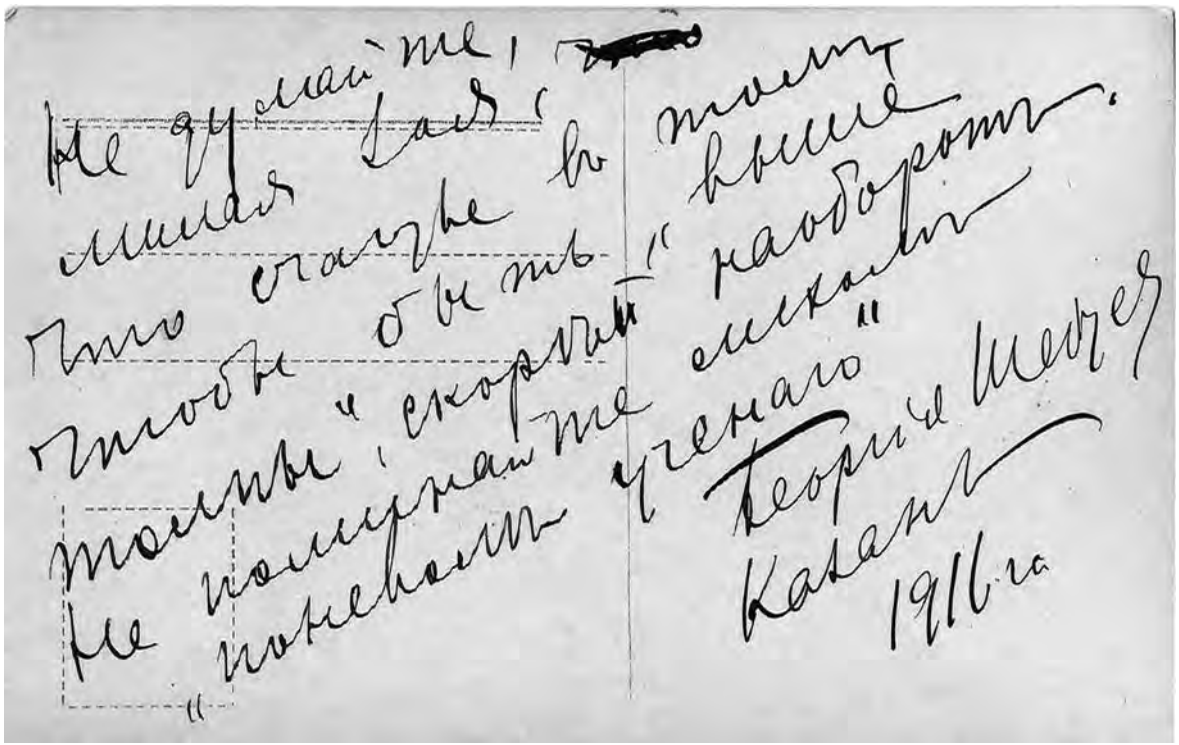
Изумлялись весь вечер за ужином, восхищались всю дорогу в вагоне. Дома изумляли и восхищали близких и перечитывали те немногие стихи. А через некоторое время о находке забыли. То была пора профессиональной востребованности, множества поездок, напряженной работы. И сопутствующих тревог, и невзгод. Словом, фотография была забыта, причем забыта наглухо – как оказалось, опять на много лет.

Можно по-разному оценивать происшедшее, можно от оценок и воздержаться. Но так или иначе только совсем недавно фотография была обнаружена в недрах беспорядочного архива вновь, и притом словно впервые – с той же внезапной яркостью открытия, что и в начале века. «Два счастья вместо одного. Хвала беспамятству!» – написал я брату, посылая ему находку.

Теперь уже под рукой был Интернет. Стали доступны и стихи Георгия Шенгели, и биографические сведения, и фото, и статьи о творчестве. С удивлением мы обнаружили, что ни «нашего» снимка, ни подобных изображений поэта ранней поры нет в его обширной иконографии. Разумеется, возникло несмелое предположение, что эта фотография может быть неизвестна специалистам. Так ли это?

За ответом я отважился обратиться к Вадиму Перельмутеру, авторитетнейшему исследователю, популяризатору и издателю творческого наследия Г.А. Шенгели. Пространный ответ пришел через несколько дней. Вадим Гершевич не только уделил проблеме часть своего времени, но и привлек к ней внимание коллег. Вердикт был таков: никому из специалистов снимок никогда не встречался. За этим следовали два скептически окрашенных примечания. Первое: вызывают некоторые сомнения «отличия от известных фотографий примерно той же поры», но это может быть обусловлено, добавляет В. Г., «фотопортретной практикой того времени». Второе: у специалистов нет документальных свидетельств о пребывании Г.А. Шенгели в 1916 году в Казани. Важное обстоятельство в глазах серьезного ученого. Но, может быть, находка и есть такое свидетельство? Впрочем, о цели нашей публикации уже сказано в начале этих заметок. А в том, что на снимке – Георгий Шенгели, нет у меня ни малейших сомнений. В этом убеждает внимательное до скрупулезности сопоставление черт лица со всеми доступными нам изображениями; и с этим согласны все, кого я вовлек в это приключение.

И если волею судеб я один из немногих, если не единственный хранитель этого изображения, то не только вправе, мне кажется, представить его urbi et orbi, но и обязан сделать это, следуя настоятельной внутренней потребности. Я владелец только старой



Не думайте,
милая Зая,
что счастье в том,
чтобы быть "выше
толпы", скорый "наоборот".
Не поминайте лихом
"поневолѣ ученаго"

Георгій Шебуев
Казань
1916 г.

фотокарточки, прекрасный же этот портрет должен принадлежать отечественной культуре.

А В.Г. Перельмутеру мы безмерно благодарны за участливый отклик на мое письмо. Его внимание к нашей проблеме – и помощь, и честь для нас.

Вторая часть этих заметок поневоле несет на себе некий слегка фантастический оттенок. Была помянута выставка, не будь на свете которой, не состоялась бы и наша находка. Уже поэтому нелишним кажется кое-что рассказать о ней. И о тех неведомых сочинителям выставки в середине 90-х годов неожиданных сближениях, что обнаруживаются только теперь.

Далее – небольшой самодеятельный спектакль. Действие – в своеобразных коротких диалогах.

В экспозиции выставки «Дом, который построил Джек» – акварельный пейзаж тонкой одесской художницы Олимпиады Стояновой. Она много писала Восточный Крым, была в дружеской переписке с Максимилианом Волошиным, бывала у него в Коктебеле. И Георгий Шенгели дружил с Волошиным (был с ним на «ты»), не раз гостил у него, иногда подолгу. Вполне возможно, О. Стоянова и Г. Шенгели встречались в Доме поэта. Могли, конечно, и не встретиться. Но и в этом случае дистанция между ними – всего лишь в два (но чьих!) рукопожатия…

«Но ведь я – из тех, кто вышел / В жизнь в двенадцатом году» (Г. Шенгели, «Здравствуй, год шестидесятый!..», 1953). В экспозиции – «Карта Черного и Азовского морей за 1912 год». На ней есть и малая родина поэта, станица Темрюк, и любовь всей жизни Керчь, и крохотное Еникале – ласковый знак Несбывшегося. …Это особая карта: «с обозначением мест крушений судов». Их было в том году сорок три…

Известно, что одно из первых, и сразу блистательных публичных авторских чтений стихов Г. Шенгели состоялось в Одессе. Это было в середине 1910-х годов. И позднее с нашим городом связаны значительные события его творческой биографии – и поэтической, и научной. В экспозиции – почтовая открытка рубежа веков: вид на городскую Думу и гавань с парусными судами у причалов (снимок, как видно, сделан

с крыши оперного театра). Такую открытку мог бы купить на память наш поэт еще в первой своей поездке. Конечно, мог и не купить. Даже скорее всего так. Но вот она, однако же, откуда ни возьмись, здесь, в нашем повествовании, в совершенно ином, британском сюжете…

«…с конца 10-х годов переводы в творчестве Шенгели стали равноправны со стихами оригинальными» (В. Перельмутер). Самая крупная из этих работ Шенгели – перевод почти всего Дж.Г. Байрона. Десятки тысяч поэтических строк. То был не только профессиональный интерес, надо думать, но и долгое сердечное влечение. В экспозиции – две гравюры 1834 года: портреты джентльменов, чья личность удостоверена лишь собственноручной подписью пером. На одном из них – Джон Кэм Хобхаус, барон Бротон Де Гиффорд (автограф лаконичнее: J.C. Hobhouse). Поэт, прозаик, публицист, близкий друг лорда Байрона, спутник в его восточных и европейских странствиях, автор исторических комментариев к четвертой книге «Странствий Чайлд-Гарольда». На другом листе – Сэмюэл Тейлор Колридж, видный поэт «озерной школы», чтимый старший собрат. Необычный четырнадцатистрочный эпиграф из Колриджа предпослан рвущей душу Байроновой элегии «Прости». Вот еще два двойных рукопожатия Г. Шенгели, в каждом из которых одно, правда, метафизическое, но не менее крепкое от этого. И снова заметим – чья рука там посредник!..

И там, и здесь с грустью помянут Иоанн Креститель. Г. Шенгели: «У закоптелых ликов – как прибой, / Забытый порт Святого Иоанна» («Порт Св. Иоанна», 1916). В экспозиции – эпизод с барком «Св. Иоанн», исчезнувшим без вести в октябре 1911 года…

И еще одно воображаемое рукопожатие Г. Шенгели через лорда Байрона – сэр Вальтер Скотт (так в виньетке под портретом). Гравюра другого рода и ряда, нежели упомянутые, в строгой рамке с шотландской символикой. Они были знакомы, встречались. Баронет был на семнадцать лет старше лорда, пережил его на восемь лет, написал книгу «Смерть лорда Байрона»…

На втором месте в переводческом наследии Г. Шенгели – и по культурному значению, и по объему трудов – В. Гюго: более ста поэтических произведений. Единственная подлинная книга

в нашей экспозиции (есть еще два муляжа) – это «Victor Hugo. Odes et ballades. Paris. 1858»…

В стихотворении Г. Шенгели «22 янв. 1793 г.» (1919) – эпизод Великой Французской революции. Художественно потрясающая (натурализм отдыхает) сцена казни короля. В экспозиции – затихающее эхо событий июня 1795 года: роялистский мятеж, Вандея…

Угадываются и более сложные, но вполне понятные связи между выставкой и творчеством нашего поэта. Чудовищные картины, явленные во многих стихах Г. Шенгели о днях революции и гражданской войны, неизбежно вызывают в памяти офорты Ф. Гойи из цикла «Капричос». На конверте письма-прощания, посланного из городка Ларедо в Дом, который построил Джек, – три испанские почтовые марки 1930 года выпуска с портретом Франсиско Гойи…

Есть и совсем простые, как легкий вздох. «И смуглый звон чеканных кирпичей» (Г. Шенгели, «Огонь и глина», 1916). В начале нашей экспозиции – задымленный с угла, искрящийся чешуйками слюды, тонкий (не больше дюйма) и размерами с небольшую книгу кирпич из кладки каминного свода с оттиснутым на нем (отчеканенным!) инициалом «J». Нарочно не придумаешь…

А потертый собачий ошейник в витрине и рядом старая латунная миска для корма приводят на ум саднящую строку осени 1941 года – «Мы живем вчетвером: я, собака и наши две тени»…

Вот какие странные, по большей части необъяснимые переклички слышны в этой истории сегодня. Удивительно? По мне – и да, и нет.

Энергичное, без колебаний, «Да!» – если не забывать, что в пору создания выставки и имя, и по-прежнему малознакомое творчество Г. Шенгели находились в полнейшем отдалении от наших замыслов и задач. Это непостижимо по сию пору.

И мягкое, но убежденное «Нет» – если довериться известному суждению о том, что все на свете со всем на свете связано. Бывает увлекательно и важно эти связи улавливать, отыскивать и ценить. Похоже на то, что в Доме, который построил Джек, в какой-то мере владеют таким умением…

…Порою вдруг покажется, будто что-то влекло выставку – несколько лет, через тысячи верст – к той давней находке. То ли наивные и неясные предчувствия, то ли зашифрованные предсказания и тайные ориентиры, живущие в ней самой. Если так, то именно выставка – главное действующее лицо в нашем нынешнем представлении. Да это и в любом случае так. А мы с сыном – просто рабочие сцены, установщики декораций, реквизита и света. Любимое и достойное, черт побери, занятие.

Поди гадай, кто же автор пьесы, кто режиссер?.. Впрочем, пора завершать эти заметки. Сейчас опустится занавес.

…Итак, вот полный загадок авантюрный сюжет и возвращенное в финале сокровище. Оно перед вами, читатель. Неизвестный портрет замечательного поэта Георгия Аркадьевича Шенгели.

Как хорошо, что явлен он миру в Одессе, на перекрестке прославленных улиц.

Екатеринбург

Феликс Кохрихт

Бархатный сезон в одесском оперном. «Кармина Бурана»: «O Fortuna!»

Первые и последние такты музыки этого произведения на слуху если не очень многих, то все же многим знакомы (к примеру, они звучат в телерекламе), но редко кто знает фамилию автора этих призывных, будоражащих воображение пассажей. Равно как и зачина другого сочинения, послужившего музыкальным символом культовой телепередачи «Что? Где? Когда?», – речь идет о сочинении Рихарда Штрауса «Так говорил Заратустра».

Этих композиторов объединяет время, национальность и присущий немецким музыкальной и поэтической школе «сумрачный

Алина Ткачук

германский гений», столь метко и лаконично отмеченный в начале XX века Александром Блоком.

Сегодня разговор пойдет о кантате Карла Орфа «Кармина Бурана», название которой ничего не говорит даже искушенному слушателю. Похоже на сочетание «цвета помады» и «природного явления», а на самом деле – это перевод с латыни, и означает «Песни Бойерна», что, право же, странно и для меня, учившего латынь на филфаке университета.

Но на самом деле – манускрипт с текстами на религиозные и житейские темы действительно был озаглавлен «Codex Buranus». Авторы текстов – бенедектинские монахи, школяры и бродяги, писали на латыни, но и на старинных вариантах немецкого и французского языков. Вот эти – искренние, порой отчаянные, подчас набожные, но и греховные откровения канувших в вечность возможных предков и вдохновили Карла Орфа на сочинение и музыки, и текстов к кантате, если не обессмертившей его имя, словно «Реквием» Моцарта, то давшей право и возможность грузить нас, живущих в XXI веке, как суетными, так и вечными проблемами.

Коротко смысл стенаний и ликований, которые звучат в течение часа на вербальном и музыкальном языках, можно кратко определить так: живется трудно, хочется разного, но все – в руках

изменчивой Судьбы и ее диспетчера – Высшего существа: то ли Природы, то ли Бога, но особой разницы те люди, как, впрочем, и нынешние, порой не замечают…

Увидевшая свет рампы в Германии 1937 года «Кармина Бурана» звучит и сегодня: не так уж часто, но почти всегда собирает полные залы. Есть в этой истории – и в музыке, и в философии, и в теософии – нечто. С одной стороны – простецкое, с другой – мистическое и загадочное. Поди угадай, чем все это кончится…

Как правило, кантату представляют как кантату: она звучит со сцены в исполнении хора и оркестра. Не знаю, кто и когда первым добавил в эту мистерию третью музу – Терпсихору, и это вполне естественно. Еще древние греки включали в свои действа пляшущих вакханок и фавнов, да и бродячие труппы Средневековья…

Несколько лет назад так поступил наш театр. Премьеру мы пропустили, а потом грянул ковид – сродни грандиозным повальным эпидемиям прошлых веков, и лишь в конце нынешнего августа в программе «Бархатного сезона» нам удалось увидеть этот спектакль.

Несколько лет назад слушали «Кармину» в Резиденц-парке Мюнхена в исполнении отменных, как всегда, тамошних хора и оркестра и сегодня неизбежно сравнивали – не мастерство, не профессионализм, а чувства, владевшие нами под небом родного для Орфа Мюнхена (он там родился и умер) и нашей Одессы, незаметно вступавшей в осень… Они (чувства) разнились – и по силе, и по цвету. И вот почему… В этих заметках, скорее искушенного слушателя, чем журналиста, решившегося на рецензию, скажу, что даже в вакхических всплесках и молитвенных признаниях, изначально заложенных Орфом в свое творение, они звучат в Мюнхене, как это ни парадоксально, по-немецки слаженно, но ограниченные рамками нотной и поэтической грамоты. В одесской постановке, где хоры (мужской, женский, детский) так же, как и в Баварии, поют, не понимая ни слова (на каком же это языке?), все же наши находятся если не в стихии, то в наплыве чувств – они в музыке… (Хормейстеры – Валерий Регрут и Лариса Гарбуз.)

Балет нынче редко принимает участие в мистерии Орфа – здесь, на нашей сцене, – обнаженные тела, но и души – то ли

на пути из рая в ад, то ли из ада в рай (вспомним Орфея!), но и застрявшие в чистилище сплетения тел. которые невозможно опознать, как в лаборатории Франкенштейна или на фабрике кукол. И среди них – черная пара…

Она – словно дьяволица, греховная и беспощадная, он – словно симулякр, зомби во власти сладостной муки…

Подробно, со знанием технологии танца, об особенностях хореографии, сочиненной Герхардом Мостердом (Нидерланды) расскажут профессионалы, а я лишь удивлюсь, насколько органично, хотя и с видимой усталостью к финалу, овладели наши танцовщики и балерины приемами иной, не привычной с детства школы.

Важно и знаменательно, что режиссура столь сложного многофигурного сценического действа доверена как раз хореографу – именно он создал пластическое, объемное и динамичное, уложенное в шестьдесят минут развитие сюжета.

Кантата – жанр, относящийся к хоровому пению, и обычно солисты находятся в шеренгах голосовых групп, но в нашем спек-

такле они представлены как главные герои, провозглашающие основные авторские максимы.

Блистательно делают это как бы сказочные, но и исторические персонажи, отражающие и эстетику, и пафос, и этику Средневековья. Прекрасная Дева (сопрано Алина Ткачук), Романтический принц (тенор Александр Прокопович), Мужественный Рыцарь (баритон Богдан Панченко) как бы подводят итог драматическим событиям, свидетелями, да и участниками которых мы были: «O Fortuna!». И этим все сказано: «Все в руках Судьбы»…

Наши певцы не просто порадовали, они поразили тем, что блистательно освоили особую манеру «немецкого вокала» – не оперного, а того, что в законе у тех, кто поет в соборах духовные тексты или старинные вокализы она особый манер. Словно и не пели за день до этого в «Богеме» или «Свадьбе Фигаро»!..

И, разумеется, если речь идет о мистерии, то у нее есть Демиург, тот, кто мановением волшебной палочки запускает весь сложный и коварный механизм спектакля, особенно столь необычного, как наша «Кармина Бурана». Красавица Алина под

финальную овацию вывела на сцену из оркестровой ямы на свет рампы главного дирижера Валерия Чернухо-Волича – вот и последняя аллегория в этот вечер…

…Когда руководители нашего театра решались на столь масштабную, многотрудную и, видимо, затратную постановку, то, несомненно, были под впечатлением вдохновляющих, загадочных и чарующих звучаний первых тактов этой кантаты – и чутье не подвело их.

Уверен, «Кармина Бурана» 2021 не только украсит репертуар одесского театра, но и будет с интересом и уважением воспринята и публикой, и критиками, и прессой нашей страны и других государств.

Фото Юрия Литвиненко

Юрий Дикий

Филармонии – 90 лет

Бурным потоком музыка европейской профессиональной традиции хлынула из Европы через гастрольные «южные ворота» нашего молодого города, оказывая своеобразное влияние на всю культурную жизнь России XIX века.

Вобрав в себя лучшие образцы европейской культуры через свое интернациональное молодое население, Одесса с первых десятилетий существования стала удивлять не только первых известных зарубежных путешественников, но и представителей мировой культуры. И если Пушкин в «Евгении Онегине» пишет:

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет Югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый…

…то в письме к брату Льву читаем:

«Я оставил мою Молдавию и явился в… Европу. (…) Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни».

И он не одинок в своих суждениях. Его друг, поэт и драматург А.М. Долгоруков еще до Пушкина шутил: «Нет денег на Париж, поеду-ка я в Одессу!».

И относительная молодость нашего города не помешала ему стать уникальным в мире явлением. Естественно, не исключением была и музыкальная жизнь европейской Одессы.

Достаточно упомянуть два имени, определивших взлет ее романтической эпохи начала XIX века, биографии этих людей увязаны с нашим городом и предопределили его дальнейший грандиозный культурный подъем. Ференц Лист и Антон Рубинштейн – два гениальных инструментальных конкурента музыкально-театральному, в основном оперно-итальянскому доминированию «пора нам в оперу скорей!» в местной интернациональной культурной среде.

Музыкально-жанровое инструментальное разнообразие с начала существования Одессы проявлялось через бережно сохраняемые национальные музыкальные традиции. Благодаря им уже в первые десятилетия появляется филармоническое общество (по одним источникам в 1839, по другим – в 1842 году) при активном содействии графа М.С. Воронцова, ибо хорошо известны

Пианисты Украины – Одессе. Юбилейный концерт Миссии Давида Ойстраха и Святослава Рихтера

музыкально-художественные привязанности его супруги Елизаветты Ксаверьевны, зачастую аккомпанировавшей в салонных концертах оперным солистам.

Частые приезды в Одессу А.Г. Рубинштейна и его любовь к нашему городу, многочисленные концерты и покровительство одесским музыкантам, профессиональная помощь развитию музыкального образования, его генеральная репетиция именно в Одессе знаменитых «Исторических концертов», заинтересованность планами филармонического общества подготовили дальнейший взлет ее музыкальной культуры в XX веке.

Общественные художественные потребности и отражены в этимологии слова *филармония* (от греч. phileo – любить, и harmonia – гармония, музыка). Они получили два взаимосвязанных ответвления: с одной стороны, *филармонические общества*, с другой – *филармонические учреждения* – *филармонии*, распространившиеся в Европе и Америке в XIX столетии.

Не исключением в этих процессах стал и наш город. Первые филармонические сообщества то быстро возникали, то исчезали, то возрождались благодаря новым меценатам и активистам. Однако результатами процессов становления было возникновение музыкальных классов, музыкальных школ, училища, а в начале XX века – консерватории уже в первом ряду высших музыкальных учебных заведений Европы.

До появления в 1931 г. в Одессе государственной филармонии, 90-летие которой мы отмечаем в этом году, организацией концертной жизни города занимались частные лица, зачастую представители филармонического общества или же театральные и консерваторские администрации.

Впечатляющие концерты С.В. Рахманинова в 1911 и 1913 гг., А.Н. Скрябина в 1897 и 1911 гг. – лишь вершина гастрольной жизни Одессы и филармонической деятельности в начале XX века.

А сколько знаменитых во всем мире музыкантов родились в Одессе в этот период! Их дальнейшая судьба в значительно мере была обусловлена царившей концертной атмосферой. Напомним из них некоторых пианистов – Я. Зак, М. Гринберг, Ш. Черкасский, С. Борер…

К примеру, приезд в Одессу в 1927 году С.С. Прокофьева и его выступления в одесской опере и консерватории организованы были филармоническим обществом, возглавлявшимся А.М. Сигалом, известным врачом-кардиологом и одновременно незаурядным пианистом, дирижером. Этот факт содружества музыки и медицины в Одессе немало удивил С.С. Прокофьева, восхищенного приемом в Одессе.

«Утром Одесса. На платформе встречает с десяток неизвестных мне людей – представители филармонии и акоперы», – пишет в дневниках С.С. Прокофьев. А далее он записывает перед отъездом: «На вокзале нас провожали приблизительно те же, кто и встречал, главным образом доктора, потому что ОФО (Одесское филармоническое общество) почему-то держится главным образом докторами».

Появление в довоенный период в Одессе государственной филармонии, а в 1946 году ее переезд в нынешнее уникальное здание, творение Бернардацци, как и дальнейший расцвет концертной жизни, увы, деятельность Одесского филармонического общества постепенно свели к нулю.

Между тем выдающиеся представители медицинской общественности продолжали и сегодня продолжают играть ведущую роль в музыкально-культурной жизни города. Традицию А.М. Сигала в довоенный период поддерживал доктор Г.С. Леви (лечивший от менингита С.Т. Рихтера).*

В послевоенный период особую роль в филармонической жизни играл доктор И.Е. Циклис, который еще в годы учебы в Парижском университете написал работу «Влияние музыки на больных психическими заболеваниями». Он был близким другом множества выдающихся музыкантов XX века.

Потомственный врач профессор С.А. Гешелин как пианист учился в Одесской консерватории, до недавнего времени был одним из ближайших друзей филармонии. Ныне здравствуют выдающийся фтизиатр, заслуженный врач Украины писатель

* Дочь Г.С. Леви Изабелла сделала подарок С.Т. Рихтеру. Ее громадный гобелен с дарственной подписью по сегодняшний день украшает главную комнату-зал Музея-квартиры С.Т. Рихтера. Сотрудники музея с интересом расспрашивали меня, «кто такая Изабелла Леви».

Давид Ойстрах в Одесской филармонии

Л.Г. Авербух, известный одесский меломан и основатель эстетической медицины в Одессе и Украине; профессор В.А. Цепколенко.

За минувшие более чем полвека в памяти остались многочисленные знаковые концерты в одесской филармонии выдающихся музыкантов современности, в частности пианистов самого высшего ранга – всех и не перечислишь. О некоторых из них все же хочется рассказать, прежде всего потому, что это наши земляки-одесситы, с которыми посчастливилось близко общаться.

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения Эмиля Григорьевича Гилельса, представлять которого нет необходимости. Его приезды с концертами в Одессу всегда становились праздником для музыкантов, оставляли множество восторженных печатных и устных откликов. Незабываем был и его совместный концертный тур с Евгением Светлановым, возглавлявшим в то время Госоркестр СССР. И их репетиция, и само выступление с Пятым бетховенским Императорским концертом стали эталонными памятными впечатлениями на всю жизнь, как и общение с консерваторскими коллегами.

А приезды в родной город Д.Ф. Ойстраха и его общение с ближайшими друзьями детства и юности, в первую очередь с В.З. Мордковичем, с которым он играл в футбол на Соборной площади…

По рассказам В.З. Мордковича, они вместе проказенили урок у П.С. Столярского, который, зная их футбольные пристрастия, а значит, и где их разыскивать, незаметно забрал брошенные ими на площади инструменты и припрятал в назидание, вызвав панику и у казенщиков, и у их родителей.

А последующее увлечение Д.Ф. Ойстраха фото- и киносъемками проявилось в один из послевоенных приездов с концертами в филармонии, когда Давид Федорович больше времени уделил киносъемкам любимых мест Одессы, чем репетиционному режиму. И придя после триумфального концерта, в первую очередь потребовал просмотра на «вывешенной на стене простыне» отснятого им материала – о чем рассказывал его друг Марк Зингер.

Не менее запоминающимися для слушателей были выступления молодых в то время победителей первых международных конкурсов, в частности конкурса имени П.И. Чайковского –

2002 год. Первый Рихтерфест

В. Ашкенази, Дж. Огдона, В. Климова и многих, многих других. Впрочем, как и знаменитого маститого одессита Шуры Черкасского.

Незабываемые главы сценических праздников нашей филармонии были бы неполными без упоминания впечатлений от концертов прошлого и современности с участием Л. Гинзбург, А. Ботвинова, Б. Блоха, С. Терентьева, Ю. Кузнецова и ряда других наших известных музыкантов, посвятивших себя и свое творчество нашему городу.

В начале нового тысячелетия, можно сказать, возродилась и музыкально-общественная жизнь с появлением Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера. Именно стараниями музыкальной общественности в содружестве с Одесской филармонией была осуществлена связь времен – установлены мемориальные доски и проведены первые фестивали памяти С. Рихтера («Рихтер-фесты» 2002 и 2005) и Д. Ойстраха («ОйстрахАссамблея» 2003), когда в Большой зал филармонии приглашались известнейшие украинские музыканты.

Не претендуя на звание филармонического общества, Миссия Д. Ойстраха и С. Рихтера в силу своих возможностей стремилась к более полному отражению в СМИ концертов и фестивалей, музыкальной жизни прошлого и настоящего Одессы и ее роли в современности. Публикация многих малоизвестных исторических материалов, биографий гениальных одесситов пробудили интерес профессионалов ближнего и дальнего зарубежья, не говоря уже о многих городах Украины.

А в 2018 г. на юбилейный вечер, посвященный пятнадцатилетию деятельности Миссии (можно сказать, в какой-то мере все же наследующей традиции одесских филармонических обществ прошлого), были приглашены известнейшие пианисты Украины, народные артисты Л. Марцевич, Ю. Кот, Й. Ерминь, И. Алексийчук, выступившие вместе с пианистами-одесситами на филармонической сцене.

Уникальная, любимая сцена Большого зала филармонии, как и Камерный зал ждут новых и новых творческих открытий музыкантов и своих замечательных слушателей!

Елена Каракина

Отпечаток его характера

Чашка кофе

Он прицеливается, иногда тщательно, иногда ковбойски небрежно. Мягкое движение пальца – и раздается хруст. Так хрустит снег под ногами морозным утром. Или свежий хлеб с твердой, будто лакированной корочкой, когда отламываешь еще теплую горбушку. Так хрустит бумага вожделенного подарка, когда рвешь аккуратный глянцевый пакет, чтобы добраться до сердцевины. Так хрустит затвор фотоаппарата.

Вначале хруст был тише, скромней, воспитанней. ФЭД или «Зоркий» издавали простой щелчок. Когда снимал. Но когда взводил затвор фотоаппарата, раздавался все тот же хруст. Как будто взводил затвор оружия – пистолета, револьвера, нагана. Недаром в английском языке «стрелять» и «фотографировать» обозначается одним и тем же словом. Зато результаты разные. Объект фотоохоты не только остается в живых, но его портрет теоретически обречен на бессмертие. Фотографы по природе своей гуманисты. Да-а-а? Неужто?

Хиромантия

К свету

Вспомните ваши неузнаваемые физиономии в фото на документах. Это от равнодушия к натуре. Или доброхотские любительские, где перекошенное лицо украшено полуоткрытым ртом и полузакрытыми глазами. Это от неумения. Но всегда ли добр к объекту профессионал?

Фотограф, о котором идет речь, профессионал высшей пробы. В профессии больше полувека, начинал еще в детстве. Одна из его многочисленных фишек, его визитных карточек – редкий жанр: фотошарж. В этом жанре Юрий Бойко съел даже не собаку, а целую собачью упряжку вместе с упряжью. Он умеет фотографировать смешно. Как в комнате-аттракционе кривых зеркал. Люди выходят оттуда хохоча. Удалось взглянуть на себя разного и посмеяться над собой. За Юрой числятся сотни насмешливых фото. И что любопытно – ни одного обиженного. Смех-то не злобный. Баловство, шалость. Но Бойко удается не только шалость.

Почерк Юрия Владимировича легко узнаваем в самых разных жанрах фотографии. Тем и отличается мастер от любителя – его работы имеют

незримую подпись, отпечаток его характера, его взгляда, его точки зрения. Будь то портрет, натюрморт, репортаж, уличная зарисовка. Бойко далеко не всегда ироничен, но всегда остр. Как скальпель хирурга. Не безразличен. Всегда точен. Схватывает композицию – целиком и в деталях. Видит высокое и смешное. Знает, как именно следует напечатать. Глянцевая бумага или матовая, перевод в графику или в мягкий, туманно расплывчатый романтический флер, тонировка или резкость линий. Да, теперь и фотошопом. А раньше все руками, только руками. И заодно великолепной взвешенностью, рациональностью, но смягченной сантиментом, радостью бытия.

Рама

Тень музыканта

Его кредо – подойти к объекту с неожиданной стороны. Вы знали, что ломтики лимона похожи на старинный велосипед с разными колесами? Что стулья бывают очень-очень одиноки? Что один лист похож на целый облетевший лес? Что совокупляющиеся мухи сродни матросам на вантах? Что микромир легко превращается в макромир, если чуть поменять угол зрения? Взгляните на фотографии Юры, и вы поймете, что это так. Можно ли в портрете передать тютчевский «угрюмый,

После праздника

тусклый огнь желанья»? О, да! В портретах Юрия Владимировича волшебно переданы не только черты того, кого он снимает, но и характер, но и состояние души. Будто снимает не фото-, а рентген-аппаратом. И неважно, снимки ли артистов (Юра много и плодотворно работал в театре), кумиров отечественного рока (включая всю «Машину времени», Бориса Гребенщикова, Виктора Цоя, Жанну Агузарову), друзей-фотографов, прекрасных дам и девиц и просто первых встречных – в каждом портрете вылеплен характер, даже больше – принадлежность к профессии. Много лет Юра был портретистом Михаила Михайловича Жванецкого, который ценил в Бойко не только фотографа.

И фото свадеб – куда же без них фотографу? Пышные и смешные, гламурные и откровенно купеческие, свадьбы семидесятых, восьмидесятых, девяностых и нулевых, со всеми их сходствами и отличиями, великолепные срезы времени, тщеславия, пошлости, банальности и в то же время некоторой нежности и участия.

Трамвай в светлое будущее

Головокружительным калейдоскопом снимков Юрия Бойко можно было восхититься на его выставке во Всемирном клубе одесситов. Выставка была создана и открыта аккурат ко 2 сентября, ко дню рождения Одессы. Стоит ли говорить, что за годы работы в фотографии, фотографике, фотоживописи у Юры – десятки выставок, если не сотни. Индивидуальные выставки, выставки фотоклубов, отчетные одесского Союза фотохудожников, выставки дуэтом с коллегой и другом Георгием Исаевым. Грандиозная выставка-акция «Двор, дворяне дворники», посвященная одесским дворам, придуманная и созданная Георгием Исаевым, была бы неполна без Юриных портретов и жанра 1970-80-х годов. «Портрет одесситки» – без серии портретов Георгия Исаева (больше сорока), созданных Юрием Бойко. И какая же «Еврейская Одесса в Берлине» обошлась бы без острого глаза и верной руки Юрия Владимировича? Пусть Михаил Векслер как-то и написал Юре: «С таким антисемитским носом твое еврейство под вопросом». Жаль, что эта эпиграмма осталась без ответа, потому

что Бойко успешен и в области ернического, иронического стиха. Один из его поэтических сборников должен был так и называться, «Бедный ёрник», потом, правда, получил название «Опять я временно богат». Для вящей простоты. Оттуда эти строки:

Старый, затухающий вулкан,
Конь, не выносящий ипподрома,
С легкою шопенинкой канкан,
Молния, но без раскатов грома.

Упс

Стихи Бойко сродни его фотоработам, фотографии – поэтическим экзерсисам. Ему свойственна органичность во всем, за что он берется, – будь то фотография, стихи и даже кулинария. Готовит он изумительно и вдохновенно, а фотографирует еду так, что слюнки текут даже у пресыщенных. Хотя шашлыку не скажешь: «Улыбочка!» – а блюду с ломтями арбуза – «Скажи изюм». Зато можно выставить свет, прицелиться – и раздастся, нет, не выстрел – вкусный хруст. И картинка станет еще одной визитной карточкой фотографа, фотохудожника Юрия Бойко.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

286 **Сэда Вермишева**
Из последних стихов (2017-2019)
Публикация Вячеслава Игрунова

294 Киностатьи Веры Инбер
Публикация Эдуарда Амчиславского

302 **Эрванд Григорянц**
Афоризмы
Публикация Тимура Семенова

Сэда Вермишева

Из последних стихов (2017-2019)

Русско-армянская поэтесса Сэда Вермишева никогда не была в Одессе. Но Одесса манила ее как ключевой город Российской империи, которой столетиями преданно служил ее род, род князей Аргутинских-Долгоруких, восходящий ко временам царицы Тамары. Многие ли из нас могут похвастать такой семейной исторической памятью? И она порывалась посетить Одессу, недалеко от которой располагались имения одной из ветвей ее рода. Не случилось. Но она вглядывалась в жизнь нашего города, и майская трагедия оставила след в ее поэзии, как и трагическая судьба армянского народа. Кстати сказать, род Аргутинских-Долгоруких происходит из курдов, тех самых курдов, которые тысячелетие спустя будут вырезать армян Османской империи.

Сэда родилась в Тбилиси, в городе, где прослеживаются первые следы ее рода, училась в Ереване, но долго жила в Москве, ощущая себя принадлежащей к огромной стране, а последние годы провела в Армении, где страдала, видя национальную ограниченность политической элиты страны, тех, с кем ее роднила кровь. Ее больше привлекали армяне Карабаха, забота о судьбах которых свела нас с ней в восьмидесятых годах. И мы говорили не только о трагических распрях, разрушающих общее наследие наших народов, но и о путях, которые могли бы предотвратить распад родины. Мы разговаривали о судьбах наших родных городов, Одессы, Тбилиси, но и Москвы, Петербурга и Еревана, о прекрасной атмосфере разноголосицы и культурного многоцветья, и эта любовь к культурной широте связала нас крепкой дружбой. Стихи появились потом. И неожиданно зацепили меня своей экспрессией, своей лаконичной формой. Ну а еще некоторое время спустя Сэда Константиновна, узнав, что и у меня есть поэтические пробы, буквально затребова-

ла почитать их. И приняла. А приняв, настояла на первой в моей жизни публикации стихотворений. Я благодарен ей за это. И теперь пришло время вернуть ей долг: я хочу представить ее стихи моему городу, в атмосфере которого созревали мои литературные вкусы.

Вячеслав Игрунов

* * *

Жизнь,
Словно птица,
Над полем летала…

Осенью поздней
Птицы
Не стало…

* * *

Выпей свою каплю дегтя из бочки

1

Я живу в проигравшей стране
Среди дурней и прочего смрада;
Мне тревожней и горше вдвойне
Что им вовсе победы не надо…

2

Нас всех убирают из этого мира
Площадка тесна, совсем никуда
Невзрачно мертва и убога квартира
И слишком тесны города

3

Пускай умирает душа
как птица что брошена в небо
высоким простором дыша
отвергнувши корочки хлеба

4

О Господи
Пошли мне силы
Все одолеть
Преодолеть
И чтобы крик в ночи совиный
Не мог мне в душу залететь
Я распахнула все запоры
и бросила в канаву ключ
чтоб прояснились вновь просторы
и засиял надежды луч…

* * *

Ну что же –
Примем мир
Таким,
Каков он есть.
Не станем сдуру
На него сердиться…
Прикрою веки…
Ран моих не счесть…
Но мне приходится
С реальностью
Мириться.
Мириться с тем,
Что имя мне –
«Никто» –
(Мне опровергнуть это
Не под силу)…

На вешалке
Дырявое пальто,
В котором я
В холодный вечер
Сгину…

* * *

Мне пора возвращаться к себе,
Мне в лицо – только ветер и вьюга
Что играют, дудят на трубе,
Обгоняют и топчут
Друг друга.

* * *

Оттого так уныло живем
Оттого так безудержно грезим
И веселые песни поем
Когда грязь придорожную месим
И уткнувшись в мрак ночи лицом
Слезы льем чтоб никто не заметил…

* * *

Над миром моим
Кружат черные
Птицы,
Клюют и клюют
Мне глаза.
И трудно укрыться,
И не защититься,
И плакать,
Конечно,
Нельзя.

В далеких рассветах
Далекие птицы
Приветно
Раскроют крыла,
Но к ним еще надо
Сквозь годы
Пробиться,

А жизнь,
Как ракушка,
Мала…
А как мне вернуть
Те великие встречи,
На миг воскресить
Нашу быль…
Ведь рядом со мной
Лишь сгустившийся вечер
Уносит вчерашнюю пыль.

* * *

Город,
Где я проживаю,
Некогда был и моим.

Прошлое время сжирает –
Стал этот город
Чужим.

* * *

А прощения нет и не будет
Взмоет в небо священная суть
Навсегда и навечно пребудет…
Унесет в небеса и осудит,
Ты об этом и в снах не забудь
Что прощения нет и не будет

* * *

Я правду говорила
Но правда не нужна
От правды замолчала
Ушла в себя душа

И стала она скорбною
И стала неживой
Неправда в лживой
Мерзости
Катит по мостовой.

* * *

Мы не справляемся
С задачей,
Мы не справляемся
С собой.
Конь,
Не оседлан,
В поле скачет,
Удача вон где, –
за горой…

И в новых дней
Круговороте,
Где верх,
Где дно –
Не разобрать…

Кто окопался,
Кто в болоте,
Споткнулся
И не может
Встать…

А я живу
В одной
Заботе,
Себя б,
Себя
Не потерять.

* * *

Зачем я здесь живу –
Не знаю,
Зачем не так живу –
Бог весть…
Зачем я душу надрываю,
Теряя совесть, счастье,
Честь,
Какие силы ненароком
Мне указали этот путь?
Пора домой,
К своим истокам,
Пора домой
По шпалам – строкам,
Пора домой
Себя
Вернуть…
Зачем я не хочу расстаться
С тропой заведомо слепой,
Где невозможно продолжаться,
Где можно только лишь смеяться –
Над миром,
Солнцем
И собой…

* * *

Детям оставлю
Имя свое
Детям и ветру…
Только останки вокруг
Память, былое…
Память останков
Глухое былое…
В прошлое катим карету

* * *

Осталось жить совсем немного
Ты окунешься в пустоту
Закончен путь, молчит дорога
Пуста кибитка на мосту.
Полощет вечер занавески
И облучок без ездока
Никто не слышал звук от всплеска,
И тяжело течет река.

* * *

Нас мало –
Все-таки –
Мы есть
В нас удаль и сила,
Послали с неба боги весть
О чем я лишь на час
Забыла…

Публикация Вячеслава Игрунова

Киностатьи Веры Инбер

Более сорока лет мы с отцом, Борисом Амчиславским, занимаемся изучением жизни и творчества Леонида Утесова.

Был в биографии Леонида Осиповича и небольшой период кинематографической карьеры. Я говорю не о кинофильме «Веселые ребята», а о более раннем периоде.

Началось все для молодого артиста в 1917 году короткой, практически проходной ролью адвоката Зарудного в кинокартине «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта».

Позже в книге «Спасибо, сердце!» Л. Утесов напишет: «Веселые ребята» не были моим кинематографическим дебютом, до этого я уже снимался в немом кино. Самый-самый первый раз, от которого не осталось у меня ни снимка, ни кусочка пленки, ни даже сюжета в памяти, я играл адвоката, защитника лейтенанта Шмидта Зарудного в картине «Лейтенант Шмидт». А через несколько лет – в двух больших фильмах, не ставших шедеврами кинематографии и не соблазнивших меня на переход в великое немое искусство. Вы же понимаете, что превратить меня в немого трудно – легче в покойника».

К сожалению, в этом отрывке Утесов допустил несколько неточностей: фильм о лейтенанте Шмидте назвал сокращенно. А вот в середине двадцатых годов почти подряд он снялся не в двух, а в трех кинофильмах: «Торговый дом «Антанта и К°», «Чужие» (вместе с дочерью Эдит) и «Карьера Спирьки Шпандыря».

Чтобы собрать более полную информацию об этих фильмах, я решил посмотреть, что писали об этих работах на страницах газеты «Кино»,

выходившей в те годы. Мне повезло, удалось пролистать подшивку за вторую половину 1925-го и за 1926-й годы.

Довольно неожиданным оказалось то, что среди материалов, опубликованных на страницах газеты «Кино», в этот период оказались статьи, написанные одесситами, ставшими к тому времени уже москвичами. Среди авторов: Вера Инбер и Семен Кирсанов, Эдуард Багрицкий и Семен Гехт, Исаак Бабель и Лев Славин.

А еще материалы о съемках на Одесской кинофабрике ВУФКУ, реклама фильмов, снятых в Одессе…

Когда я решил проверить, перепечатывались ли эти материалы впоследствии в сборниках авторов, то оказалось, что основная часть публикаций так и осталась только на страницах старых газет.

Первой на страницах «Кино» начала публиковаться Вера Инбер. Более того, она открыла рубрику «Когда гаснет свет». Позже в этой рубрике будут напечатаны стихи Семена Кирсанова, Эдуарда Багрицкого. Но сама Вера Инбер начала с прозы. И причина написания ее материала подсказала название публики. В середине 1920-х годов появилась идея проводить киносеансы при включенном в зале свете. Вера Михайловна выступила категорически против.

Эдуард Амчиславский

Свет и тьма

Всякое изменение быта усваивается с трудом. Когда исчезла буква ять, многие были несчастными, пока не привыкли. Теперь нам предстоит еще одно новшество. Совсем недавно мы прочли в газете, что открыт способ показывать фильмы в освещенном зале, что опыты были удачны, и что, таким образом, нам грозят ярко освещенные кино.

Подобно тому, как пропеллеру свойственно жужжать во время полета, кино должно быть темным во время сеанса. В темноте можно снять шляпу и даже туфлю, если она тесна, можно грызть яблоко, можно положить голову на плечо спутника и, наконец, можно потихоньку плакать над злоключениями героя, с тем чтобы при свете отречься от слез.

Я представляю себе, что идеальный аэроплан будущего будет бесшумен, как стрекоза, смазанная маслом. Я представляю себе, что будущие кинематографы будут залиты светом. Но я хочу, чтобы это будущее как можно дольше не наступило.

Я знаю все: что ученье – свет, а неученье – тьма, и что, следовательно, свет лучше тьмы. Еще говорят: чужая душа – потемки. И думают, что это очень плохо. А я, наоборот, уверена, что хорошо. И что если бы в чужой душе внезапно зажегся свет, это было бы еще хуже, чем в кино. Кто знает, какие там неожиданности?

Есть выражение: ни зги не видно. Я понимаю, что есть случаи, когда такое положение неуместно, например во время автопробега. Но в кино, во-первых, вы сидите неподвижно и вам не грозят ухабы. Во-вторых, там всегда есть маленькая зга в виде синей лампочки у дверей. В Париже у билетереш заведены фонарики, как у детективов. Этого вполне достаточно.

Лично для меня отмена темноты неприятна вот еще почему. Я решила объединить все, что я буду писать о кино, одним общим заглавием: «Когда гаснет свет». Мне казалось, что это удачно. Неужели теперь это будет называться: «Когда свет не гаснет?».

Вера Инбер

Газета «Кино» № 26 (106), 15 сентября 1925 года, с. 4

Как я стала уважать ослов

В кинематографе кроме гор, утонувших в снегу, и океана, трепещущего от бури, кроме взрослых людей в слезах и улыбках нам показывают еще рожицы детей. Вслед за детьми идут звери.

Разница между ними та, что зверей не портят их папы и мамы, и режиссеры, а детей – наоборот.

Достаточно взглянуть на Джекки Кугана в «Сыне маэстро». Он ломает руки, он взывает к небу, он ужасен. Всему этому научили его взрослые.

Кроме этого, он растет и с каждым днем утрачивает свое очарование. Кто знает, что будет с ним дальше? Ведь не из

всякого Джекки выходит Чарли Чаплин. Но не это еще самое печальное.

Глядя на такого джеккиобразного ребенка на экране, нельзя отделаться от мысли, что ему надо учиться и что, конечно, он не хочет.

Между прочим, с Джекки Куганом так оно и есть. В прошлом году он приезжал в Париж, и парижские репортеры дознались, что он еле подписывает свое имя и не знает, сколько трижды шесть. А ведь ему не так уж мало лет.

Совершенно другое дело – кинозвери. Во-первых, они растут без ущерба для зрителя. Затем, у вас нет сознания, что перед вами невежественный ребенок, из которого, несомненно, выйдет оболтус. Но, самое главное, они безупречно естественны.

Я не знаю, есть ли у них чувство экрана. Вероятно, они и не подозревают, что их снимают. То есть нет, собаки догадываются. Очень уж они финтят иногда и хвостом, и головой. И так уши, и эдак.

Но кошки, которые так заняты собой, что ни на кого не обращают внимания, те очаровательны. Или, например, ослы.

Лучшее, что я видела в кино, это был небольшой и, очевидно, не слишком молодой осел. Это был первоклассный актер, типа Янингса.

Осел этот по ходу действия сопровождает своего хозяина и поджидает его у ворот дома. Сначала он спокоен. Он щиплет траву, он развлекается, он смотрит на небо.

Вон пролетела ласточка. Вот прошла лошадь. Удивительно глупый вид у лошади. Она похожа на выродившегося осла.

Но вот ему надоедает ждать. Тут он показывает целую гамму нетерпенья, от раздраженья через бешенство к тупому равнодушию, когда ему уже все равно.

И вот, придя в это состояние, осел небрежно прислоняется к стене, скрестив ноги. Он ждет.

Этот жест был настолько великолепен, что весь зал разразился аплодисментами. Не каждый ребенок и не каждый взрослый могут добиться этого.

С тех пор я стала уважать ослов.

Вера Инбер

Газета «Кино» № 28 (108), 29 сентября 1925 года, с. 4.

Комсомол и Саломея

Из медицины известно, что человеческий организм, переболев какой-нибудь болезнью, вырабатывает на будущее противоядие – иначе говоря, иммунитет.

Мы все в свое время болели эстетизмом, мы с замиранием сердца читали Оскара Уайльда, упиваясь приключениями души, отделенной от тела ножом молодой колдуньи.

Но ведь есть молодые сердца, которые, к счастью, ничего этого не знают.

Так зачем же им прививать не вполне еще выдохшийся яд, который может не подействовать, а может и подействовать.

Я подразумеваю «Саломею» с Назимовой.

Воскресенье. Кино у Никитских ворот полно. В фойе ничего не играют, и потому ожиданье сгущено, как молоко в банке. Вот, вот.

* * *

За окном осень, осенние звезды, крепкие и хрусткие, как яблоки.

Комсомолочки в красных платочках, на щеке прядь, гуляют очень чинно, но видно, что им все смешно.

Их спутники, черные, еще не отгорели после Крыма, ступают рядом, как взрослые, только скулы движутся: очень уж интересно жить.

Наконец всех впускают. Оркестр играет нечто неопределенное, но явно эротическое.

На экране появляется надпись: «Какой странный вид у луны сегодня».

После чего оформляется сама луна с очертаниями черепа.

Женственные юноши в гиацинтовых локонах, темница Иоканаана, похожая на вход в недорогие меблированные комнаты, негритята дошкольного возраста, ужасная Иродиада, непричесанная после мытья головы, и еще всякое, разное.

И на фоне всего этого – Саломея-Назимова, иудейская энженю-кокетт, полуголая, последовательно в двух париках, извивающаяся, как глист, перед пророком.

И надпись:

«– Твои волосы черны, как ночи, не освещенные луной».

– А-ах, – проносится вздох с той стороны, где сидят платочки и куртки.

И я ясно представляю себе, как некий юноша в куртке, отравленный цитатами из Уайльда, говорит красному платочку:

– Волосы твои черны, как ночи, не освещенные луной.

Как это все-таки ужасно.

Вера Инбер

Газета «Кино» № 29 (109), 6 октября 1925 года, с. 2

Эскимос

Эскимосом называют в Париже лакомство, которое продают преимущественно в кино. Оно стоит франк и состоит из куска замороженных сливок в шоколадном чехле.

Все это сидит на деревянной палочке и почему-то не тает. Вы можете есть его, не пачкая рук, и это так вкусно, что невозможно оторваться.

В маленьком и очень дорогом кино на Елисейских Полях, тесном и мягком, как муфта, шла картина «Проходящие тени» с участием Мозжухина и Лисенко.

Лисенко, как говорят, с эмалированным лицом, утопала в одеждах почти непостижимых, как теория относительности.

На ней были бархат, кружева, мех и голое тело в таком сочетании, что по женщинам в зале проходила волна, – уж на что они привычны.

Мозжухин демонстрировал слезу, тающую в злобной улыбке, как жемчужина в уксусе, мускулы и купальный халат нечеловеческой красоты.

Была там еще одна актриса, француженка, не помню ее имени. Она кормила кроликов, воспитывала престарелого отца и любила Мозжухина.

По штату ей полагались локоны, передник с карманом и старая преданная прислуга.

За нами сидели русские. Приятно услышать на чужой стороне родной язык.

– Гога, – сказал жемчужный женский голосок, – вот это картина! И потом, подумай, как приятно, что это наши, русские. Пусть французы видят, как мы умеем носить фрак и сорти-де-баль. Но зато что ставят «там»! Говорят, что из лохмотьев не выходят. Мне писала Тата, что в Москве никто не ходит на русские картины. Гога, позови эту женщину и купи мне эскимос.

– Ты испачкаешь перчатки, – мрачно ответил Гога. – Воздержись лучше.

Но я слышала, что эскимос все-таки там купили.

Должна признаться, что картина и мне нравилась. Все было так трогательно и нарядно. Ее было так же приятно смотреть, как эскимос приятно было есть.

– Гога, – сказал женский голос за мной, – ох, как меня вдруг стошнило.

Вкусно, вкусно, а потом вдруг сразу…

И, странное дело, глядя на картину, я почувствовала, что со мной произошло то же самое.

Вера Инбер

Газета «Кино» № 30 (110), 13 октября 1925 года, с. 2

Крупным планом

Наплыв. Плывут светлей пера
Преувеличенные пряди.
Глаза, и под глазами мрак
Таинственнее лунных впадин.

Зрачок зернистей янтаря
Ресницы велики и четки,
Как стрельчатые острия
Микроскопической решетки.

Они чернеют от грозы.
И, выростая из печали,
Две перламутровых слезы
Отяжелели и упали.

Все ближе, больше голова,
Крупнее лицевые ткани.
И каждый волос, как трава,
Окутан дождевым сияньем.

Но обретают прежний вид
Слезой искривленные вещи
И, хоть слеза еще дрожит,
Но ямочка уже трепещет.

И, наконец, замкнулся круг,
И перед киноаппаратом
В малиновом футляре губ
Улыбка в тридцать два карата.

Вера Инбер

Газета «Кино» № 39 (119), 15 декабря 1925 года, с. 4.

Ни одна из публикаций В.М. Инбер не была включена в ее Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Художественная литература, 1966 – 535 с. 35000 экз.

Эрванд Григорянц

Афоризмы

Писать не обязательно

– В жизни всегда есть повод и для плача, и для смеха. Иногда случается повод для раздумий.

– Утешимся тем, что из всего на свете – из удачи и неудачи, из эпохального события и пустяка – из всего можно извлечь одинаковую пользу: назидание.

– Смеяться над святынями не только можно – нужно. Поистине свято лишь то, что способно выдержать испытание иронией.

– Сны – самое древнее искусство. Искусство, доступное каждому.

– Оказывается, путь к бессмертию лежит через черновики.

– А что если «утро» – это глагол? Глагол, описывающий превращение ночи в день?

– За каждой анонимной пословицей стоит конкретный человек и его прозрение, подмигивание или вздох автора, не сохранившийся в дневниках или мемуарах авторский момент. Живое слово – памятник неизвестному автору.

– Три типа литературы: Я-литература (исповедальная), Ты-литература (проповедническая) и Он-литература (повествовательная).

– Все писатели – сеятели но ниве жизни. Ну разве что одни сеют зерна, семена, а другие сеют сразу… сухари.

– Искусством движет любовь. Искусство без любви – это… наука.

– Наши поступки во многом определяются не обстоятельствами, а врожденной склонностью к сочинительству…

Не приведи господь придумать очень интересный сюжет самоубийства!..

– Притчи напоминают армянский хлеб лаваш. Сухой лаваш достаточно окропить водой – и он оживает. Заворачивай сыр, зелень – и ешь на здоровье.

– Для притчи равно годятся и научный факт, и бытовой анекдот – все, в чем проглядывает образ истины.

– Отрывать литературу от жизни не стоит, тем более противопоставлять. Но различать их необходимо.

– Хорошую литературу питают три источника: жизнь человечества, народа и самого писателя. И адресуется книга всем троим.

– Искусство для искусства? Жаль, конечно! И все-таки – искусство!..

– Жизнь – это опасный эксперимент, поставленный писателем на самом себе. Только бы успеть описать результаты!

– Роман – роскошная упаковка для двух-трех дельных мыслей. А платят все-таки за упаковку.

– Писать не обязательно.

– У одних книги складываются, у других – развертываются.

– Во все времена самым родным героем книг был тот, кто указывал выход, исход.

– Цензор следит не за писателем – он следит за читателем.

– Сила мысли – в прямоте, запредельности. Прелесть образа – в закругленности.

– То ли литература – часть жизни, то ли жизнь – часть литературы. Впрочем, смотря какая литература, смотря какая жизнь.

Истины размером в жизнь

– Иногда кажется, что все слова уже сказаны. Все слова уже сказаны, а жизнь толком и не началась.

– Смысл жизни следует искать не в сочинении книг. И даже не в самой жизни. Смысл жизни в третьем – в сочинении жизни.

– Если мы хотим, чтобы наши книги были похожи на жизнь, то они в большой мере должны состоять лишь из замыслов.

– Бывают бездарные поэты. А жизнь? бывает ли бездарной жизнь, которую и талантливый поэт не может опоэтизировать? Конечно, не всякая жизнь достойна хороших книг о себе. Искусство писать, как и искусство жить, состоит в том, чтобы испытать и выразить неповторимость вечности.

– Хорошие стихи о какой-нибудь «божьей коровке» – это хорошие стихи; плохие стихи о самом господе боге – это ничто, ерунда. А вот в прозе все-таки важен предмет разговора…

– Все, что в прозе снисходительно именуется условностью, в поэзии происходит запросто. Все эти покойники, стучащие в дверь…

– Черт насмешлив. Бог серьезен. Черти никогда не ходили в больших поэтах.

– Истина приходит в этот мир в желтой кофте футуриста и уходит из этого мира, подсюсюкивая классическим ямбом.

– Одни восторгаются жизнью – другие клянут ее. В общем-то ту же самую жизнь! Но кто ближе к истине, знает разве что истина.

– Истину нельзя баловать слишком быстрым признанием.

– В юности не хватает ответов, в старости не хватает вопросов.

– Мертвая тишина – это тысяча бурь: равных по силе и одновременных.

– А в общем-то, надо верить собственным глазам: если перед вами лев, то вовсе не обязательно проверять его клыки на ощупь.

– Дайте мне точку опоры, и я не дам земному шару перевернуться.

– Мир постигают, в общем-то, просто: сначала отмечают странности, затем устанавливают закономерности. Закономерности и странности и составляют обычно суть дела.

– Истина – ловушка для жизни.

– Люди мыслят сюжетами: гроша не стоит тысяча веселых фактов, если их соединяет один невеселый сюжет.

– Есть истины длиною в фразу – есть истины размером в жизнь.

В мире истины нету дорог

– Ложь начинается с вопроса?

– Страх – это правда вероятного мира, смех – правда невероятного…

– Мир полон весьма искусными заменителями. Особенно мир истины.

– В мире тьма-тьмущая подробностей – истину почти не разглядеть.

– Исключение из правила лишь подтверждает… новое правило.

– Один глаз видит то, что есть, другой – то, чего нет. Это, собственно, и называется: глядеть в оба.

– Каждый человек может утешиться тем, что владеет по крайней мере частью истины. А наиболее тщеславные из нас могут к тому же радоваться, что всей истиной не владеет никто.

– Со временем человечество все меньше будет интересовать мысли великих людей – ну разве что ход мыслей…

– Оринак орэнк чэ* – пример не правило.

– Вряд ли Разумная Машина когда-нибудь превзойдет Разумного Человека в способности ошибаться!..

– Увы, мы живем не там, где высятся храмы наук и мастерские ремесел, а как раз в промежутках – там, где не ступала нога обычного специалиста. Все науки, даже философия – тупики и тупички истины.

– Острова – цитаты из книги океана. Цитата – всегда насилие, ложь. Правда – как минимум океан.

– Истина – это минимум слов, объясняющий максимум фактов.

– Нет бесполезнее занятия, чем приближение к истине. Истину не вычисляют – истину прозревают. А уж прозрение проверяют вычислением.

– Ложь, даже самая изысканная, быстро наскучивает и вырождается. А вот элементарную правду можно говорить и слушать всю жизнь.

– Говорить правду? одну только правду? и ничего кроме правды? Какой же прелестной должна быть правда – голая!

– Истина не точна, истина приблизительна – точна и бесспорна пошлость. Вот откуда у нее такой пафос. Пафос пошлости.

– Бывает, что каждый в отдельности говорит правду, а собрать вместе – чистая ложь.

– Упорствуя в ошибке, человек создает правило. Может быть, я тут и ошибаюсь, но – упорствую.

---

* Арм.

– Нет ничего проще, чем уличить человека во лжи: надо только сначала уличить в правде остальной мир.

– Призрак истины! Над миром вечно витает призрак Истины! Время от времени этот призрак обретает простой и понятный облик бога.

– В мире истины нету дорог. Дорога и есть истина.

Четвертого не дано!

– Когда бессилие науки становится равным ее заносчивости, возникают новые религии: кризис знаний чреват чудесами. Или, по крайней мере, верой в чудеса.

– Из того, чтó человек говорит, с непреложностью следует лишь то, что он, вообще говоря, говорит.

– Ученые обращаются к образованным людям, мудрецы – к бывалым.

– Самое лучшее качество – это точное количество.

– Чтобы построить царство свободы, нужны, по крайней мере, страна и народ. Чтобы построить царство истины, достаточно одной общей тетрадки и пузырька чернил.

– Правда обычно таится не в ясном ответе, а темной дороге к ответу. Попробуйте распутать ход мысли – чужой или своей – и вы узнаете много нового!

– Каждый видит мир сквозь собственную замочную скважину.

– Если вы не можете сказать что-нибудь интересное, то говорите по крайней мере правду.

– В голове не умещается… Все, что не умещается в голове, преспокойно располагается за ее пределами.

– Ребенка, прильнувшего к груди матери, зовут несмышленышем, а между тем он только сейчас, может быть, и охватывает разом весь мир.

– Есть настоящие мастера проращивать сорняки в чужих душах! А семена сорняков дремлют в каждом из нас…

– Вы заметили: вечные истины всегда злободневны. Но – не всякая злоба дня принадлежит вечности.

Публикация Тимура Семенова

Сокровища из сокровищницы

308 Татьяна Щурова
«Хороший тонъ»

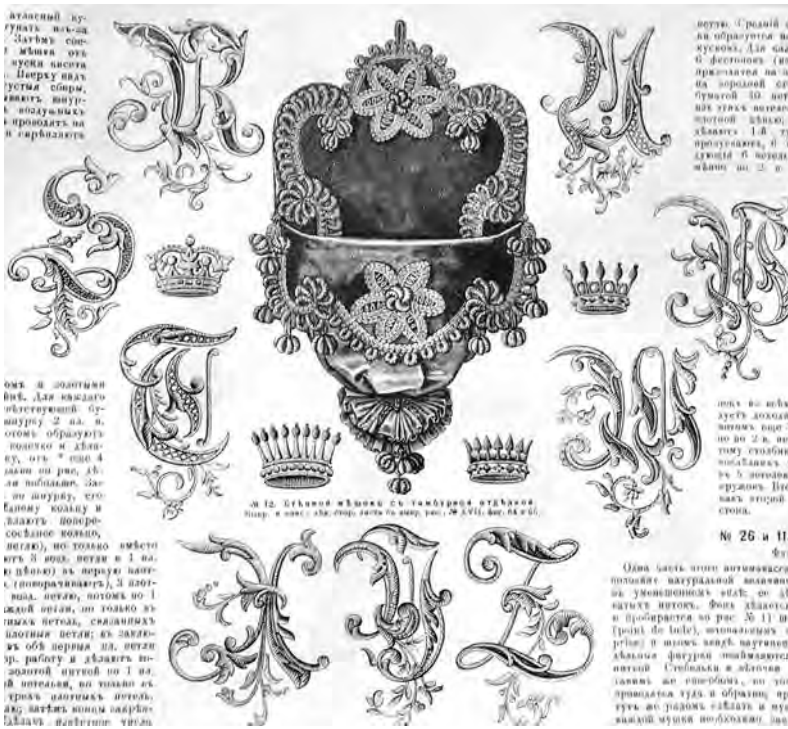
Татьяна Щурова

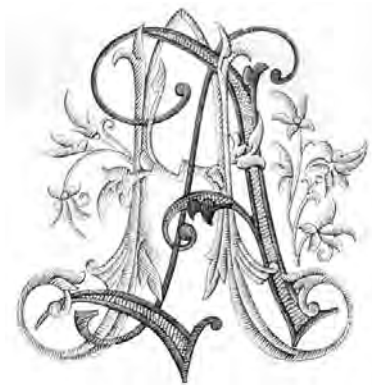
«Хороший тонъ»

Один из афоризмов о воспитании принадлежит античному философу Платону: «Воспитание есть усвоение хороших привычек». Никто не будет оспаривать эту истину и сегодня. Тут же напомним, что для педагогов и родителей в фондах Одесской национальной научной библиотеки найдется множество книг – помощников в этом вопросе. Порой культурно-просветительскую миссию выполняют издания другого рода.

Например, в отделе искусств во время экскурсий мы часто показываем престижную коллекцию журналов мод XIX – начала XX вв. Неизменно большой интерес у посетителей разных возрастов вызывают подшивки элитарного дамского журнала «Новый русский базар». Он выходил долго, с 1867 по 1898 гг. Такие старинные журналы мод имеются в настоящее время лишь в крупных библиотеках и частных коллекциях. У нас издание представлено несколькими подшивками за 1880-1890-е годы, но и эта фрагментарная коллекция дает основание предполагать, что на страницах журнала шла последовательная работа по формированию вкусов городского населения.

Одним из издателей «Нового русского базара» был Герман Гоппе (1836-1885), немецкий предприниматель, создавший в Санкт-Петербурге крупную издательскую фирму. Он одним из первых стал издавать журналы нового типа – иллюстрированные, выходившие еженедельно, предназначенные для семейного чтения, как, скажем, его любимое детище журнал «Всемирная иллюстрация». Выгодным коммерческим предприятием было для него и издание дамских журналов мод – «Модный свет», «Модный магазин», «Новый русский базар».





Листаешь страницы журнала «Новый русский базар» – и не устаешь восхищаться не только высокой издательской культурой, но и его содержанием. В течение года в 48 номерах подписчикам предлагались разные новости – от беллетристики до советов по домоводству, отлично выполненные картинки с новинками парижских мод и светская хроника, где особым вниманием

почему-то пользовалось имя актрисы Сары Бернар. Романы с продолжением, видимо, выполняли тогда роль нынешних телесериалов, и названия у них были завлекательные: «Скопище тайн», «Возмездие», «Превратности судьбы», «Жизнь опостылела» и т. д. В приложении к журналу давались цветные литографии модных фасонов платьев с ручной акварельной подрисовкой, изданные на дорогой веленевой, бристольской и других видах бумаги. В самом журнале находим великолепные гравюры и рисунки на темы французских мод, дамских и детских нарядов

Герман Гоппе

и всевозможных аксессуаров (шляпы, зонтики, веера и т. д.), схемы рукоделий – вышивки, аппликации, монограммы, выкройки. Много статей по хозяйству, домоводству, регулярно также помещались заметки о тонкостях воспитания, этикета, кулинарии, образования.

Стоит ли удивляться, что Герман Гоппе выпустил в 1881 году книгу «Хороший тон»: сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной» (у нас в фондах есть репринтное издание 1991 г.). В книге предусмотрены, кажется, все ситуации в жизни человека – от рождения до смерти, определены знания, которые когда-то считались необходимыми. К сожалению, целый пласт забытых ныне норм, регулирующих человеческое общение, сегодня неведом новым поколениям. Вспоминается эпизод из чьих-то мемуаров. Начальник непременно поднимался из своего кресла, когда в кабинет к нему входила подчиненная. На ее вопрос, почему он это всегда делает, ответил, что по-другому не может. В детстве он был обязан всякий раз вставать, когда в комнату вползала его младшая сестра. Так на всю жизнь воспитывались правила поведения. Все-таки жаль, что теперь правила этикета остались лишь на страницах книг «из раньшего времени»…

Визиты.

Визиты дѣлаются обыкновенно утромъ, но не ранѣе 12 часовъ. Если наши знакомые имѣютъ назначенный пріемный день, то визитъ слѣдуетъ дѣлать непремѣнно въ пріемный день. Посѣщеніе въ другое время легко можетъ подать мысль, что мы нарочно пришли въ неназначенный день, желая не застать дома или же разсчитывая, что насъ не примутъ. Конечно, при близкомъ знакомствѣ или родственныхъ связяхъ пріемными днями не стѣсняются и болѣе слѣдуютъ влеченію своего сердца; но при обыкновенномъ знакомствѣ надобно и тутъ строго придерживаться требованій свѣта. Если мы имѣемъ пріемные дни, то выйти изъ дому въ такое время было-бы большимъ неуваженіемъ относительно всѣхъ, кто насъ посѣтитъ. Въ пріемный день мы принадлежимъ обществу, а не самимъ себѣ. Даже человѣкъ, который намъ вовсе не интересенъ и не симпатиченъ, имѣетъ основаніе ожидать, что въ этотъ день мы его примемъ; мы не имѣемъ права отказать ему въ пріемѣ, какъ-бы ни были вѣски наши извиненія. Исключеніемъ можетъ служить только смерть близкаго родственника, опасная болѣзнь или вообще горе, постигшее семью. Упущенный визитъ легко можетъ доставить намъ репутацію невѣжливой личности; на визитъ же, сдѣланный не во-время, могутъ смотрѣть какъ на навязчивость. Въ домахъ, гдѣ обѣдаютъ въ 6 часовъ, визитное время считается отъ 1 часа до 5 часовъ; въ семействахъ же, гдѣ обѣденное время назначено въ 3 или 4 часа, принимаютъ съ 12 или самое позднее съ 1 часу до 3 или 4 часовъ. Утренніе часы

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ
МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.
ХОРОШІЙ ТОНЪ.
Второе изданіе со многими виньетками и иниціалами.

(Виньетка изъ Хорошаго тона.)

Сборникъ правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни общественной (всѣхъ въ слогѣ, начиная съ придворной и кончая среднимъ классомъ) и семейной.

Цѣна „Хорошаго тона“: въ бумажкѣ 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.; въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями — 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.; въ роскошномъ переплетѣ, съ изящными тисненіями и золотымъ обрѣзомъ — 4 руб. 50 коп., съ перес. 5 руб.

Фиг. 1.
Нарядъ для верховой ѣзды

Фиг. 2.
Весеннее пальто.

до завтрака посвящаются визитамъ дѣловымъ. Самое удобное время для болѣе оффиціальнаго посѣщенія между завтракомъ и обѣдомъ, между 12 и 5 часами. Конечно, мы говоримъ о визитахъ, дѣлаемыхъ людямъ, не находящимся съ нами въ

очень дружественныхъ отношеніяхъ. Въ великомъ посту вовсе не принято дѣлать визитовъ на 1-й, 4-й и на послѣдней недѣляхъ; исключеніемъ можетъ быть только поздравительный визитъ причастницѣ или имянинницѣ. Не слѣдуетъ также дѣлать визиты наканунѣ большихъ праздниковъ, напр., Рождества, Троицына дня или имянинъ и рожденій. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ идти съ первымъ визитомъ, слѣдуетъ узнать объ извѣстныхъ обычаяхъ, господствующихъ въ домѣ, куда отправляются. Визитъ часто является необходимостью вслѣдствіе представленія или знакомства въ третьемъ домѣ, или совмѣстной службы мужей. Получивъ приглашеніе, младшая или нижепоставленная дѣлаетъ первая визитъ; каждая благовоспитанная и образованная личность не замедлитъ, конечно, отвѣтить на него. Но и въ этомъ случаѣ имѣются исключенія; такъ, напр., особы преклонныхъ лѣтъ вправѣ не отдавать визита младшимъ, а лица высокопоставленныя – стоящимъ гораздо ниже ихъ по положенію. Мужчинамъ дамы никогда не отдаютъ визита. Иногда болѣе или менѣе серьезное происшествіе, напр., болѣзнь, трауръ, путешествіе, вызванное необходимостью, мѣшаютъ отдать визитъ. Визитомъ, который обязательно отдать и который мы желаемъ сдѣлать, не надобно медлить, въ особенности если мы болѣе или менѣе цѣнимъ знакомство. Первый срокъ отдачи визита, если нѣтъ особо назначеннаго дня, 3-й день. Если же его отдаютъ по прошествіи недѣли, то этимъ даютъ поводъ думать, что знакомствомъ не особенно дорожатъ и желаютъ быть знакомыми только визитами, но не ближе. Въ отсутствіи матери или отца молодая дѣвушка не принимаетъ визитовъ; исключеніями могутъ быть родствениицы, хорошо знакомыя дамы и дѣвицы и пожилые мужчины, съ которыми семейство находится въ дружественныхъ отношеніяхъ. Если же дѣвушка немолодая и имѣетъ въ обществѣ извѣстное болѣе или менѣе самостоятелыюе положеніе, то она вправѣ принимать и въ отсутствіе родителей всѣхъ знакомыхъ безъ различія.

Когда дѣлаютъ визитъ въ экипажѣ, то обыкновенно, подъѣхавъ къ крыльцу, посылаютъ лакея узнать: дома ли то лицо, которое мы желаемъ видѣть, и принимаетъ ли оно. Если ѣдутъ въ домъ въ первый разъ или вообще бываютъ тамъ, то во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній слѣдуетъ дать человѣку свою визитную карточку. Если барыни нѣтъ дома, то ей оставляютъ свою визитную карточку, загнувъ одинъ изъ ея уголковъ. Если дама или дѣвица дѣлаетъ визитъ одна, безъ лакея, и говоритъ отворяющей ей горничной свое имя, то прислуга можетъ передать его невѣрно, а потому во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній лучше всего прямо вручить ей свою визитную карточку. Первый визитъ не долженъ продолжаться долѣе 15 минутъ. При слѣдующихъ визитахъ можно не такъ строго относиться къ этому правилу и, смотря по желанію, оставаться долѣе.

Свѣтскіе обычаи.

Считается неприличнымъ, если молодая дѣвушка спрашиваетъ пожилую особу о ея здоровьѣ; это допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда она ея родственница или очень хорошая ея знакомая.

Особа низшаго положенія, не имѣя никакихъ болѣе или менѣе близкихъ отношеній къ особѣ высшаго круга, никогда не должна спрашивать о ея здоровьѣ.

* * *

Письма, извѣщающія о рожденіи ребенка, отправляются обыкновенно на девятый день послѣ его рожденія, такъ какъ съ момента полученія письма, получившимъ его приходится ѣхать съ поздравленіемъ къ матери ребенка.

* * *

Когда молодаго человѣка представляютъ молодой дѣвушкѣ, то эта послѣдняя обязана только поклониться, ничего не говоря и въ особенности не произнося стереотипной фразы «очень пріятно познакомиться».

* * *

Молодая дѣвица никогда не должна первая протягивать руку особѣ старше ея годами и положеніемъ.

* * *

Приличіе требуетъ, чтобы визитъ былъ отданъ въ самомъ непродолжительномъ времени, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не намѣрены продолжать знакомства.

* * *

Духи, цвѣты и конфекты – вотъ подарки, которые могутъ принимать дѣвицы отъ кавалеровъ.

Неприлично.

(*Продолженіе.*)

Неприлично представлять дамъ мужчинамъ, даже если эти послѣдніе и пользуются высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Пожилымъ мужчинамъ слѣдуетъ представлять молодыхъ мужчинъ, а не наоборотъ. Точно также не слѣдуетъ молодымъ дѣвушкамъ представлять пожилыхъ дамъ.

Неприлично отказываться пѣть или играть на роялѣ, есди умѣютъ пѣть или играть; хозяйка же не должна слишкомъ настойчиво упрашивать гостью.

Неприлично слишкомъ громко говорить или шептаться съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ.

Неприлично говорить въ обществѣ о своихъ недугахъ; такіе люди всегда бываютъ очень непріятны.

Неприлично насмѣхаться или говорить колкости подъ видомъ шутки.

Неприлично разсказывать о скандалахъ или передавать въ обществѣ какіе-нибудь дурные слухи.

Неприлично говорить и спорить о религіи. Такіе вопросы влекутъ нерѣдко къ большимъ непріятностямъ.

Неприлично прерывать чью-нибудь рѣчь.

Неприлично возражать, касаясь личности.

Неприлично спорить обо всемъ и со всѣми, точно также неприлично, если два лица горячо спорятъ о чемъ-нибудь въ обществѣ.

Неприлично слишкомъ растянуто разсказыватъ что-либо въ обществѣ.

Неприлично говорить въ обществѣ слишкомъ много на одну и ту-же тему или говорить о такихъ предметахъ, которые не могутъ быть пріятны для присутствующихъ.

Содержаніе.

Стр.

Чай или маленькій вечеръ 331
Туалетъ для него 333
Сервировка чая 334
Время 336
14 глава. Балы и вечера . . . . . 337—347
Приглашеніе на танцы и его принятіе 340
Обязанности хозяйки 343
Предсказанія на балахъ 345
15 глава. Маскарады и костюмированные балы . . . . . 348—352
Выборъ костюма и манера держать себя 349
16 глава. Танцы . . . . . 353—363
Порядокъ бала 356
Вальсъ 358
Галопъ 362
Полька 363
Полонезъ 364
Кадриль 365
Котильонъ 367
Мазурка 369
17 глава. Игры въ обществѣ . . . . . 370—378
Шахматы и шашки 371
Домино, лото, карты 372
Общественныя игры 373
Катанье на коньках skating-ring 376
18 глава. Самостоятельныя женщины . . . 379—386
Молодая дѣвушка 379
Вдова 382
Разведенная 383
19 глава. Искусство одѣваться . . . . 387—400
Фигура, ростъ, возрастъ, туалетъ 387
Четыре категоріи туалета 391

Неприлично повторять старые остроты или старые анекдоты.

Неприлично опаздывать въ театръ и своей ходьбой мѣшать публикѣ.

Неприлично сидѣть въ театрѣ (въ креслахъ) въ высокой шляпѣ: она мѣшаетъ зрителямъ.

Неприлично выходить изъ креселъ до опусканія занавѣса.

Неприлично разговаривать въ театрѣ во время дѣйствія.

Неприлично высказывать въ обществѣ слишкомъ рѣзкія сужденія о комъ бы ни было.

(Продолженіе будетъ.)

Вилка.

Вилка только недавно вошла во всеобщее употребленіе, а въ прежнія времена о ней не имѣли ни малѣйшаго понятія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вилка, состоящая изъ двухъ острыхъ зубцовъ для выниманія мяса изъ котла, была извѣстна древнимъ народамъ, тогда какъ съ блюдъ и съ тарелокъ принято было брать кушанье руками, безъ помощи всякаго инструмента.

Первоначально стали употреблять маленькія вилки; такъ, напримѣръ, мы узнаемъ изъ записокъ монаха Петра Доміануса, умершаго въ 1072 году, что какая-то венеціанская герцогиня привезла съ собой изъ своего вояжа по чужимъ краямъ «безобразную вещицу», называемую вилкой. Она дѣлалась изъ золота и служила для того, чтобы ею брать кушанья, не употребляя для этой цѣли рукъ. Прошло однакоже нѣсколько столѣтій, пока эта «безобразная вещица» стала популярной въ Италіи, а сѣверныя страны по прежнему отказывались отъ нея, не желая вводить ее въ моду. Даже и въ настоящее время у вендовъ она не въ ходу. Во времена «Renaissance» употребляли маленькія вилки для кушанья плодовъ и сыра, и даже въ приборахъ королей и князей полагалось не болѣе одной такой вилки на шесть ножей.

При французскомъ дворѣ дамы стали употреблять вилку только въ концѣ XVI вѣка, и мужчины въ тѣ времена осмѣивали эту женскую причуду. Даже Наполеонъ бралъ кушанья прямо пальцами и ѣлъ такъ много и такъ скоро, что никто изъ приглашенныхъ на его званые обѣды не поспѣвалъ за нимъ; всякій старался наѣдаться до-сыта дома, а за обѣдомъ присутствовалъ только ради соблюденія этикета. Долгое время послѣ

этого вилку дѣлали гораздо короче и тоньше ножа, и только въ XVII вѣкѣ сравняли ее въ величинѣ съ ножами и прибавили къ ней третью спицу.

Вѣеръ

Вѣеръ украшаетъ женщину и доставляетъ ей извѣстную пользу. До сихъ поръ, однако же, никому не извѣстно, когда и въ какое время впервые появился вѣеръ. Извѣстно только то, что онъ явился съ востока и всего вѣроятнѣе изъ Китая. Разсказываютъ также, что вѣеръ изобрѣтенъ какимъ-то знатнымъ китайскимъ мандариномъ, чтобы угодить одной красивой китаянкѣ, которая, за неимѣніемъ вѣера, обмахивалась своей маской. Легенда недурна, но за правильность ея мы не ручаемся.

Во Франціи вѣеръ появился не очень давно. Первымъ вѣеромъ, о которомъ стали говорить, былъ вѣеръ королевы Маргариты, которая подарила его королевѣ Луизѣ въ приданое. Онъ былъ сдѣланъ изъ перламутра и жемчуга и стоилъ большихъ денегъ.

Въ царствованіе Генриха II появились вѣера круглой формы съ украшеніемъ изъ перьевъ и съ ручками изъ дерева или драгоцѣннаго металла. Но такъ какъ выдѣлка ихъ была далеко не прочна и не художественна, то ручки часто отваливались, и вѣеръ утрачивалъ свою прелесть. Съ теченіемъ времени изготовленіе вѣеровъ стало совершенствоваться: стали появляться складные вѣера и затѣмъ вѣера ввидѣ гусиной лапы съ закругленной ручкой; вѣеръ прикрѣпляли къ кушаку посредствомъ золотой цѣпочки. Въ виду того, однакоже, что было очень трудно отстегивать цѣпь всякій разъ, когда приходилось брать вѣеръ, стали прибавлять къ вѣеру по маленькому кольцу, при помощи котораго его можно было прикрѣплять сбоку.

Въ царствованіе Генриха IV фабрикація вѣеровъ въ значительной степени увеличилась, а затѣмъ съ появленіемъ революціонныхъ началъ вѣеръ сталъ играть политическую роль. Королева австрійская носила вѣера изъ испанской кожи съ изящными духами. Стали приготовлять вѣера изъ перьевъ и ажурные вѣера, въ которыхъ можно было видѣть всѣхъ, не будучи замѣченными никѣмъ.

Въ XVII вѣкѣ вѣера сдѣлались предметомъ роскоши; особымъ изяществомъ отличались вѣера м-мъ де-Севинье, посылаемые ею своей любимой дочери м-мъ де-Гриньянъ.

Во времена регенства употребленіе вѣера сдѣлалось повсемѣстнымъ и изготовлять ихъ стали въ громадномъ количествѣ изъ золота, палисандроваго дерева, слоновой кости; эти послѣдніе вѣера были чрезвычайно дороги. Листики вѣеровъ изготовлялись изъ душистой кожи или изъ бумаги въ богатой золотой оправѣ, съ драгоцѣнными камнями и съ жемчугомъ.

Былъ изобрѣтенъ вѣеръ съ кокардой, которую можно было закрыть, и въ закрытомъ видѣ получался изящный букетъ.

Вспыхнула революція; вѣеръ слѣдовалъ всѣмъ ея движеніямъ: его стали дѣлать трехцвѣтнымъ и съ разными эмблемами и надписями вродѣ слѣдующихъ: «свобода, равенство, братство» или «да здраствуетъ нація».

Затѣмъ появились вѣера, украшенные треугольникомъ, и вѣера à la Marat.

Терроръ закончился Термидоромъ; на вѣерахъ стали помѣщать портреты Людовика XVI и Маріи Антуанетты.

Во времена директоріи вѣера значительио измѣнились; ихъ стали дѣлать совершенно прозрачными и ажурными. Затѣмъ появились вѣера изъ соломки, чтобы ихъ удобнее можно было примѣнять ко всякому туалету.

Во времена имперіи начали появляться крошечные микроскопическіе вѣера, а потомъ складные бальные вѣера, которые изготовлялись изъ кожи и на которыхъ дамы записывали обѣщанные ими танцы.

Вѣеръ съ зеркаломъ впервые появился при Карлѣ X. Воспѣтый многими поэтами, онъ также воспѣтъ былъ и королями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣеръ не всегда былъ предметомъ роскоши и развлеченія, такъ, напримѣръ, въ Японіи преступнику, осужденному на смертную казнь, подавали вѣеръ на роскошномъ подносѣ, и, пока онъ становился на колѣни, чтобы взять этотъ вѣеръ, палачъ, стоявшій сзади, моментально отсѣкалъ ему голову.

Затѣмъ даже въ новѣйшія времена алжирскій бей, ударившій своимъ вѣеромъ французскаго консула Деваля, одержалъ этимъ самымъ побѣду надъ врагами.

Во Франціи въ 1828 году старались ввести въ моду вѣера и для мужчинъ, и для этой цѣли въ одинъ прекрасный вечеръ появились въ театръ всѣ мужчины съ вѣерами въ рукахъ. Но эта мода не установилась и не пріобрѣла себѣ никакой извѣстности.

Разсказываютъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Лондонѣ были даже особыя преподавательницы, которыя обучали молодыхъ дѣвушекъ способу держать вѣеръ и обмахиваться имъ. Ихъ команда заключалась въ слѣдующемъ: «берите ваши вѣера», «распустите ваши вѣера», «выньте ваши вѣера», «опустите ваши вѣера», «возьмите снова ваши вѣера», «размахивайте вѣерами».

Наши дамы не нуждаются въ подобнаго рода урокахъ: искусство владѣть вѣеромъ у нихъ врожденное.

Духи.

Пристрастіе къ духамъ никогда не было распространеио въ такой степени, какъ въ настоящее время. Каждая свѣтская дама, принадлежащая къ высшему обществу, должна придерживаться какихъ-нибудь извѣстныхъ духовъ и употреблять ихъ съ тактомъ и умомъ. А между тѣмъ совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, выбрать такіе именно духи, которые соотвѣтствуютъ нашему возрасту, цвѣту лица, волосъ и вообще всей нашей фигуры, и которые не могли бы намъ такъ скоро надоѣсть, такъ какъ ими насыщается наше платье, бѣлье, перчатки, вѣеръ, даже вся комната и все, что насъ окружаетъ. Такіе духи отнюдь не должны быть слишкомъ крѣпки или сильны, потому что они могутъ раздражать не только наши нервы, но и нервы всѣхъ насъ окружающихъ. Они не должны быть на столько крѣпки, чтобы запахъ ихъ слышенъ былъ издалека, это считается вульгарнымъ и неприличнымъ: всякая скромная дама должна употреблять духи съ нѣжнымъ, легкимъ и незначительнымъ запахомъ, схожимъ съ ароматомъ цвѣтовъ, навѣваемымъ на насъ легкимъ и теплымъ вѣтеркомъ издали. Для одной натуры хороши освѣжающіе простые и сильные духи, а для другой идутъ болѣе нѣжные и сложные духи, составленные изъ нѣсколькихъ специй. Хорошій тонъ требуетъ, чтобы придерживаться одного какого-нибудь запаха, а не смѣшивать его съ другими духами;

всѣ косметическія принаддежности должны имѣть одинъ запахъ, то-есть туалетная вода, мыло, сашэ, пудра и т. д. Въ гигіеническомъ отношеніи слѣдуетъ придерживаться болѣе дорогихъ косметическихъ средствъ, такъ какъ дешевые фабрикаты всегда вредны и негодны для употребленія. Неимѣющія вовможность покупать дорогія косметическія средства должны были бы совсѣмъ не слѣдовать за модой, а умываться только одеколономъ, укрѣпляющій и освѣжающій запахъ котораго очень пріятно дѣйствуетъ на организмъ. Трудно сказать, какіе именно духи считаются теперь модными, но во всякомъ случаѣ не съ сильнымъ запахомъ, возбуждающимъ головную боль, а у нѣкоторыхъ лицъ даже тошноту.

Дамская шапо-клякъ для театровъ.

За послѣднее время стали появляться во всѣхъ газетахъ большія статьи, громогласно заявляющія о безобразіи современной моды, заставляющей носить высокія дамскія шляпы, надѣваемыя и въ театръ. Особенно усердно ратовали противъ этой моды въ Парижѣ и Вѣнѣ, въ виду чего театральная дирекція нашла необходимымъ попросить дамъ снимать шляпы при входѣ въ театральное зало и такимъ образомъ устранить тѣ неудобства, на которыя заявляла свои вполнѣ справедливыя претензіи мужская половина публики. Такое вторженіе въ туалетную область не понравилось, однако-же, нашимъ дамамъ, а потому онѣ, несмотря на печатное воспрещеніе, не покидали своего высокаго головнаго украшенія и преспокойно возсѣдали въ немъ въ креслахъ, возбуждая этимъ сильное неудовольствіе сидящихъ позади нихъ сосѣдей. Чтобы помочь этому горю услужливыя модистки придумали особый фасонъ шляпъ (вродѣ мужскихъ шапо-клякъ), складывающихся при нажиманіи особой, сдѣланной для этой цѣли

машинки; такимъ образомъ дамы, какъ-бы противодѣйствуя печатному воспрещенію, могли являться въ театральное зало въ шляпѣ и, садясь въ кресло, снимать свое высокое украшеніе, складывать его и преспокойно держать у себя на колѣняхъ, не отягощая имъ ни себя, ни своихъ сосѣдей. Отправляясь прогуливаться въ фойе, всякая дама можетъ снова надѣвать свою шляпу. На нашихъ рисункахъ изображена парижская модель такой шапо-клякъ. Ее можно получить на шляпной фабрикѣ Андрея Энгена (Andreas Engen) въ Лейпцигѣ, Петерсштрасе, за 25 марокъ. На рис. № 1 изображена круглая шляпа съ высокой головкой и маленькими полями, слегка приподнятыми вверхъ. Она дѣлается изъ чернаго шелковаго рэпса какого угодно моднаго цвѣта (красноватокоричневаго, темносиняго, темнозеленаго и т. п.) и убирается спереди большимъ бантомъ изъ той же шелковой матеріи на бѣлой атласной подкладкѣ; этотъ бантъ нисколько не мнется и не портится отъ складыванія шляпы. На рис. № 2 изображена сложенная шляпа, въ этомъ видѣ весьма схожая съ мужскою шапо-клякъ.

О вліяніи цвѣтовъ и оттѣнковъ на обстановку квартиры.

Коричневый цвѣтъ. Этотъ цвѣтъ со всеми своими оттенками производитъ пріятное впечатлѣніе; къ нему можно присоединить положительно всѣ цвѣта: каждый изъ нихъ будетъ съ нимъ гармонировать. Изъ числа одноцвѣтныхъ мебельныхъ матерій самыми эффектными считаются красноватокоричневыя и желтоватыя, впадающія въ коричневую тень; ко всемъ

этимъ цвѣтамъ идутъ зеленоватосѣрыя и зеленоватокоричневыя тѣни; въ такомъ родѣ могутъ быть сделаны обои въ комнатѣ съ меблировкой коричневаго цвѣта.

Черный цвѣтъ можетъ быть взятъ только ввидѣ каймы у цвѣтныхъ плоскостей и мебели съ матеріей яркого цвѣта.

Бѣлый цвѣтъ въ декоративномъ отношеніи долженъ быть употребляемъ въ самомъ незначительномъ количетсвѣ. Этотъ цвѣтъ слишкомъ рѣзокъ во всѣхъ гарнировкахъ и охлаждаетъ всѣ пестрыя и яркія тѣни. Бѣлая краска на дверяхъ и на оконныхъ рамахъ чрезвычайно некрасива и неэффектна, хотя иногда гармонируетъ съ бледнорозовымъ, шоколаднымъ и блѣднозеленымъ.

Голубой цвѣтъ въ уборке комнатъ имѣетъ большое значеніе и можетъ быть пробнымъ камнемъ умѣнья и хорошаго вкуса при составленіи комнатной обстановки. Онъ обладаетъ способностью придавать желтоватый оттѣнокъ всѣмъ краснымъ и коричневымъ цвѣтамъ и вобще измѣнять цвѣтъ при искусственномъ освѣщеніи. Чѣмъ больше будетъ примѣшано голубаго цвѣта къ красному, тѣмъ меньше будетъ эффекта; голубой цвѣтъ производитъ большой эффектъ если онъ покрывается глазурью. Голубые обои производятъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ голубая меблировка.

Желтый цвѣтъ можетъ быть употребляемъ для мебели или для стѣнныхъ украшеній только въ соединеніи съ фіолетовымъ или темносинимъ и исключительно въ парадныхъ комнатахъ, причемъ необъходимо прерывать эти оттѣнки чернымъ цвѣтом.

Зеленый цвѣтъ хорошъ только въ желтоватыхъ или оливковыхъ оттѣнкахъ на обояхъ и на каминныхъ украшеніяхъ; дополнительными цвѣтами его могутъ быть красный, коричневый или сѣрый.

Сѣрый цвѣтъ во всехъ своихъ оттѣнкахъ гармонируетъ со всякимъ цвѣтомъ, хотя вообще отличается мрачнымъ и непріятнымъ видомъ, а

потому и не долженъ быть преобладающимъ оттѣнкомъ. Пыль на этом цвѣте незамѣтна.

Красный цвѣтъ считается самымъ прочнымъ цвѣтомъ, хотя для комнатной обстановки слѣдуетъ употреблять исключительно только красные цвѣта съ коричневымъ оттѣнкомъ. Красный цвѣтъ, соединенный съ чернымъ, имѣетъ мрачный видъ, а съ золотымъ производитъ впечатленіе роскоши; онъ очень гармонируетъ со средними сѣрыми, зеленоватыми и коричневыми оттѣнками. Красный цвѣтъ безъ узора идетъ для всякаго стѣннаго украшенія, причемъ однако же не слѣдуетъ забывать, что онъ поглощаетъ слишкомъ большое количество свѣта; а вечеромъ очень теменъ.

Золотой цвѣтъ, употребляемый въ умѣренномъ количестве, никогда не мѣшаетъ; мелкій золотой узоръ на обояхъ оживляетъ своимъ блескомъ всѣ основные цвѣта. Покрышка мебели, драпировка, портьеры и обои одного цвѣта теперь совсѣмъ не въ модѣ. Даже мебель можетъ быть покрыта разными матеріями, такъ, напримѣръ, къ желтой мебели можно прибавить нѣсколько голубыхъ и фіолетовыхъ стульевъ, а къ малиновой – голубыхъ и золотыхъ стульевъ.

Подношеніе букетовъ при отъѣздѣ.

Цвѣты пріятны только въ садахъ и въ комнатахъ, но на желѣзной дорогѣ они чрезвычайно непріятны и едва ли могутъ доставить удовольствіе лицу, отправляющемуся въ путешествіе. Прежде всего невольно является вопросъ – куда они будутъ поставлены, когда тронется поѣздъ? Нельзя же держать ихъ постоянно въ рукахъ или положить со всѣмъ прочимъ багажемъ на скамейку или на верхъ, на сѣтку вагона; остается только одно: выбросить ихъ изъ вагона или подарить кому нибудь при остановкѣ на слѣдующей станціи. Гораздо практичнѣе подносить отъѣзжающимъ конфекты или вообще какую нибудь изящно сдѣланную работу, пригодную для дорожныхъ принадлежностей (напр. чехолъ для подушки или для разныхъ мелочей и т. п.). Въ чехолъ для подушки, сдѣланный изъ желтой или коричневой матеріи съ пестрой вышивкой и красивыми ручками, можно положить кромѣ подушки и другія вещи, и такое подношеніе доставитъ, конечно, больше удовольствія, чѣмъ самый изящный и дорогой букетъ, который пачкаетъ перчатки и ватеръ-прувъ (особенно, если онъ свѣтлый) и надоѣдаетъ какъ самой себѣ, такъ и сосѣдямъ.

Хозяйство.

Апельсинное варенье. Первый способъ варки. Хорошіе, но толстокожіе апельсины положить въ горшокъ или кастрюлю съ водою, покрыть крышкою и кипятить до тѣхъ поръ, пока кожа не станетъ легко прокалываться булавкой. Когда вода стечетъ, погрузить апельсины снова въ холодную воду; остывшіе вынуть, разрѣзать на 8 долекъ (вмѣстѣ съ кожею) и, вынувъ сѣмена, вымачивать въ холодной водѣ въ теченіе сутокъ. Дать стечь, сложить въ миску и облить 10-градуснымъ сахарнымъ сиропомъ. На слѣдующій день сиропъ перелить въ тазикъ и, прибавивъ сахару, кипятить до 14 градусовъ, охладить и холоднымъ снова облить апельсины. Такую же операцію повторить еще въ теченіе трехъ дней, но такъ, чтобы каждый день сиропъ былъ на 4 градуса гуще. Послѣдній сиропъ въ 30-32 град.; опустивъ въ него апельсины, кипятить нѣсколько минутъ на слабомъ огнѣ, а затѣмъ варенье разлить въ банки (варенье дороже, но лучше, если послѣдній сиропъ совершенно свѣжій).

Второй способъ. Толстокожіе апельсины прокалываютъ булавкой до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются совершенно мягкими, затѣмъ погружаютъ ихъ въ банку съ холодной водой и держатъ въ ней 4 дня (мѣняя воду ежедневно). По истеченіи этого времени вынимаютъ апельсины изъ холодной воды и погружаютъ въ горячую воду, въ которой и варятъ до мягкости; затѣмъ выкладываютъ на сито, даютъ имъ остынуть и варятъ, какъ варенье, въ сахарномъ сиропѣ, выжавъ туда предварительно одинъ лимонъ (на 10 апельсинъ). На эту порцію полагается 4 ф. сахара.

Раковый супъ. Для раковаго супа нѣтъ необходимости брать крупные раки: можно довольствоваться мелкими сортами. Раки надо сварить въ соленой водѣ, затѣмъ тщательно ихъ очистить, а скорлупу (каркасъ) высушить и истолочь въ ступкѣ, прибавляя при этомъ бульону или кипятку (въ самой незначительной степени) для того, чтобы скорлупа не замаслилась. Заправивъ столченную скорлупу мукой, положить въ кастрюлю, слегка развести бульономъ и поджарить на маслѣ, затѣмъ протереть сквозь сито, вслѣдствіе чего образуется нѣчто вродѣ раковаго масла или подливки. Затѣмъ, приготовивъ начинку для клецокъ, положить ее въ скорлупу (каркасъ), оставшуюся отъ раковъ. Для этой начинки изрубить шейки съ укропомъ и мелкоистолченными сухарями и положить въ нее кусочекъ сливочнаго масла и сырое яйцо. Извѣстное количество шеекъ оставить нетронутыми и опустить ихъ впослѣдствіи въ супъ. Само собой разумѣется, что къ раковому супу долженъ быть предварительно приготовленъ крѣпкій говяжій

бульонъ. Приготовивъ клецки и нафаршировавъ скорлупу (каркасъ), опуститъ ихъ въ готовый раковый бульонъ; подавая на столъ, опустить въ миску два битыхъ желтка со сливочнымъ масломъ или со сливками. Желтки и сливки можно замѣнить сметаной. Изъ 150 мелкихъ раковъ выйдетъ порція супа на 5 персонъ; на эту порцію надо приготовить бульону приблизительно изъ 2 или 2½ ф. мяса.

Особенности женскихъ романовъ. Хроникеръ «Gil Blas» откровенно сознается, что предпочитаетъ романы, написанные женщинами. Хотя форма такихъ романовъ всегда почти хуже мужскихъ, но что изъ того? Мужчины излагаютъ въ романахъ наблюденія своего ума, а женщины раскрываютъ въ нихъ тайны своего сердца. Современная литература (хорошо это или нѣтъ – вопросъ другой) трактуетъ почти исключительно о любви, и поэтому свидѣтельство женщинъ пріобрѣтаетъ не маловажное достоинство, а черезъ это и ихъ романы. Нашъ вѣкъ представляется какъ бы ищущимъ съ безпокойствомъ моральной формулы для страстей. Между романами послѣдняго времени наибольшею популярностью и успѣхомъ пользуются тѣ, которые къ запаху типографскихъ чернилъ прибавили тонкое женское благоуханіе «odor di femmina», и что ни говорилъ бы о силѣ, красотѣ и т. д. мужскаго стиля, благоуханіе это всегда изящнѣе и властительнѣе въ романахъ, написанныхъ женскою рукою, потому что (хотя и рѣдко впрочемъ у писательницъ) рука эта можетъ принадлежать красивой женщинѣ. По крайней мѣрѣ читатель можетъ мечтать объ этомъ.

Театральныя представленія. Въ Японіи въ театральныхъ піесахъ произошла недавно большая перемѣна: актерамъ и актрисамъ было позволено одновременно появляться на сценѣ. До настоящаго времени строго воспрещалось появленіе на сценѣ вмѣстѣ и мужчинъ, и женщинъ, а потому иныя сцены часто разыгрывались слѣдующимъ образомъ: онъ (одинъ на сценѣ): «ну, дорогая Лин-Я-Фо-Пан-Лу, наконецъ, я долженъ сознаться вамъ въ причинѣ моихъ страданій: я васъ люблю! (Уходитъ направо.) Она (выходя съ лѣвой стороны): «также и я, мой дорогой Тзенъ-То-Перри, также и я люблю васъ!» (Исчезаетъ.) Онъ (опять появляется): «ахъ, премного вамъ благодаренъ, но, отвѣтите ли вы мнѣ откровенно на то, о чемъ я васъ буду просить?» Она (предварительно убѣдившись, что на сценѣ никого

нѣтъ): «конечно, я вамъ это обѣщаю». (Удаляется.) Онъ (приближаясь къ суфлерской будкѣ): «не откажите мнѣ, въ доказательство вашей любви, осчастливить меня однимъ поцѣлуемъ». (Быстро убѣгаетъ.) Она (приближаясь къ стулу): «ну, вотъ вамъ». (Убѣгаетъ со сцены.) Онъ (стремглавъ вбѣгаетъ на сцену): «о, моя обожаемая!» (Открываетъ объятія и обнимаетъ воздухъ.) Японская публика вполнѣ удовлетворяется такими представленіями и вызовами одобряетъ актеровъ и актрисъ.

Нидерландская королева. Королева Нидерландская, какъ извѣстно, еще очень молодая женщина, очень хорошо рисуетъ. Будучи всей душой предана своему супругу, она подарила ему на Рождество великолѣпный чайный сервизъ, разрисованный ею лично. Король былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого подарка, что не зналъ, какъ благодарить за него и, поручая его своему камердинеру, сказалъ: «Этотъ сервизъ для меня дороже всѣхъ моихъ драгоцѣнностей, а если кто разобьетъ его, на того обрушится мой гнѣвъ; несчастный будетъ немедленно уволенъ». Прошло нѣсколько дней и однажды утромъ камердинеръ является къ королевѣ съ разстроеннымъ лицомъ и проситъ аудіенціи. Онъ объявилъ ей, что онъ разбилъ сахарницу драгоцѣннаго сервиза и боится, что король прогонитъ его. Молодая королева милостиво успокоила его, велѣла принести разбитую чашку и клей называемый во Франціи «ne-pleurez-plus» и собственноручно склеила куски фарфора, такъ что съ перваго взгляда трудно было замѣтить трещину. Въ такомъ видѣ она красовалась на столѣ короля, въ то же утро за завтракомъ. Когда король пилъ чай, его супруга взяла со стола сахарницу и уронила ее на полъ со всѣми признаками испуга. «Ваше величество – сказала она, указывая на обломки; – не уволите ли вы меня отъ моей доіжности?» – «О – сказалъ король, засмѣявшись и понявъ въ чемъ дѣло, – вы ангелъ!»

Завидный матеріалъ для оперетки представляетъ собой обычай эмира афганскаго награждать своихъ офицеровъ за храбрость гаремными дамами. Эмиръ время отъ времени выбираетъ самъ нѣсколько дамъ изъ своего гарема и торжественно даритъ ихъ наиболѣе заслуженнымъ офицерамъ, причемъ выдается и изрядное приданое за такой одалиской. Недавно эмиръ пристроилъ такъ 8 дамъ. Восемь офицеровъ явились въ пріемную залу дворца эмира, гдѣ присутствовалъ самъ эміръ и его военный и главный евнухъ. Въ сосѣдней комнатѣ собрались 8 дамъ подъ покрывалами. Первой вышла въ залу самая юная изъ нихъ, осмотрѣла офицеровъ и тому изъ нихъ, который ей болѣе приглянулся, подала руку въ знакъ того, что онъ ея избранникъ. Затѣмъ и другія дамы по очереди, сообразно съ возрастомъ, такимъ же образомъ избрали себѣ супруговъ.

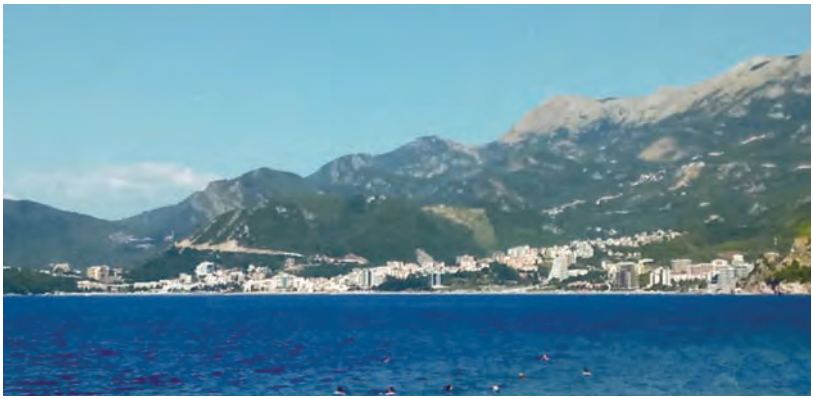
Путешествие

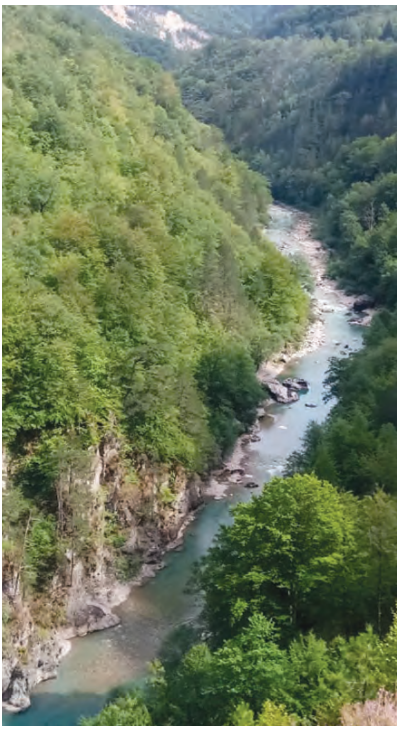
336 Наталья Бржестовская
Монтенегро: вторая родина моя?..

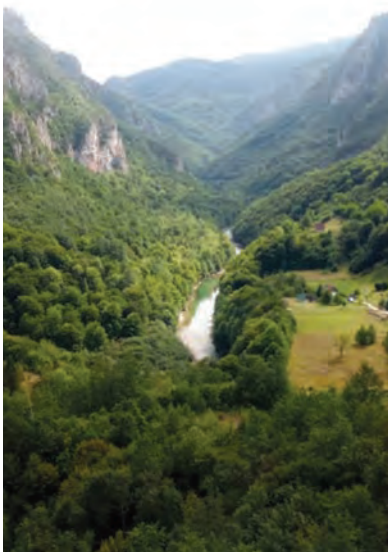
Наталья Бржестовская

Монтенегро: вторая родина моя?..

Живая изгородь на террасе нашей виллы – созревающие лимоны. Рядом – деревца, ветки которых склоняются под тяжестью мандаринов. Внизу у ног поспевают перцы. На веранде кровлей служат киви, свисают целыми гроздьями, как в Одессе виноград. Рядом – фиговые деревья, или смоковница, в смысле любимый инжир дразнит плодами. А гранаты и плодоносят, и цветут одновременно, чудеса. Если приглядеться к кустам, растущим вдоль тротуаров, то это не просто кусты, это лавровые листья – непременный атрибут в запасе у любой хозяйки. А под ногами, как сорняки, – мята, чебрец, базилик…







Какое-то райское место – Черногория, в сентябре уж точно.

Время полета из Одессы до черногорского аэропорта Тиват прямым рейсом всего-то полтора часа. И как только в начале осени 2021-го меня осенило наконец сюда перелететь?!

«Красота – хозяйка Черногории». Правдивость этой поговорки подтвердит вам каждый турист, попавший в это благословенное место. Вопреки названию горы здесь не черные. Они разные, в зависимости от времени суток, погоды, солнечного света. Картинка меняется поминутно, и она завораживает. Самые красивые закаты, голубизна Адриатики, прозрачность морской воды, когда видна на глубине каждая галька, – всем этим великолепием не устаешь восхищаться все время пребывания в маленькой уютной дружелюбной стране с нетронутой природой на юго-западе Балкан.

Черногория – край высоких красивых людей. То ли горы этому способствуют, то ли целебный воздух, но и мужчины, и женщины здесь рослые: средний рост – 1 м 80 – 1 м 90. Статью отличаются не только молодые, но и пожилые люди. Статные и очень доброжелательные. Хозяин виллы Драган встретил нас так, как будто мы были его любимыми родственниками, которых он давно не видел. Улыбался, хлопотал, говорил любезности, предложил сразу выпить за встречу ракию, черногорскую водку, пахнущую разными фруктами, от чего мы вежливо отказались, но были приятно удивлены.

Язык в Монтенегро представляет собой разительную смесь. Сначала он кажется тебе совершенно непонятным. Но скоро начинаешь выхватывать знакомые слова. «Ого, оказывается, я немного знаю черногорский!» «Отворено», «затворено», «изволите» (пожалуйста), «добре», «не разумею»…

Здесь каждый второй немного тебя поймет и сможет с тобой изъясниться. Основа наших языков общая, старославянская.

Адриатическая Будванская Ривьера – центр туризма. А старая Будва – город в городе. Древние постройки, укрытые рыжей черепицей, узкие улочки, покрытые патиной времени церкви и часовенки, уютные кафе, сувенирные лавки, уличные музыканты с неназойливыми негромкими мотивами… И местные люди,

живущие в этих живописных декорациях и терпеливо переносящие туристов, которые с утра до вечера гуляют по лавовым плитам, отполированным до зеркального блеска за века… Отсюда открывается панорама залива с причудливым островом в центре. Он находится всего в километре от берега и носит имя святого Николая. Свое название остров получил от церкви, которую построили в XI веке крестоносцы во время похода на Византию. С Будвой остров соединяет небольшая отмель, и во время отлива сюда можно добраться пешком. С этим связана древняя легенда. Из-за сильного шторма святой Савва не мог попасть на корабль, плывущий к Афону. Тогда он бросил в воду несколько больших камней и по ним дошел до галеры. Было так или нет, неизвестно, но заливу остров придает некую загадочность.

По возрасту с Будвой поспорит находящийся неподалеку Котор, которому больше двух тысяч лет. Этот город находится не только под защитой ЮНЕСКО, но и под защитой святого Трифона, в честь которого назван главный храм. А в маленькой которской церкви IX века – Святого Луки – сразу два престола: католический и православный, и ничего. Есть там театр под открытым небом, декорациями для которого служат древние крепостные стены. Каково жить в домах, которым 300 и более лет, не знаю. Но которцы живут и украшают свои жилища виноградной лозой, цветочными горшками и веселыми занавесочками.

Боко-Каторский залив – самый южный фьорд Европы, входит в список Всемирного наследия Юнеско. Морская прогулка по нему незабываема. Рассекали воды Адриатики на скоростном катере, ветер в лицо. А вокруг – горы, у подножья которых маленькие городки, в одном из них, затерявшемся во времени игрушечном Перасте, у нас была получасовая остановка. Пераст – это средневековые улочки, венецианские дворцы, старинные храмы во главе с собором Святого Николая, под алтарем которого захоронен последний флаг Венецианской республики. Здесь хочется жить и просыпаться, любуясь гладью Бока-Которского залива. И, очевидно, не только мне. Стоимость вилл тут зашкаливает.

Побывали мы и на легендарном острове Сан-Стефано, о котором можно снимать приключенческие фильмы в духе Джеймса Бонда. Соединенный с сушей тонкой полоской насыпи, остров издавна привлекал внимание завоевателей.

В прошлом рыбацкий поселок, во времена Венецианской республики – международный морской порт, в 60-е годы прошлого века он стал VIP-зоной знаменитостей, курортом для богатых. Затем его арендовали, чтобы сделать единственным в мире отелем-городом класса люкс. Сейчас остров закрыт для посещений. А вот некогда недоступные простым смертным пляжи открыты. Какой будет следующая страница острова, знает, наверное, только святой Стефан. В одно верю свято: красота спасет мир.

Незабываемым оказался день нашей поездки по национальным паркам и каньонам Черногории. Серпантины узеньких черногорских дорог завораживали. Водители, рискующие ежедневно совершать по ним многочасовые вояжи, кажутся богами. Не зря же черногорских водителей называют лучшими в мире.

Вообще-то, жизненная установка черногорцев проста и философична: «полаку и без нервозе» – «потихоньку и без нервов». В справедливости этого выражения мне пришлось убеждаться не раз, особенно следя, как работают официанты кафе и ресторанов. Таков уж характер черногорцев – делать все неспешно. Успевает тот, кто не торопится. Исключение составляют автомобилисты.

Таким был наш Горан, виртуоз своего дела, умело ведущий наш микроавтобус по горным тропам и тоннелям. Тоннелей, прорубленных в скалах, тут великое множество. Один из них – самый длинный тоннель в Черногории длиной 4 км 189 м – особенно впечатлил. За сутки мы проехали с Гораном более 470 км!

Недалеко от городка Никшич была остановка. Там в скале на высоте 900 метров над уровнем моря каким-то чудом держится православный монастырь Острог, главная святыня сербов и черногорцев. В монастыре хранятся мощи самого почитаемого святого, жившего в XVII веке, – Василия Острожского, который таким же чудесным образом, уверяют черногорцы, исполняет все обращенные к нему просьбы и молитвы. Иконки, ладанки с изображением Василия Острожского и брояницы (особого рода четки-обереги), изготавливаемые монахами монастыря, есть у каждого жителя этого удивительного края. Считается, что они – самая сильная защита от беды, зла и болезней.

Наконец мы приехали в Национальный парк Дурмитор, нареченный по названию горного массива. Черногорцы говорят: на горе Олимп в Греции боги спят днем, а на Дурмиторе – ночью. Главная достопримечательность парка – самый большой в Европе каньон реки Тара. Его глубина 1300 м, а длина 82 км. Температура горной Тары даже в самые жаркие дни не выше двенадцати градусов.

На горе Дурмитор – ледниковое Черное озеро. Летом там обитают очень красивые утки, которые, как показал мой опыт, любят лакомиться из рук ягодами черники. А зимой озеро превращается в большой каток.

Через реку Тару переброшен легендарный мост Джурджевича. Вообще, здесь много самого-самого. Вот этот мост – самый высокий в Европе: высота над водой – 170 м. Его запустили в 1939 году. Во время войны один из инженеров, проектировавших мост, Лазарь Яукович (не путать с Януковичем), совершил подрыв моста, чтобы фашисты не прошли, но так, чтобы потом его можно было отстроить, за что и был казнен оккупационными войсками. Уже в 1946-м мост восстановили. Странно, что он носит имя не Яуковича, а фермера, чей дом стоял неподалеку. А в честь инженера установлен в начале моста памятник.

Над мостом Джурджевича через реку Тару на зип-лайнах (тарзанках) особо смелые туристы совершают щекочущие нервы перелеты. Обратно получивших большую дозу адреналина смельчаков доставляют уже на джипах. Я к ним, увы, не принадлежу, у меня захватывало дух от одного этого вида.

Еще один национальный заповедник, который мы посетили, – Биоградская гора, жемчужина Черногории. Здесь я увидела еще один каньон, вызвавший трепет и ужас, – каньон реки Морачи, место сколь опасное, столь и красивое. Некоторые и сейчас называют дорогу вдоль Морачи дорогой ужасов.

Морача впадает в Скадарское озеро, красу и гордость Черногории. Спрятанное среди гор, оно чем-то напоминает наш Синевир в Карпатах. 44 км в длину и 14 км в ширину. В сентябре большая его часть была украшена кувшинками и водяным орехом. Может, поэтому его облюбовали для себя пеликаны.

На берегу Морачи в административном центре Подгорице стоит бронзовый памятник… Владимиру Высоцкому. Оказывается, знаменитый бард бывал здесь дважды: во время съемок фильма и гастролей театра, и даже посвятил стихи Черногории:

Мне одного рожденья мало,
Расти бы мне из двух корней…
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей…

Запомнилось и посещение горнолыжного курорта Жабляк – чудесного городка на севере страны. По высоте своего расположения он самый высокий в стране и с самым чистым воздухом. Может, оттого в Жабляке рождаются самые высокие черногорцы и появляются на свет самые крупные лягушки и улитки?..

Что же я привезла из Черногории, ну, разумеется, кроме знаменитого пршута (итальянцы называют его «прошутто», а испанцы – «хамон»), соленых маслин, замечательного твердого сыра, ежевичного вина и кизилового ликера?

Ах, да!

Были мы на рукотворном острове Госпа-од-Шкрпела. Его строили (!) больше 200 лет. Строили, затапливая корабли и сбрасывая камни. Потом построили на нем маленький, почти игрушечный маяк и церковь Мадонны на рифе. В ней невесть каким образом оказалась чудотворная икона. Во время нашего пребывания на острове в церкви проходило венчание, и туристам там были не рады. Пока шла венчальная служба, на площади родственники новобрачных разливали по бокалам шампанское. Гуляя вокруг храма, закрытого для общего доступа, я нашла серебряную монетку. Оказалось, это пять чешских крон. Чехия. Направление следующего путешествия?..

Фото автора

Ах, Одесса

344 Анатолий Горбатюк
В свадебном путешествии отказать…

347 Сергей Осташко
Бабушка и другие

353 Эдвиг Арзунян
Призывы со двора

357 Владимир Кигель
Когда мы были молодыми

363 Игорь Геращенко
Только в Одессе!

Анатолий Горбатюк

В свадебном путешествии отказать…

События, о которых я хочу рассказать, произошли очень давно. Сегодня 31 августа 2021 года – значит, тем трагическим событиям ровно тридцать пять лет, но каждый раз, когда приходит эта дата, 31 августа, я начинаю чувствовать волнение, и неважно, сколько лет прошло с тех пор – пять, двадцать или тридцать пять: я одинаково взволнован. И вот подумал я: может быть, стоит рассказать о произошедшем читателям, может быть, перестанет после этого меня преследовать нервозность, возникающая 31 августа каждого года? А чем черт не шутит?..

…Числа 21-22 августа 1986 года мне позвонил мой старый институтский друг, занимавший весьма серьезную должность, что, впрочем, никак на наших отношениях не сказывалось. После обмена приветствиями он рассказал о возникшей у него проблеме.

– Понимаешь, Анатолий, моя дочь выходит замуж. Не могут они, глупые, потерпеть всего год до окончания института – ну как приспичило…

– Женя, насколько я помню, ты тоже никак не мог дождаться окончания, так что не очень возникай по этому поводу… А в чем, собственно говоря, проблема?

– А проблема в следующем. Я, как ты выразился, не стал «возникать», более того, забронировал банкетный зал в «Красном», но этого оказалось мало: молодые захотели поехать в свадебное путешествие, для чего выбрали «Адмирал Нахимов». Вот я тебе и звоню, рассчитывая на твою помощь. Мне повсюду отказали: мол, слишком поздно спохватились…

– Боюсь, мой друг, что они правы: пытаться достать не просто билеты, а отдельную каюту на круизное судно, да еще на конец августа, за неделю до отплытия…

– Толян, вся надежда на тебя: кадровый портовик, да и с начальником порта вроде в хороших отношениях… Жду положительного ответа!

И повесил трубку. Будь это кто-либо другой, я бы не постеснялся сказать все, что по этому поводу думаю, но Жене, замечательному мужику, который не раз приходил мне на помощь…

Я тут же отправился к начальнику порта. Был конец рабочего дня, и Леночка, симпатичная секретарша (как она ненавидела это словечко – «секретарша»!) сразу впустила меня к начальнику. Внимательно меня выслушав и уловив, *для кого* нужны билеты, начальник сразу позвонил в приемную начальника пароходства, установив на телефоне громкоговорящую связь. Там очень вежливо попросили моего начальника подождать у телефона… Буквально через минуту нам сообщили, что вся бронь на билеты, оставляемая для начальника пароходства, по указанию последнего была утром разбронирована и тут же распродана…

Как говорят в подобных ситуациях, круг замкнулся, и никто, даже лично начальник пароходства не смог бы ничего изменить. С тяжелым сердцем набираю номер телефона своего друга. Он явно ожидал моего звонка, потому что сразу же выдохнул:

– Ну что?!

Я очень сжато объяснил Евгению, что *никто* уже не может повлиять на совершенно безнадежную ситуацию, но очень быстро понял, что мой друг потерял к разговору интерес. Он сухо поблагодарил меня за участие и отключился. «Ну как, как объяснить ему, что они слишком поздно спохватились?!» – терзал я себя, но звонить не стал, потому что никакой вины за собой не чувствовал…

…Проходит день, второй, третий – настроение не улучшается. Вот с таким тяжелым сердцем отправляюсь в командировку в Киев. Зайдя в гостиничный номер, по давней привычке тут же включаю телевизор и попадаю на новости. Первое же сообщение – о гибели «Адмирала Нахимова» – едва не лишает меня сознания.

Потом нахлынула сумасшедшая радость: какое счастье, что я не достал билеты и свадебное путешествие не состоялось!..

По возвращении в Одессу еду, не заезжая домой, на работу. Так и есть – секретарь сообщает, что несколько раз звонил мой обидчивый друг и просил срочно ему перезвонить. Но я не спешу: теперь мяч на моей стороне. Впрочем, выдержки надолго не хватает, и я набираю номер телефона Жени, не через секретаря, а прямой.

– Толян, – слышу я вместо приветствия, – я твой вечный должник, твой и твоего начальника!

– Так мы же билеты не достали, – неудачно шучу я, но Женя меня перебивает:

– Вот потому и должник! Жду тебя после работы с большой шотландской гранатой. Не прощаюсь…

«Большая шотландская граната», то есть большая бутылка виски, с соответствующей закуской ожидала меня в Женином кабинете. Мы крепко обнялись, чего раньше никогда не делали, и, перебивая друг друга, пытались рассказать свои версии произошедшего события.

Конечно, одной «гранаты» нам не хватило, потому что был великий повод: по Жениной версии, из-за моей халатности он оказался самым счастливым отцом!..

…К сожалению, давно уже в лучшем мире находится мой друг. Связи с его семьей я не имею, а потому не знаю, как сложилась судьба Жениной дочери. Надеюсь, она счастлива. Я же постоянно 31 августа возвращаюсь к одной-единственной мысли: что бы случилось, опереди я снятие брони с билетов на круизный рейс «Адмирала Нахимова»…

Неисповедимы пути Твои, Господи!

Сергей Осташко

Бабушка и другие

Интересно иногда порыться в глубинах собственной памяти – узнаешь поразительные вещи.

Например, я прекрасно помню, как мы с бабушкой гуляли на бульваре – и вдруг над морем вспыхнул удивительный салют. Белые, красные, синие, зеленые звезды вздымались в небо и встраивались в силуэты судов, стоявших в порту и на рейде. Мы с бабушкой стояли как завороженные и смотрели на это огненное чудо. Уже совсем взрослым, лет в шесть, я спросил бабушку, что это был за праздник.

– Ты не можешь его помнить, – поразилась бабушка, – ведь это был салют в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Мне было тогда год и девять месяцев.

Бабушка Варя в раннем детстве была для меня самым близким человеком. Я ни разу в жизни не назвал ее «баба», только «бабушка». Помню, как я терпеть не мог вопроса взрослых: «Ты кого больше любишь, маму или папу?». Я обычно отвечал: «Бабушку», – и это было абсолютно искренне.

Жила бабушка отдельно, но все время, пока мама и папа были на работе, проводила у нас: возилась со мной, кормила, гуляла, готовила, стирала.

В новогоднюю ночь, когда родители уходили к друзьям, она оставалась у нас, и часов в девять мы с ней вдвоем садились за стол встречать Новый год. Винегрет, холодец, селедочка, маслины, которые я в детстве терпеть не мог, но в эту праздничную ночь ради бабушки ел, потому что она говорила, что они очень полезны. И обязательно маленькая рюмочка вишневой наливки.

Помню, как чуть постарше она приучила меня к блюду, которое я люблю до сих пор. Обычно это происходило так. У нас был классический диван с откидными валиками и высокой спинкой с полочками для слоников. Слоников у нас никогда не было, а на валике я любил сидеть и читать. И вот где-то посредине между обедом и ужином я сижу, читаю и, дождавшись, когда бабушка зайдет из кухни, говорю:

– Бабуля, ты знаешь, мне хочется чего-то вкусненького.

– Сейчас дам, – отвечает она, уходит на кухню и возвращается с большим куском белого хлеба, намазанным толстым слоем базарного крестьянского масла, на котором лежат густо посоленные кружки белого репчатого лука.

Казалось, в детстве я ничего вкуснее не ел. Да и вкус настоящего базарного крестьянского масла помню с тех пор.

На базар, или, как бабушка чисто по-одесски говорила: «делать базар», мы всегда ходили вместе. И даже не потому, что меня нельзя было оставить дома, а потому, что я это дело обожал. Я до сих пор могу часами ходить по продовольственному рынку, пробуя, торгуясь, просто разговаривая с продавщицами. А вот на промтоварном одесском толчке уже через полчаса зверею, и если за это время ничего не нашел – ухожу, чертыхаясь.

Это бабушка научила меня пробовать сметану на базаре: протягиваешь торговке тыльную сторону ладони, та чайной ложечкой капает в ложбинку между большим и указательным пальцем вкуснючий продукт, и ты его с наслаждением слизываешь.

Это бабушка научила меня торговаться на базаре. До сих пор удивляюсь, как она, тихая и интеллигентная в обычной жизни, своим тихим интеллигентным голосом умела сбить цену вдвое.

Это бабушка изобрела оригинальный способ кормления капризного внука, вошедший в семейные легенды под кодовым названием «Дядя Гриша, бомкайте!».

Когда я сильно не хотел есть «чрезвычайно полезную манную кашу», которую я терпеть не мог даже ради бабушки, она сажала меня за стол, приглашала соседа дядю Гришу, просила его залезть на стул (бабушку Григорий Львович уважал и отказать ей не мог), вручала ему чайную ложку и говорила: «Дядя Гриша, бомкайте!».

У нас тогда вместо люстры висел белый стеклянный абажур от настольной лампы. Дядя Гриша ударял ложечкой по абажуру, сверху раздавался мелодичный «бом», я смотрел на звук, в забывчивости раскрывая рот, куда бабушка немедленно всовывала ложку. Но, видимо, нота ля второй октавы от стеклянного абажура мне нравилась настолько, что «дядя Гриша, бомкайте» повторялось до тех пор, пока тарелка с кашей не пустела.

Помню, когда родители, вернувшись с работы, в первый раз увидели эту процедуру, с ними случалась истерика. Впрочем, та самая нота ля второй октавы – единственное светлое место в моих отношениях с миром музыки. Я до сих пор не могу отличить эту ноту от, например, «Танца с саблями» Арама Хачатуряна. Но петь я всегда любил, чем уже в студенчестве изводил своих друзей. Да и в детстве использовал любую возможность, чтобы проявить свои вокальные данные. Например, когда меня, как обычно на днях рождения, просили прочесть стихотворение, я взгромождался на табуретку и… самозабвенно орал: «Эх, и за борт ее бросает в набежавшую волну». До сих пор помню полные ужаса глаза моего троюродного брата Жени, обладающего абсолютным слухом, и его фразу: «Ну Сережка дает!».

И еще одно воспоминание раннего детства. Была у бабушки подружка тетя Катя – бывшая балерина. Папа ее почему-то недолюбливал, поэтому она предпочитала приходить в гости днем, когда он был на работе. Как всякая представительница богемы, тебя Катя довольно свободно обращалась с русским языком. Нет, не матюкалась, но меня, например, ласково называла «сукин сын». Я по малости лет считал это чем-то вроде комплимента и однажды по возвращении отца решил сделать этот комплимент ему. Разговоров было…

Не помню, но вполне возможно, именно из-за этого случая закончился мой трогательный дуализм с бабушкой. Когда мне стукнуло три года, папа выписал из его родного села мою двоюродную сестру Веру, которой было пятнадцать лет.

– Пусть поживет в городе, приобретет специальность. Нечего ей в селе делать, – сказал он маме.

И мои следующие детские воспоминания связаны как раз с Верочкой.

Приближается время обеда. На всю улицу, начиная от садика, где сестра меня обычно выгуливала, раздается дикий детский рев.

– Что с ребенком? – пугаются прохожие. – Может быть, в скорую?

– Ничего страшного, это он с прогулки возвращаться не хочет, – объясняет Вера и подхватывает меня под мышку.

Рев становится все громче и громче, и на балкон выскакивает бабушка:

– Я так и знала, что это не пожар, а наши с гуляния возвращаются, – всплескивает руками она и бежит вниз, чтобы помочь втащить меня в дом.

К периоду, когда в нашей семье появилась Вера, относятся мои первые попытки творчества. Очевидно, под воздействием рассказов сестры я, никогда не бывавший нигде дальше Лузановки, начал сочинять истории из цикла «Как я жил в деревне». «Ты диивенская девочка, я диивенский мальчик», – говорил я.

Истории получались довольно забавные, и сестра до сих пор жалеет, что не записывала их.

Следующее воспоминание связано с тем, что я очень долго не выговаривал букву «р». Сколько я ни пытался сказать ключевые слова «рыба», «рак», «арбуз» – у меня ничего не получалось. Единственное, где у меня четко прослушивалась непокорная буква, было слово «берльё». В смысле «белье». Перенести ее в другие фонетические конструкции никак не удавалось. Мама даже хотела пригласить логопеда, но бабушка не дала.

– Нечего ребенку дикцию портить, – заявила она. – И так все исправится.

И действительно, однажды у меня получилось. Как сейчас помню, я, только что проснувшийся и еще не одетый, прыгаю по кроватке и на все лады декламирую: «рыба», «рак», «арбуз», «карась». А вокруг меня прыгают и радуются бабушка Варя и сестричка Вера, вызванные из кухни мощным криком: «Ур-р-р-р-р-р-р-ра!».

Как сейчас помню момент, когда я первый раз самостоятельно поплыл. А вот сколько мне тогда стукнуло – три с половиной года? Четыре с половиной? Не помню!

Это был последний теплый день лета, и мы выбрались к морю. Папа с друзьями заехал за нами на казенной «Победе», и мы пое-

хали закрывать купальный сезон в начало Лузановки. Там еще не было ни дома Павлова, ни стадиона «Продмаша», ни даже поселка Котовского на горизонте. Просто от шоссе к кромке воды вела грунтовка.

Я тогда уже знал теорию и мог при поддержке снизу проплыть несколько метров. Но как только из-под пуза уходила надежная мамина рука, я тут же шел ко дну.

И вот родители с друзьями сидят на подстилке, а я вожусь рядом в полосе прибоя, где море по колено. И вдруг ощущаю в кулачке шевеление. Разжимаю – а там малюсенький бычочек.

Радости моей не было предела. «Мама, папа, я рыбку поймал!»

«Да какая там рыбка!» – взрослым явно не хотелось отвлекаться на фантазии дитяти.

«Да вот же, вот!» И, чтобы было лучше видно, кладу рыбку на воду.

Сами понимаете, что бычок сей же час махнул хвостиком и был таков. А мне стало так обидно, что я бросился в погоню. Поймать я его, естественно, не поймал, но когда понял бессмысленность дальнейшего преследования, оказалось, что отплыл от родителей метров на пятнадцать. Это было последнее мое купание в том году. А на следующий год я сразу взял и поплыл к буйку, за что первое купание сезона чуть не превратилось в последнее.

Помню, что зубики у меня начали резаться рано. И выпадать тоже. Первый выпал, когда мне было года четыре. Вернее, не выпал, а его мне выбил брат Валерий, приехавший в отпуск из Москвы.

Опять яркое воспоминание. Валера лежит на том самом диване с валиками и читает синий том собрания сочинений Гоголя, а я копошусь рядом и ему мешаю, канюча и предлагая поиграть. А поиграть – это значит строить катакомбы из стульев, накрывать их покрывалом и ползать внутри, отстреливаясь друг от друга и изображая партизан. Это мне только что прочли книгу о Яше Гордиенко.

Довольно плотному Валере ползать между ножками стула, естественно, не хочется, и он вяло отмахивается от меня сначала рукой, а потом и книгой. И в какой-то момент тяжелый том ударяет мне по зубу и выбивает его.

Я не помню, было ли мне тогда больно, но этот первый выпавший (выбитый) молочный зуб потом долго хранился в отдельной коробочке на комоде.

Ну и чтобы не заканчивать детские воспоминания выбитым зубом, несколько более поздних, но все равно ранних воспоминаний, связанных уже с алкоголем.

Собственно, меня в этом смысле никогда не третировали. В детстве считалось, что у меня слабые легкие, а самым популярным лечением тогда были пивные дрожжи, которыми меня потчевали несколько лет подряд. Да и само пиво, извините за каламбур, пивал-с. Родители оба его любили и на совместной прогулке обязательно позволяли себе по бокалу, при этом давая глотнуть и мне.

– Что ты волнуешься? – успокаивал папа маму. – В твоих дрожжах гораздо больше градусов, чем в этом разбавленном напитке.

Я даже помню ту будочку, где я попробовал пиво в первый раз. Она до сих пор работает в парке Шевченко, встроенная в забор обсерватории.

Про вишневую наливочку я уже рассказывал, а на взрослых днях рождения мне, как правило, давали лизнуть вина.

Помню, что ром я в первый раз попробовал (и он мне понравился) на свадьбе своей другой сестры – двоюродной – Лили. А недавно выяснил, что она выходила замуж в 1964 году. То есть мне тогда было двенадцать лет.

Ну и самое последнее, на этот раз неприятное воспоминание, относится к моему девятому классу. Дело было на даче на дне рождения отца. Я уже взрослый – шестнадцать лет как-никак – сижу за общим столом и вместе со всеми поднимаю первый тост «За нашего дорогого именинника» водкой. Водка попадает не в то горло, я лихорадочно ищу, чем бы запить, хватаю наполовину заполненный прозрачной жидкостью стакан, пью и понимаю, что в стакане был чистый спирт.

До сих пор я водку никогда не запиваю.

Эдвиг Арзунян

Призывы со двора

В послевоенной Одессе живы были еще некоторые обычаи периода оккупации города (1941-1944 гг.). В частности – призыв со двора различных «бродячих работников».

Молочница. В сельского типа окраинах города некоторые хозяйки держали корову – и утром, выдоив ее, хозяйка с бидоном молока приезжала в облюбованный ею когда-то квартал центральной части города. Заходила в каждый двор и кричала:

– Молоко! Молоко!..

Эту молочницу все тут знали, качеству ее молока доверяли – и местные домохозяйки охотно покупали у нее натуральное свежее, чуть ли не парное еще молоко; к тому же – не разбавленное водой, как в тогдашних советских магазинах, и без всяческих якобы улучшающих добавок, как это принято в наши дни тут в Нью-Йорке, в котором я сейчас живу. К тому же это молоко – не помню уж, но скорей всего, было дешевле, чем в магазинах, так как не обрастало никакими накладными расходами (плата за помещение, зарплата продавщицы и т. п.).

Пильщик-рубщик. Они заходили во дворы и кричали:

– Пилить! Рубить!

Их нанимали семьи позажиточнее и женщины без мужчин.

Наша же семья к особо зажиточным не относилась, и пока я не подрос, пилкой-рубкой во дворе занимался по выходным дням папа. А лет с тринадцати эту обязанность стал выполнять в основном я, гордясь этим явным доказательством моей почти созревшей уже *мужчинности*.

Да и после многочасовых сидений – за партой в школе, за фортепиано в музшколе, а потом еще за письменным столом и опять за фортепиано дома – мне было приятно наконец-то разогнуть-раскрепостить тело и физически натрудить руки. И нравилось чувствовать после пилки-рубки *крепатуру* в мышцах тела, которая как бы подтверждала то, что я становлюсь все сильнее.

Старьевещик. По словарям правильно – «старьёвщик», видимо, от слова «старьё». Но мы, одесситы, говорили «старьевещик», то есть говорили именно так, как слышали от самих этих работников, которые так ведь и кричали во дворе, одним словом:

– Старивещи!.. Старивещи!.. Старивещи покупаем, продаем!..

Не знаю, может быть, «старьевщик» – это просто ошибка лексикографов? Такие ошибки я иногда находил в словарях. Или от обидного для меня, филолога-одессита, пренебрежения столичных, московских лексикографов к провинциальному, как они считали, говору; а на деле, как я считаю, – от их пренебрежения ко всему южнорусскому диалекту: от Одессы на западе и до Краснодара на востоке.

Старьевещик – именно так, по-одесски! – это был как бы «комиссионный магазин на ногах».

Большинству трудящихся трудно было найти время, чтобы отнести не употребляемые ими вещи в комиссионный магазин, а тут пожалуйста – «комиссионный магазин» сам приходит к ним во двор. И не надо ждать много дней, когда магазин продаст твою вещь, – договоренные деньги получаешь сразу же, сдав ее старьевещику, никакой бюрократии!

Да и тут же можно купить у старьевещика что-нибудь подходящее: во-первых, дешевле, чем в комиссионном магазине, а во-вторых, за те же десять минут, так сказать, с доставкой на дом.

Можно даже сделать предварительный заказ старьевещику (а в комиссионных магазинах не существовало сервиса предварительных заказов). Например, так:

– Если у вас будет итальянский макинтош моего размера, какого-нибудь темного цвета…

– Конечно, – охотно отзывался старьевещик, – давайте я на всякий случай запишу номер вашей квартиры.

...Ну кто еще?

Стекольщик. С тележкой, в которой он возит стекла, проложенные тканью, – чтобы не разбились на ухабах дороги.

– Стекла вставляем! Стекла вставляем!

Точильщик. С маленьким переносным точильным станком, в котором диск наждака вращался ручкой:

– Ножи точим! Ножницы точим!

Паяльщик. С разогреваемым на спиртовке паяльником.

– Паять, починять – ведра, кастрюли, чайники!

Шарманщик. Звукозапись эволюционировала так: шарманка → фонограф → граммофон → патефон → магнитофон → компьютер… А 40-е годы – это была еще эпоха патефона.

Тем не менее – может быть, ради экзотики – по дворам ходил шарманщик со своей антикварной, несколько проржавевшей шарманкой. Он клал на землю шапку, внутренней стороной вверх; крутил ручкой свою простенькую музыку – и в результате получал иногда в шапку свой скромный гонорар.

Кукольник.

– Собирайтесь, дети! К вам пришел кукольный театр!..

На дворовом столе он расставлял складной театр марионеток.

Чревовещатель.

– Слушайте все, к вам пришел Петрушка, он умеет говорить!

И кукольный Петрушка на его руке говорил, а он как бы молчал – во всяком случае его рот выглядел неподвижным.

Библиотекарь. В отличие от всех предыдущих «бродячих работников», этот допотопный старик-книжник не афишировал во дворах свою работу: книги советская власть относила к области идеологии – любая книга, не одобренная цензурой, считалась антисоветской; и соответственно кустарщина в этой области пресекалась, видимо, строже, чем в других областях. А клиентура у этого старика-библиотекаря формировалась по принципу личных рекомендаций: от одного клиента-читателя к другому клиенту-читателю.

Дома у старика-книжника имелась богатая библиотека старых изданий, многие из которых давно были изъяты из советских библиотек. За двухнедельное чтение книги он брал какую-то мелочь вроде стоимости пирожка с горохом на улице. Старику, видимо, хватало и этого – зато он был при деле, общался с интеллигентной читающей публикой.

…В общем, всех разновидностей «бродящих работников» и не упомнишь.

По советской терминологии, все они относились к категории кустарей. На советских производствах не работали, налогов не платили; никаких официальных разрешений на их промысел у них не было – да и не могло быть, так как советская власть кустарщину не поощряла.

Они процветали при ленинском нэпе – а потом при Сталине их задавили налогами и ликвидировали. А во время оккупации, при румынах в Одессе, они возродились. И в первое время после возвращения в Одессу советской власти у этой власти до них просто не доходили руки. Но через год-два руки дошли – и кустарщина опять была задавлена и ликвидирована: штрафами и арестами.

От соблазна легкими заработками население ориентировали теперь на другое: на низкооплачиваемую работу на советских предприятиях. Тоталитарный режим задавливал любое частное предпринимательство, даже самое мелкое и невинное; все обязаны были служить Молоху сталинского социализма.

А дворовая жизнь из-за этого стала, увы, гораздо менее колоритной.

Владимир Кигель

Когда мы были молодыми

Одесские дачи

Я скучаю за вами, одесские старые дачи… запах жареной рыбы, шашлык, крики детского плача… за забором из пыльной сирени – цветущие вишни, на аллейке центральной гоняют до ночи мальчишки… не пройти мимо них, ни проехать – здесь детское царство, ради них дачи продало (смех!) их родным государство… проявив таким образом ярко черты гуманизма, чтобы крепли и сил набирались творцы коммунизма… позывных «Маяка» не услышать за шумом скандала: это тетя Аделя Аркашу с соседкой застала… где-то смех, где-то плач, где-то крик, где-то примус чихает, но мальчишки, мальчишки, мальчишки во что-то играют… и лишь душная ночь, вдруг упавшая ниц комарами их заставит вернуться домой, где ждут с ужином мамы… будут блинчики из кабачков и салат с помидоров с батоном, а для самых худых в наказание – чашка бульона… из нагревшейся за день цистерны водичкой умыться накажут, расцарапанность тела «бриллиантовой зеленью» смажут и отправят в кровать, под дичком винограда стоящей, чтобы жить, «как на даче», как будто бы на настоящей… пряный воздух смешается с медом от пьяного моря, шум прибоя цикадному хору услужливо вторит, проезжающий «пульман» затейливо дзинкнет, прощаясь, и вильнет колеей, до утра с дачным людом прощаясь…

Что кому… корабли, облака, космонавты, пираты… в санаторий путевка, получка, машина, зарплата… кукла, женщина, шины, красавцы гусары-мужчины… вот узнать бы все сны, что

приснились когда-то на даче, и проверить: сбылось или вышло не так, а иначе?

…В сладкий сон вдруг ворвется звонок – что ли, школа приснилась? мусор! мусор приехал! и сладкая дрёмь растворилась… по аллейке мальчишки и в рваных халатиках мамы побегут за ворота, а там, сбившись в кучку, в пижамах, ждут покорно у очень вонючей текучей машины – тоже выбросить мусор хотят джентльмены-мужчины… дети, дамы – вперед, постучав о края и проверив, нет арбузной ли корки, а может, ощипанных перьев… возвращается медленно к семьям, как счас говорят, «дачный пипл», чтоб пожарить на завтрак бычков – эту вечную дачную рыбку…

А потом будет пляж, будет море и новая вечность, ведь пока ты на даче – нет срока, одна бесконечность… но увы… бесконечность кончается с летом, поэтому – осень так привлекает людей, что зовутся поэтами…

Я любил тебя, дача… и вспомнил, наверно, поэтому…

В Шампанском переулке

В переулке с игристым названием, по счастливой случайности
нетронутые горзелентрестом,
среди десятка старых хрущевок
и пары уже тоже не особо новых девятиэтажных зданий
деревья
явно не первой молодости
решили поиграть в «жениха и невесту»,
совершенно забыв о «вечном» –
о дворничьем существовании…

Вот невеста-рябина накинула желтого цвета фату из листьев
и, накрасив кокетливо щеки ярко-красным, – ну просто ягодка –
уронила под ноги на плешь асфальтово-травянистую,
угадай, чей свадебный подарок – чуть надкушенное яблоко…

Ну, а тополь-жених – стройный упрямец,
все еще весь в зеленом.

Зачем жениться? Мог бы гулять да гулять
весь сентябрь предстоящий хмельной,
солнце жаркое пить из стакана пыльного, зато – граненого
и вина побольше золотисто-рубинового,
да со мной…

В переулке с игристым названием
по счастливой случайности нетронутые горзелентрестом,
чуть опухшие, чуть пожухлые, чуть вдали от всех,
голубые, пусть в прошлом, но и сейчас почитаемые,
ели еле стоят…
Им сказали, что нечего еле стоять,
будут они, ели, родителями жениха и невесты,
будут собирать от гостей подарки,
ну и по осени будут цыплят считать…

В переулке с игристым названием по счастливой случайности
нетронутые горзелентрестом,
деревья сомкнули руки-ветви над головами всех,
кто хотел укрыться от пекучей жары,
и свидетели-прохожие со стороны невесты
говорили: ведь непросто сегодня в Одессе найти место,
где прохладно и пахнет ну… чем-то… морским…

Ближе к полудню тем самым ветром с моря
свадебный стол накрыло.
Распустились бутонами все, кто мог еще…
И игра началась. Но не тут было.
Появилось. Слетелось. Дворничьё.

С головы у рябины-невесты фату ободрали.
Шлейф из листьев на вилы – лишь мешки подавай…
Вот и кончилась свадьба… Солнце тоже убрали.
Знатным вышел у дворников их урожай…

Но с тобою, дружок, горевать мы сегодня не будем.
Завтра новая свадьба, сентябрь никуда не ушел…

В переулке с игристым названием будет,
я надеюсь, как прежде, душе хорошо.

Так что, видишь, грустить нам с тобою пока нет резона,
вон, гляди, новый лист закружил над землей серебристо
и какой-то котяра, изодранный и неказистый,
зарывает брезгливо мечту свою в ямку у клена!

Короленко, 15

Тороплюсь. Словно надо успеть. Куда?
Утро. Вечер. Так было. Так будет. Увы. Всегда.
Под луною. Не ново. Ничто. Шекспир.
Все затерто. Словами. До дыр.
Но вильнула вдруг память, заглянула в забытый двор,
виноградным дичком обняла высоты забор,
не дослушав считалки, вбежала в подъезд, скорей
позвонила два раза, замерла у дверей.
Тишина. Неужели никто не слыхал звонка?
Может, ростом не вышла, память так коротка?
Или сил не хватило нажать на звонок сильней,
чтоб ее услыхали, не забыли о ней…
А давай-ка ногами, повернувшись к двери спиной,
каблучками по раме, жэковской, коммунальной, резной…
А еще мы могли бы по соседям во все звонки,
но от них почему-то одни черепки…
Ну, пойдем. Да, я помню, здесь Юрка жил,
у него еще черный роялище дома был,
мама Лида стояла с линейкой над ним,
хочешь, в память и его пригласим?
Здесь жил Ромка, на первом – вон – Мишка жил,
ну ты знаешь, я с ним не совсем дружил –
мы ведь вместе любили Светку, вон там
прижимались впервые ее губы к моим губам…
Помнишь Рипсу? Несметных котов неумолчный вой,
голубиных налетов голубой клекотной прибой,

инвалидку, где Саша давал нам сидеть,
абрикос дворовых лососевую медь…
…Плачешь, память? Я тоже. Давай обниму,
объясню, что нет мамы, почему – не пойму…
Говорят, что так надо. Что так было. Увы.
Всегда.
Так что надо успеть.
Но куда?
Куда???

О бычках

Я бычков не ловил. Ненормальный одесский ребенок. На волнах не качался – не мог, организм подводил. Но зато сколько помню себя – неужели с пеленок? – я на пляже с друзьями все дни напролет проводил. Маска, ласты, а позже трезубец не очень наточенный – под ногами сквозь призму прозрачной соленой воды маскируется глосик: понятно, кому же захочется на тарелке предстать в виде летней фонтанской еды…

Я бычков не ловил. Я спускался в обрыв возле дачи, где кузнечики жили, мечтая до неба взлететь, но – по глупости, видно, кузнечьей, а может, ребячьей, знать не знали, что надо потом еще долго лететь… Крыльев нет, ну а то, что на крылья похоже, – атавизм, рудименты чистейшей природной воды, и обратно в траву они падали с неба – и что же? Я их в банку сажал, набросав им травы для еды.

Я бычков не ловил. Я запоем читал «Мушкетеров». Благородство. Коварство. И даже – краснею – любовь! И во сне, как во снах многих тысяч других фантазеров, на дуэли я бился с Рошфором, наглеющим вновь… Я к миледи хотел, хоть блондинок я с детства не очень… Если честно – я даже немного ее пожалел, когда ставил клеймо ей палач той злопамятной ночью, и какой-нибудь мазью помазать плечо ей хотел.

Я бычков не ловил. И удачу поймать не пытался. Если будет – так будет, а нет – я и так проживу. Впрочем, вру. Я с удачей,

наверно, частенько встречался. А поймал ли за хвост? Хоть убейте. И сам не пойму.

Я вернулся туда, где начало, где все обещалось… Где, как в Книге, в Начале стояло всего пару Слов. Неужели судьба все искусненько так разыграла? Неужели пора приобщаться мне к ловле бычков?

Игорь Геращенко

Только в Одессе!

…на Привозе на вопрос «У вас есть яйца?» вы услышите: «Яйца не работают!»

…девушка рожала.

…«похвала» и «*пахлава*» – одно и то же.

…дождь шепелявит.

…если вы стройная, вас отметят: «Глиста в обмороке!»

…«изжога» – это характеристика человека.

…если вы не любите животных, как же вы можете любить женщин?

…ничего в голову не лезет, кроме мяса…

…хороший нож – не обрежешься.

…отличные работники *шуршат, как тараканы.*

…только здесь растет *гриб отсосиновик*.

…жена скажет мужу: «Усталое мое счастье!»

…рост измеряют словами «он ей в пупок дышит».

…возможен *прописианальный* рост.

…борода старит человека в лучшую сторону.

…приготовление форшмака не требует никаких *затрах.*

…вы услышите: «Люблю своего *педабога*!»

…вам объяснят, что вы тупой, потому что не знаете, что столица Парижа – Лондон…

…все порою весьма *индивидуанально*.

…доктор, изучая ваш снимок, скажет: «Не печень, а – каменоломня!»

…муж скажет жене в сердцах: «Я из-за тебя женился… на тебе!»

…арбуз хорошо чистит почки и выводит их из организма.

…наемный рабочий с Западной Украины пожалуется вам: «Тяжка́ наша робо́та, та де ж зна́йдеш ле́гшу!»

…празднуют минуту молчания.

…умирают от жизни. От смерти еще никто не умер.

…не отрывайся от коллектива. Коллектив сам даст тебе оторваться.

…на слова мужчины: «Иди ты, знаешь куда!» – женщина ответит: «Я согласна!»

…богатый человек может похвастаться: «Жизнь заканчивается раньше, чем деньги!»

…бедный человек пожалуется: «Деньги закончились, а жизнь и не начиналась!»

…жарко – плохо, холодно – плохо, весело – плохо, грустно – плохо, долго – плохо, быстро – плохо, далеко – плохо, близко – плохо, шумно – плохо, тихо – плохо, скучно – плохо… Ну и хорошо!

…на восклицание любовницы: «Миша, ты что, посуду моешь?!» – любовник ответит: «Да. Я – *посудомойша*»!

…пациент скажет врачу: «Занимайся заболеванием, а не *зубовливанием*!»

…здоровый образ жизни – это здоровый образ смерти при жизни…

…у мафии – длинные руки. Удобно мылить спину.

…когда в кране появляется вода, в роли бога выступает сантехник.

…жена скажет мужу: «I love you тебя на слове!»

…не хотят *дорогого,* а хотят *дорогостоящего.*

…*независимость* – новая форма *зависимости*.

…не могут смириться с платой за посещение туалета. Как можно платить *за то, что отдаешь*!!!

…робкий муж угрожает жене: «Вот сейчас как!.. посуду помою… и все станет по-моему!»

…вам *пасаветывают*: «Шо, энергия прет?.. За швабру – и вперед!»

…болезнь, названная «*талант*», болезнью не считается.

…*правильно* – это когда *неправильно*, но с удовольствием.

…хорошо болеть, когда ты здоров.

…не в цене *мозги, засоренные умом*.

…плохому человеку скажут мягко: «У вас большой срок *гадности*. Можем укоротить».

…на ваш похотливый взгляд девушка спросит: «Что в *вымени* тебе моем?»

…время калечит молодых…

…дети быстро стареют…

…вас предупредят: «Наш город *многоэмоциональный!*»

…на вопрос «Как дела?» вам ответят: «Тошнит, но плывем…»

…хочется сказать *такое*, что лучше промолчать.

…жить спонтанно – это жить *с понтами*.

…вас попросят: «Помогите устранить последствия евроремонта!»

…говно протухло, а лимон прокис.

…на похоронах вы можете услышать: «Не дожил до своей смерти!»

…можно услышать: «Ничего не поделаешь – такая ЖЗЛ*»

…с кем поведешься… так тебе и надо.

…миром правят *лилиПутины*…

…вас осадят словами: «Ой, только не делайте мне эти *нравомучения*!»

…продолжительность жизни зависит от степени *говнистости* характера.

…долгожитель – человек, недостойный смерти.

…бродяга просыпается утром под мусорным баком со словами: «Де Юра?.. Де факти?»

…как началось – *запе́л*, закончилось – *за́пил*.

…«пованивать» значит – *жить по Ване*…

…все не так просто, а когда просто – все не так.

…старость – болезнь серьезности.

…живут не хлебом *единым*, а хлебом *едимым*.

…в школе работает *мучитель танцев*.

…пекутся о здоровье в огне сигареты.

…ничего никогда не пропадает, просто найти ничего никогда нельзя…

…существует *норма пресыщения*.

---

* Серия книг «Жизнь замечательных людей».

…вы услышите: «Честная цыганка!»

…тараканы – аморальные существа.

…знают разницу между *закалѝть* и *зака́лить*.

…только теща имеет право угощать зятя безалкогольным пивом.

Издано...

368 Евгений Голубовский
Книжный развал

378 Феликс Кохрихт
Жизни не скажешь: «Постой, погоди!»

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Киеве

Михаил Жванецкий
Одесса
Киев, 2021, тираж 5000 экз.

«Гости съезжались на дачу...» – это не я написал, а Александр Пушкин, начав этой фразой в 1828 году роман, так и оставшийся незавершенным.

Гости съезжались на «Дачу» – вслед за Пушкиным, почти через двести лет, повторю я, так как в Одессе все начинается с Пушкина, да и жизнь всегда копирует литературу.

Гости съезжались на «Дачу», где 27 августа состоялась презентация книги Михаила Жванецкого «Одесса», первой книги, вышедшей после ухода нашего великого современника.

В 2018 году Жванецкий по просьбе Андрея Ставницера составил книгу «Солнце. Море. Аркадия», и тогда же она была издана. И тогда же разошлась. Книга «Одесса» – не просто переиздание того сборника рассказов и миниатюр. Наталья Жванецкая пересмотрела ее, добавила несколько текстов из тех, что были на-

писаны в самое последнее время, в дни болезни. И книга стала не только смешной, не только мудрой, но и щемящей.

«Эту книгу можно читать с начала, с середины, с конца…

Можно читать отдельные рассказы, главы, предложения…

Можно читать с Мишиными интонациями или своим голосом.

А можно читать, как один большой роман об Одессе», – написала в преамбуле Наташа Жванецкая.

Трудно было выбрать лучшее место для презентации, чем ресторан «Дача». И потому что Солнце, Море, Аркадия. И потому что Миша любил этот ресторан. Савва Либкин вспоминал, что пару лет назад именно тут Миша варил раков для всех гостей, а в гостях была вся Одесса. Сегодня варил раков для гостей ресторатор Савва Либкин. А я мог бы добавить, что и последний Новый год Миша прилетал встречать в Одессе, и мы собрались на этой же «Даче»

Со сцены читали тексты Жванецкого. Читали хорошие артисты. Но пока звучит в памяти интонация Миши, мне трудно воспринять актерское чтение. А порадовал дирижер Хобарт Эрл. Он читает Жванецкого, радуясь каждому слову своего любимого автора, не актерствуя, а наслаждаясь.

Иллюстрации для этого издания специально рисовал Михаил Рева.

«Все вырученные деньги после продажи пяти тысяч книг, – сказал на презентации Андрей Ставницер, – пойдут только на благотворительные цели».

И еще одну фразу Андрея Ставницера хочу зафиксировать:

«Мы никогда не забудем Жванецкого, который создал наши характеры, который создал образ Одессы в головах всего мира, который знал обо всех и никогда не жалел для нас этой мудрости. Я живу именно в его Одессе и горжусь этим».

Да, все предвидел Пушкин.

Гости разъезжались с «Дачи», купив первые экземпляры новой книги Михаила Михайловича Жванецкого.

Анна Голубовская, Юрий Маслов, Александр Якимчук
Викентий Кугель. Взгляд фотографа
Киев, 2021

Моя вера в существование чудес получила сегодня реальное подтверждение.

Но обо всем по порядку…

Вернулся домой после презентации альбома «Викентий Кугель. Взгляд фотографа», созданного Анной Голубовской, Юрием Масловым и Александром Якимчуком.

Около четырех лет шла работа над воплощением замысла. Какого? И хоть я все эти годы видел, что это адский труд, в суть поисков, размышлений не был допущен.

– Все увидишь, когда завершим.

Итак, я знал, что Саша Якимчук и Аня обнаружили существование личного фотоархива одного из жителей Одессы, который *сорок* лет фотографировал город, его людей, их быт и жизнь, но нигде эти фотографии не показывал.

Тщательно хранил. боюсь слова – скрывал, хоть, скорее всего, и скрывал. Было чего бояться.

И какие сорок лет – с 1913 по последний год своей жизни – 1953. Революции, войны, голод, ежовщина…

Итак, я знал, что Юрий Маслов купил *всю* коллекцию, не дав ей рассыпаться по десяткам собирателей одессики.

Конечно, знал, что моя дочь с Сашей расшифровывают, осмысливают грандиозный архив, в нем более двух тысяч снимков, но сами фотографии, как решили создатели альбома, для всех останутся тайной – до выхода книги из печати. И вот – чудо.

Великолепно изданный альбом впервые показан был на книжном фестивале.

Воскрешение. Из небытия вернулся к нам архитектор Викентий Кугель. И оказалось, что рядом с нами жил первоклассный мастер фоторепортажа. И оказалось, что его пристальный взгляд дает нам возможность увидеть не только дома, улицы, но и *лица* людей, менявшихся во времени. И быт, и одежду, и отсутствие одежды.

Юрий Маслов напомнил на презентации великого философа Николая Федорова, кстати, учившегося в нашем Ришельевском лицее, считавшего общим делом человечества воскрешение ушедших поколений. Может, мы и начинаем с воскрешения наследия Викентия Кугеля…

А если добавить, что удалось в Пензе найти внучку Викентия Матвеевича – создателя музея Всеволода Мейерхольда… Она ждала выхода альбома. Не дождалась. Шесть месяцев назад умерла, не зная, что книга в печати.

А если добавить, что в Одессе, на Втором христианском кладбище найдена заброшенной могила Викентия Матвеевича Кугеля и уже приведена усилиями авторов в порядок…

Нужно ли объяснять, что выход альбома – тоже первая часть работы. Предстоит выставка мастера.

И думается, не только в Одессе…

Олег Губарь
Топография пушкинской
Одессы
Монография в 2 томах

Эту книгу мы ждали более 30 лет.

И дождались. Увы, автор не дождался…

«Итак, я жил тогда в Одессе…» – этой строкой Пушкин завершил «Путешествие Онегина».

«Итак, я жил тогда в Одессе…» – мог бы поставить Олег

Губарь эпиграфом к своей монографии «Топография пушкинской Одессы».

В Литературном музее, в его Золотом зале, прошла презентация книги, ставшая, как сегодня видится, памятником не только пушкинской Одессе, но и автору – литератору, краеведу, историку нашего города Олегу Иосифовичу Губарю.

Два фолианта. Шесть килограммов текста. Труд, на который ушли годы работы.

За последние три десятка лет мы много раз разговаривали с Олегом об этой книге.

Можно было составлять словарь одесских знакомых Пушкина. В двадцатых годах первую попытку такого словаря издал академик М. Алексеев, найдя 57 персонажей одесской истории. В восьмидесятых годах профессор С. Боровой уже располагал сведениями о 76 знакомых поэта. У Губаря их оказывалось больше ста… Но принцип биографий не удовлетворял его.

Как не радовал и хронологический разбор того, чем день за днем занимался поэт.

Губарю хотелось увидеть Пушкина в молодом городе, ходить с ним по службе, по приятелям, вместе в ресторан и вместе в почтовую контору, вместе в баню и на пирушку…

Только Губарь, изучив архив Строительного комитета Одессы и выпустив о нем монографию, знал досконально все постройки тридцатилетней Одессы.

Более того, занимаясь с Михаилом Пойзнером историей Первого кладбища Одессы, он, как говорится, похоронил сотни современников поэта.

Так выкристаллизовался принцип монографического исследования – через городские объекты, через владельцев и строителей, негоциантов и моряков, врачей и рестораторов ощутить Город и в нем Пушкина.

Мне кажется, презентация, которую провел доктор исторических наук профессор Александр Пригарин, получилась на славу.

Как уместно в начале и в конце звучала гитара в руках любимого Олегом Димы Земскова (эх, а как задушевно играл на гитаре Олег!).

Чувство юмора окрасило прекрасные выступления губернатора Одесщины Сергея Гриневецкого и мэра города Геннадия Труханова, профессионально звучали слова историков – Олега Добролюбского, Елены Полевщиковой, Игоря Шкляева, Виталия Абрамова, тепло, как-то по-домашнему говорили о вкладе Губаря в работу музеев Татьяна Липтуга и Алла Нирша…

Как шла работа над изданием этой книги, поделились ближайшие друзья Губаря – Анна Голубовская и почетный гражданин Одессы Михаил Пойзнер. Они же подарили первые экземпляры книги библиотекам, музеям, почетным гостям…

«Топография пушкинской Одессы» начинает жить своей жизнью. У нее появятся новые читатели. Но как хотелось бы, чтоб появились и продолжатели дела Олега Иосифовича Губаря, исследователи, которые будут углублять наше представление о Золотом веке Одессы.

Анна Михалевская
Победить нельзя проиграть
Киев, Радуга, 2021

За последние три года у прозаика Анны Михалевской выходит третья книга. Вначале это был сборник рассказов «Междверье», где автор показала, что овладела этим жанром. Затем фантазийный роман «В коконе». И наконец – реалистическая сага о судьбах одной семьи, прожившей жизнь в наше совсем не простое время, где были войны, голод, страх…

Но люди оставались людьми. Что поддерживало их? И любовь как цемент отношений, и вера.

На обложку книги я по просьбе автора написал пару абзацев.

«Знаете ли вы, что такое живые вещи?

Есть ли у вас код, чтоб различить – свой или чужой?

Умеете ли определить, где ставить запятую в названии романа Анны Михалевской «Победить нельзя проиграть»?

Готовы задуматься над этими вопросами – значит, эта книга для вас.

Роман прекрасно написан. В нем самоцветные слова.

Это сага о семье, но одновременно и история страны, где в каждом герое живо прошлое, настоящее и, возможно, будущее.

Только если мы научимся предотвращать войну».

Издано в Одессе

Григорий Барац
Глоток хереса. Рассказы
Одесса, Optimum, 2021

Свою первую книгу рассказов Григорий Барац, директор Всемирного клуба одесситов, назвал «Глоток хереса».

Ехал на презентацию – и в уме сложилась первая фраза. Если Андрей Синявский говорил, что у него с советской властью эстетические расхождения, то у меня с клубом, его директором, как видно, гурманские разногласия: что за доза – глоток хереса, кто в Одессе пьет крепленый херес?

Но фраза не понадобилась – нас ждал великолепный сухой херес. А впрочем, и коньяк, и водка, и все было под стать очень одесской остроумной и ностальгической книге рассказов.

Сейчас часто произносят слова «социальный лифт». И вот таким лифтом стал для Григория Исааковича Бараца Всемирный клуб одесситов. С декабря 2017 года он стал директором клуба. Все рассказы, вошедшие в книгу, написаны в 2018-2020 годах. Аура клуба, магия творчества Жванецкого, проходящие ежемесячно встречи писателей «Зеленой лампы» не могли не побудить Григория Бараца к творчеству. Если когда-то как журналист он делал литзаписи книг своих начальников, то теперь он мог рассказать свои истории.

Кстати, невыдуманные. Жизнь на краю Молдаванки, работа на «радиалке», создание своего предприятия – фальшивомонетного двора – давали неисчерпаемый запас сюжетов.

А из выступлений Валерия Хаита, Ларисы Булло, Бориса Эйдельмана (в его издательстве вышла книга) мы узнали, сколько смешных, трогательных историй еще не рассказаны Барацем и ждут воплощения в следующей книге.

Кстати, в только что вышедшем альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» мы опубликовали новый рассказ Бараца, не вошедший в «Глоток хереса», так что у следующей книги уже есть задел.

Вот только вопрос: как автор назовет книгу – «Второй глоток хереса», а может – «Бокал шампанского»?

Чаще всего писатели торопятся провести презентацию вышедшей книги. Это понятно: хочется предъявить миру свой труд. Но беда в том, что публика оказывается не готова, она не успела книгу прочесть.

В этот раз все было не так. Книга вышла месяц тому. Автор успел раздарить друзьям весь тираж.

В зале собрались люди, которые с интересом говорили о книге, обсуждали ее. Более того, автору пришлось заказать второй тираж сборника рассказов, чтоб удовлетворить желающих ее прочитать.

Что ж, а мы ждем в 2022 вторую книгу.

Как бы ни назвал свое детище автор.

Издано в Нью-Йорке

Борис Амчиславский, Эдуард Амчиславский
Утесовская энциклопедия
Том 2

Из Нью-Йорка в Одессу прилетел Эдуард Амчиславский, который вместе с отцом Борисом Амчиславским десятки лет разрабатывают новую науку, не существовавшую до них – *утёсовведение*.

Начав с газетных статей, они пришли к тому, что выпускают «Утёсовскую энциклопедию».

За эти годы Амчиславские обросли друзьями, думаю, и врагами – как же без них? – но главное – и соавторами, включившимися в эту работу. Это и одесский журналист Александр Галяс, знаток и собиратель сведений об одесской эстраде, и Татьяна Щурова, завотделом искусств научной библиотеки, и…

23 августа во Всемирном клубе одесситов Эдик Амчиславский и Саша Галяс представили *пять* новых книг, посвященных Утесову.

По сути, о каждой книге можно рассказывать и рассказывать. Это не компиляции, это исследования. Но я остановлюсь, пожалуй, на одной – втором томе «Утесовской энциклопедии», который буквально только что вышел из издательства в Нью-Йорке. Всего планируется десять томов. Во второй том вошли буквы Г–Ж, а это тысячи людей, друживших с Утесовым, писавших об Утесове, игравших в его джазе, это композиторы и авторы текстов, в конце концов – сами песни, исполняемые ими.

Убежден, что для такой скрупулезной работы обычно создаются научно-исследовательские институты. А тут два человека, отец и сын Амчиславские, которые успевают еще помогать утесовскому

музею в Одессе, отвечать на вопросы, разоблачать проходимцев: все еще появляются «незаконнорожденные» дети и внуки Утесова…

Открываю наугад пятисотстраничный том энциклопедии.

Гроссер Борис Николаевич.

Фамилия мне известна. Выдающийся художник русской эмиграции. Одессит. Учился в Мюнхене и Париже у самого Мориса Дени. Член Общества независимых художников Одессы, иллюстратор издательства «Омфалос»…

Но при чем тут Утесов.? Оказывается, Борис Гроссер жил в Одессе до эмиграции на Еврейской, 22, в кв. 5, в семье своей тети Полины Ослан, а муж тети Илья Ослан был двоюродным братом Утесова.

Кто скажет после такого пассажа, что Одесса – не «большая деревня»?

На этой же страничке я улыбнулся.

Алфавит поставил рядом с Гроссером Андрея Громыко.

Ну а он какое отношение имел к Утесову? Оказалось, что в приветствии Михаила Водяного к 70-летнему юбилею Утесова прозвучали на всю страну слова из песни, написанной Александром Менделевичем Баренбоймом, завучем одесского театрального училища:

Ты в Москве был, как консул Одессы,
Хоть Громыко об этом не знал.

Думаю, и сейчас дети и внуки Громыко не узнают, что он удостоен чести попасть в «Утесовскую энциклопедию».

А я обрадовался, что в этом томе есть Гарик Голубенко, Володя Гридин, Юля Женевская – мои друзья, что целая страничка посвящена мне и Вале Голубовской… У каждого из нас свои соприкосновения с утесовианой.

Все книги Эдуард Амчиславский и Александр Галяс подарили научной библиотеке и Всемирному клубу одесситов, так что ежели понадобится справка – заходите.

Да, и в одной из книг, которые показывали на презентации, есть диск со всеми песнями Утесова о Черном море. Так что псевдоним, который в молодости взял себе музыкант, он оправдал своим творчеством.

Феликс Кохрихт

Жизни не скажешь: «Постой, погоди!»

Издано в Одессе

Леонид Авербух
И всерьез, и в шутку
Одесса, Optimum, 2021

Катятся, катятся годы упрямые
Жизни не скажешь: «Постой, погоди!»
И позади уже лучшие самые.
Сколько, какие еще впереди?
Что же нам делать с их бегом стремительным?
Как же достойно себя повести?
Радостно встретить рассвет упоительный
И без трагедий с закатом уйти…
К близким, к друзьям проявляя терпение,
Просто, естественно жить и дышать.
Как бы продлить эти зори осенние,
Но не роптать и другим не мешать…

1988

Автору этих строк Леониду Григорьевичу Авербуху, как следует из даты их написания, было 58 лет. Нам, друзьям, нетрудно подсчитать, сколько ему исполнилось к моменту недавнего выхода в свет очередной книги. В свои 91 он, не крепкого нынче здоровья, задумал, составил и подготовил к печати поэтический сборник, в котором большинство рифмованных строк (а среди них есть и сокровенные) публикуются впервые. И это притом, что

и сам Л. Г., и я – публикатор его творчества со времен газеты «Знамя коммунизма» и по сегодняшний день на страницах альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» – потеряли счет его книгам разного направления и жанра. И медицинских, и публицистических, и стихотворных, содержащих его знаменитые, как правило, ядовитые короткостишья, «лёнчики». И, наконец, главной книгой жизни его, представителя одесского рода в 7-8-м поколениях, стал объемистый том «Видел, слышал, знал…».

Но вот лирических стихотворений он не публиковал, да и не читал своим командирским баском (майор запаса) на заседаниях клуба «Беседа». И вот в начале октября этого года я открываю новый сборник, и на 44 странице – то самое (вынесенное в начало этих заметок) откровение зрелого, полного сил мужчины, известного врача, авторитетнейшего специалиста во всех аспектах профилактики и лечения туберкулеза, путешественника. Он заглядывает в будущее, которого побаивается и о котором задумываться каждый из нас, и испытывает себя, острослова, душу компании, загадкой о предстоящих годах…

За эти 33 года, особенно за последние, случились невосполнимые потери – ушли жена Ирина Чайковская, адресат самых прочувственных и вдохновенных посланий, старые друзья, многое изменилось в нашей жизни. И все же, предполагаю, да что там – уверен: Леонид Авербух нашел ответы на трудные вопросы. Он и сегодня среди тех специалистов, кто встревожен состоянием дел в медицине, в первую очередь той, что противостоит пандемии: его научные статьи публикуют отечественные и зарубежные издания, Он до недавнего времени не пропускал ни одного

концерта высокой музыки в филармонии, где завсегдатай с довоенных, детских лет. Он несколько лет ведет в нашем альманахе цикл удивительно интересных, уникальных материалов под рубрикой «Одесские музы поэтов», и они недавно вышли отдельным изданием, и их уже не сыщешь в книжных магазинах.

Новый сборник был оперативно и качественно собран и отпечатан издательством «Optimum». Его директор Борис Эйдельман сделал для этого все и даже больше.

Книга названа «И всерьез, и в шутку». В первом разделе – лирика, размышления на темы, волнующие и меня, – «Реабилитация» (о сложных и порой трагических противоречиях и единстве религий); «Ностальгическое» – диалог с Иосифом Бродским о жизни «в провинции у моря»; и, конечно, обращение к Пушкину – как же без него в Одессе… Есть лаконичные и точные заметки о странах, где побывали за долгие годы Леонид и Ирина.

Второй раздел – «И в шутку». Как и Игорь Губерман свои «гарики», Леонид Авербух свои «лёнчики» обожает провозглашать громко и лично. Мы в «Беседе» и другие одесситы имели удачу слушать и того, и этого (не другого). Но и читать эти четверо- и пятистрочья самому тоже полезно и поучительно. Важно, что кроме родственников, сослуживцев, друзей доктора Авербуха его афоризмы с симпатией оценил и Михаил Жванецкий, а Леонид Григорьевич в заключение сборника припас для нас несколько своих ассоциаций, возникших под впечатлением встреч с президентом Всемирного клуба одесситов, в частности, за дружеским застольем.

Привожу один из них, как мне представляется, в какой-то мере отвечающий на вопрос, который задал себе автор 33 года назад:

Быть больным печально, но не стыдно.
Быть не стыдно старым, некрасивым.
Даже дураком – и то не стыдно.
Стыдно… быть от этого счастливым!

Мы, аксакалы «Беседы», выпили за здоровье автора и, пожалуй, согласились с ним.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
25 лет Клубу одесситов 6
Альманаху, которому 15 8

Юрий Михайлик
«Что поделаешь – время прощаться…» 10

История, краеведение

Валерий Романов
По мосту Коцебу из Одессы в Таллинн 14

Алла Решетникова
Династия семьи Безчастновых – строителей, архитекторов Одессы 23

Ванда Цуркан
Борис Пивенштейн. Дважды казненный герой 46

Белла Кердман
Смотрите, кто ушел 69

Леонид Лейдерман
Армянин одесского разлива 77

Алена Яворская
В цветущих акациях город, или Акация пахнет, как скаженная 83

Феликс Кохрихт
Доктор моего детства 101

Проза

Анна Михалевская
Нездешний 104

Владимир Каткевич
Фамильная бочка 112

Виктория Колтунова
Азамаха 134

Анатолий Контуш
Искусство правильно читать книги 148

Поэзия

Владислав Китик
В преддверье листопада 154

Татьяна Мартынова
Счет ведет календарь 159

Константин Ильницкий
Искусство или ремесло? 163

Юлия Пикалова
Мифы и правды 169

Первые шаги

Феликс Кохрихт
Одесса: юные экскурсоводы приглашают 178

Никита Герус
Как мир прекрасен... 183

Искусство – жизнь – искусство

Любов Ісаєнко
Відгомін життєвої дороги Володимира Гетьмана 192

Петр Гейбер
Путешествие оптимистки 204

Ольга Тангян
Жена художника 213

Елизавета Кузьминская (Полихрониди)
Греческий след в судьбе Анны Ахматовой 235

Елена Галинская
«Белеет парус одинокий». К 85-летию книги 246

Юрий Калмыков
Неизвестная фотография Георгия Шенгели 256

Феликс Кохрихт
Бархатный сезон в одесском оперном. «Кармина Бурана»: «O Fortuna!» 265

Юрий Дикий
Филармонии – 90 лет 271

Елена Каракина
Отпечаток его характера. 279

Публикации

Сэда Вермишева
Из последних стихов (2017-2019) 286
Публикация Вячеслава Игрунова

Киностатьи Веры Инбер 294
Публикация Эдуарда Амчиславского

Эрванд Григорянц
Афоризмы 302
Публикация Тимура Семенова

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Хороший тонъ» 308

Путешествие

Наталья Бржестовская
Монтенегро: вторая родина моя?.. 336

Ах, Одесса

Анатолий Горбатюк
В свадебном путешествии отказать. 344

Сергей Осташко
Бабушка и другие 347

Эдвиг Арзунян
Призывы со двора 353

Владимир Кигель
Когда мы были молодыми 357

Игорь Геращенко
Только в Одессе! 363

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 368

Феликс Кохрихт
Жизни не скажешь: «Постой, погоди!» 378

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 87

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 87

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 28.10.2021
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

©

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncilA.C.
FCS-4CC-018

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua